

ЛАБИРИНТ

журнал
социально-гуманитарных
исследований

№ 1

(март - апрель 2012)

www.journal-labirint.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	3	Слово главного редактора
РЕДАКЦИЯ		<i>ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ</i>
главный редактор <i>М. Ю. Тимофеев</i> (д-р филос. наук)	4	М. Ю. Тимофеев Бес/з коммунизма: кризис идеологии в современной России (анализ семиотического дискурса)
ответственный секретарь <i>Д. С. Докучаев</i>	18	О. Надскакула Пути и беспутья религиозной терпимости
редакционная коллегия		<i>ЛИНГВИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ</i>
<i>Д. Н. Замятин</i> (канд. геогр. наук, д-р культурологии) Москва, Россия	24	М. Н. Крылова Современная языковая личность и религия (на материале сравнительных конструкций)
<i>А. В. Зобнин</i> (канд. ист. наук) Иваново, Россия	30	Н. Л. Таганова Лирика казни (В. Набоков: «Приглашение на казнь» в контексте лирики 20-х годов)
<i>М. П. Крылов</i> (д-р геогр. наук) Москва, Россия	37	<i>КУЛЬТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ</i>
<i>М. А. Литовская</i> (д-р филол. наук) Екатеринбург, Россия	57	М. П. Крылов Взаимодействие смежных наук при изучении региона: эффективность и сочетаемость методологий и теоретических допущений
<i>Д. В. Маслов</i> (канд. экон. наук) Иваново, Россия	71	А. Е. Левинтов Уроки экономической истории. Критика советской экономики и ее научной базы
<i>Б. Оляшек</i> (д-р филол. наук) Лодзь, Польша	78	<i>ДИСКУССИЯ</i>
<i>И. Л. Савкина</i> (д-р философии) Тампере, Финляндия	84	О. Б. Гуцуляк Изначальный архетип Украины и России
<i>В. М. Тюленев</i> (д-р ист. наук) Иваново, Россия	96	<i>ТРИБУНА</i>
<i>В. П. Харкун</i> (д-р филол. наук) Киев, Украина	98	Д. А. Карманова Кризис российского высшего образования: к проблеме аспектизации
<i>О. В. Шабурова</i> (канд. филос. наук) Екатеринбург, Россия	107	М. В. Пулькин Система «ВАКовских» публикаций как проблема антропологии научной жизни
<i>В. Г. Щукин</i> (д-р филол. наук) Краков, Польша	109	<i>ЭССЕИСТИКА</i>
	114	Г. С. Смирнов Декабристы 21 века: кризис бинарного бонапартизма в России
	116	Д. В. Маслов Reinventing the City, или Иваново – Молодежная столица Европы
	120	<i>АНОНСЫ, РЕЦЕНЗИИ</i>
	123	Неизреченное слово: (мемориальный сборник, посвященный профессору Александру Николаевичу Портнову)
		Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города
		<i>СОБЫТИЯ, ХРОНИКА</i>
		А. В. Зобнин II научно-практическая конференция «Меценаты русской провинции: история и современность»
		АННОТАЦИИ
		SUMMARIES
		СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

e-mail:

editor@journal-labirint.com

ISSN 2225-5060

Издатель:

Докучаева Наталья Александровна

Адрес редакции:

153005, г. Иваново, ул. Шошина 13-56

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Выпуск нового электронного научного журнала — событие для современного интернет-сообщества вполне заурядное. Степень потенциального интереса к изданию на нулевом этапе его существования трудно прогнозировать. Задачу главного редактора я вижу в привлечении к сотрудничеству профессиональных, талантливых, интересных и нетривиально мыслящих авторов. Обнадёживает то, что ряд текстов, выложенных предварительно на сайте журнала, уже привлёк к себе внимание читателей.

Мы заинтересованы в том, чтобы журнал не стал, подобно многочисленным печатным сборникам, «братской могилой» текстов. Электронный формат и подразумеваемая широкая доступность публикуемых материалов являются лишь условием для востребованности появляющихся на сайте и страницах журнала работ.

Миссия журнала «Лабиринт» заключается в создании площадки для междисциплинарного диалога, обмена информацией, обсуждения широкого круга актуальных проблем.

Принципы работы журнала связаны, во-первых, с ориентацией на оперативный доступ к актуальной информации, во-вторых, на привлечение к сотрудничеству представителей разных областей социально-гуманитарного знания. Представленность на его страницах позиций антропологов, географов, искусствоведов, историков, культурологов, политологов, религиоведов, социологов, филологов и философов особенно важна для работы над тематическими выпусками журнала.

Современные информационные технологии позволяют знакомиться в рамках электронного ресурса не только с текстами, но и с аудио- и видеоматериалами с научных мероприятий, публиковать видеоролики с интервью, публичными лекциями и даже проводить конференции. Начало этому уже положено.

Журнал открыт для диалога. Мы принимаем не только научные статьи, но и эссе для обсуждения, публикуем дискуссионные тексты.

Журнал адресован преподавателям и студентам социально-гуманитарных факультетов, исследователям и практикам, работающим в различных сферах знания.

Название журнала возникло в значительной степени спонтанно, будучи результатом внутренней рефлексии. Лабиринты науки замечательны тем, что в отсутствие нити Ариадны исследование коридоров и тупиков является значимым и приближает к предполагаемому выходу.

Михаил Тимофеев,

доктор философских наук,

главный редактор сетевого издания

«Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований»

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

М.Ю. Тимофеев

БЕС/З КОММУНИЗМА: КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (АНАЛИЗ СЕМИОТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Изучая процессы трансформации семиосферы коммунизма, проходившие в 1990-2000-х годах, невозможно не обратить внимание на то, что к началу второго десятилетия XXI века степень и характер присутствия знаков с коммунистической семантикой в разных странах существенно различаются [23, 24, 25, 26]. Спустя 20 лет после распада СССР и декоммунизации «соцлагеря» можно констатировать, что расставание с этой идеологией в России существенно отличалось от разрыва с ней в ряде бывших стран восточного блока и экс-советских республик. Собственно говоря, разлука с коммунистическим прошлым по большому счёту так и не состоялась, власть так и не смогла создать новой целостной идеологии. Непоследовательность, половинчатость действий по демонтажу коммунистической идеологии особенно заметна при сопоставлении России с большинством современных государств Восточной Европы, прошедших через искушение коммунизмом. В настоящей статье я сосредоточусь на отечественном опыте преодоления коммунистической идеологии в рамках наиболее распространенных и структурообразующих семиотических практик и сравнении их с процессами, проходившими в некоторых других посткоммунистических странах Восточной Европы.

В основе существования современного «коммунистического» текста культуры или семиосферы «коммунизма» лежат два фактора: во-первых, мощный пласт унаследованной материальной и духовной культуры, содержащий соответствующую семантику. Во-вторых, становится все более заметным постмодернистское обыгрывание знаков ушедшей идеологии в новых семиотических практиках. Так, в сфере знаков «коммунизма» можно выделить два уровня: 1) реликты — посткоммунистические знаки, указывающие на объекты материальной и духовной культуры, созданной в советское время и унаследованные современной культурой и 2) симулякры — поп-коммунистические знаки, создаваемые в настоящее время, имитирующие реальность времён социализма, указывающие на несуществующие реалии и конструирующие новую иллюзорную реальность [Подр. см.: 24, с. 224].

Шаг вперед, два шага назад

«Посмотрите на силу национальных эмблем. Какие-то звезды, лилии, леопарды, полумесяц, лев, орёл и другие фигуры, которые означают Бог знает что, нарисованные на развевающейся на ветру старой тряпке, прикрепленной к древку на крепости, на краю земли заставляют кипеть кровь у самых грубых и самых обычных внешне людей. Людям кажется, что они ненавидят поэзию, но все они поэты и мистики!»

Ральф Уолдо Эмерсон «Поэт»

Смена политических режимов неизбежно ведёт к борьбе с символами прошлого. Как показал опыт стран Восточной Европы, разрыв с коммунистическим прошлым часто сопровождался возвращением к символике предшествовавших социально-политических систем. Во всех бывших социалистических странах были заменены либо все, либо некоторые из официальных символов государства (герб, флаг и гимн). Неизменными остались флаги, которых не коснулся коммунистический рестайлинг (Венгрия, Польша и Чехия). Процедура утверждения новых вариантов в ряде случаев длилась довольно долго. Однако в начале 1990-х годов практически все государства обрели новые символы. Исключением являются государства бывшей Югославии, а также Латвия, где «Закон о гербе» был принят только в 1998 году, и Украина, гимн которой был утвержден только в 2003 году.

Ю. М. Лотман, обращаясь к феномену трансляции значений, писал, что «являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [12, с. 241]. Дискретность истории не препятствует процессу передачи констант и символов культуры [22, 42]. Обращение внимания исследователей к изучению феноменов разрыва, берущее начало, по-видимому, с М. Фуко [33], помогает понять механизм трансформации знаков и их значений в переходный период истории.

Россия в XX веке прошла через процедуру радикального переустройства семиосферы как минимум дважды [10]. Характер борьбы с политическим прошлым после Февральской и Октябрьской революций 1917 года [16] существенно отличался от

социально-политических действий новой российской власти в 1990-е годы. Пришедшие к власти осенью 1917 года большевики достаточно быстро и радикально заменили все прежние государственные символы новыми. После распада СССР в России стали использоваться знаки государственности (герб и флаг) Российской империи, гимном стала «Патриотическая песня» М. Глинки. Коррекция в символике произошла во время первого президентского срока В. Путина. В 2000 году федеральным конституционным законом «О государственном гимне Российской Федерации» в качестве мелодии гимна была утверждена музыка А. Александрова (бывший гимн СССР). 7 марта 2001 года в качестве официального гимна Российской Федерации был принят текст С. Михалкова — переработанный вариант 1944 года. Кроме того, с 1996 по 2007 год в России, согласно указу «О Знамени Победы», использовался символ Знамени Победы с золотой пятиконечной звездой, но без серпа и молота. Этот указ президента Б. Ельцина вызвал многочисленные протесты со стороны ветеранских организаций и был отменен президентом В. Путиным летом 2007 года. Во многом схожий возврат к советскому можно было наблюдать в Беларуси. После прихода к власти в республике Беларусь А. Лукашенко в 1994 году, были заменены государственные символы, принятые в республике после распада СССР (бело-красно-белый флаг и «Погоня» — бывший герб Великого Княжества Литовского, в состав которого входила Беларусь). 14 мая 1995 года на референдуме были утверждены флаг, герб и гимн, продолжающие традицию символики Белорусской ССР. Новая редакция гимна была принята в 2002 году. Музыкальная версия гимна БССР осталась неизменной, а в новом тексте были использованы фрагменты прежнего советского варианта.

В 1990-2000-е годы в ряде бывших республик СССР и во многих странах Восточной Европы были приняты законы о запрете использования коммунистической (советской) символики. Сразу после свержения коммунизма в 1989 году нацистские и коммунистические символы были запрещены в Венгрии. Запрет на использование гербов и гимнов СССР, изображений серпа и молота, красной звезды был введен в Латвии сразу после восстановления независимости в 1991 году. В 2003 году закон о собраниях, пикетах и шествиях был дополнен поправкой, запрещающей также демонстрировать стилизованные под эти символы изображения и предметы. В начале 2007 года парламент Эстонии одобрил поправки в Уголовный кодекс, касающиеся запрета использования в общественных местах советской и нацистской символики. Согласно законопроекту, в стране запрещается демонстрировать и продавать флаги, гербы и другие атрибуты, связанные с существованием СССР, союзных республик СССР и Коммунистической партии Советского Союза. А также символику Национал-социалистической партии Германии, войск СС или их явно узнаваемых фрагментов [39].

7 июня 2008 года парламент Литвы принял поправки к нескольким внутренним законам, которые регулируют реализацию свободы слова и свободы собраний, и ввел запрет на публичную демонстрацию символов СССР и нацистской Германии (флаги, гербы, и национальные гимны). Согласно поправкам, во время митингов и других массовых собраний, запрещено использование формы и знаков различия нацистских и коммунистических организаций, таких как свастика, красная звезда, серп и молот. Однако этот запрет не распространяется на политические партии, если они хотят использовать некоторые из этих символов в качестве их знаков [45].

В Польше поправки к Уголовному кодексу, запрещающие советскую символику наряду с фашистской, были приняты осенью 2009 года. Согласно им, демонстрация, приобретение и распространение предметов или записей, содержащих советскую символику, может повлечь за собой наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет [48]. Это вызвало критику со стороны левых и либеральных сил, указывавших на недостатки документа, так как он не содержит списка запрещенных символов. Следует заметить, что действие закона не распространяется на коллекционеров и на использование символов в художественных и научных целях [49, 51, 52].

Попытки законодательного запрещения советской и коммунистической символики предпринимались и в ряде других стран (Украина, Молдова), но не были реализованы из-за политической конъюнктуры. В постсоветском пространстве российский вариант отношения к официальной символике государства не уникален, но весьма показателен, т.к. демонстрирует отсутствие непротиворечивого идеологического концепта.

Праздники, которые всегда с нами

«Грубин предложил мне отметить вместе ноябрьские торжества. Кажется, это было 60-летие Октябрьской революции.

Я сказал, что пить в этот день не буду. Слишком много чести.

А он и говорит:

— Не пить — это и будет слишком много чести. Почему же это именно сегодня вдруг не пить!»

Сергей Довлатов «Соло на ундервуде»

Помимо официальной символики важным инструментом идеологизации социальной жизни является изменение структуры праздничных дней календаря. Все страны бывшего соцлагеря и новые государства экс-СССР имеют свои дни независимости, являющиеся главными государственными праздниками [См.: 28]. Особенностью их выделения является то, что в ряде республик даты обретения

независимости связаны не с распадом СССР и декоммунизацией восточного блока, а с последствиями Первой мировой войны или Октябрьской революции 1917 года. Установленный в России в 1994 году День принятия декларации о государственном суверенитете России по своей семантике был аналогом Дня независимости, что негативно воспринималось не только сторонниками восстановления СССР. Ребрендинг государственной символики коснулся и этого праздника, получившего в 2001 году наименование Дня России.

На специфику идеологического дискурса в европейском ареале бывшего СССР недвусмысленно указывает локальное сохранение советских «красных дней календаря». Показательно, что день Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) празднуется до настоящего времени только в Беларуси [См.: 28]. Указом президента России от 7 ноября 1996 года «О Дне согласия и примирения» прежнее название праздника («Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции») в целях «смягчения противостояния и примирения различных слоев российского общества» было изменено [См.: 9]. Полное и окончательное дезавуирование памяти Октябрьской революции было осуществлено в 2004 году. Процедура устранения праздника была запущена в сентябре и завершена внесением изменений в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» 29 декабря того же года. Официальные источники утверждают, что идея празднования Дня народного единства была инициирована на заседании Межрелигиозного совета России, который объединяет лидеров православия, ислама, иудаизма и буддизма. Парадоксальным это решение представителей четырех конфессий выглядит из-за того, что только одна из них традиционно отмечает в этот день праздник в честь Казанской иконы Божией Матери, которая находилась во время освобождения Москвы в ополчении во главе с Кузьмой Мининым и князем Димитрием Пожарским. Совсем уж фантазмагорическим согласно принятым решениям стало наименование памятной даты, отмечаемой 7 ноября – «День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год)» [См.: 32].

Продвижение нового праздника в массы в настоящее время не выглядит успешным. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2011 году представил данные о том, сколько россиян знают точное название праздника 4 ноября. Согласно опросу информированность о празднике возросла: «доля респондентов, которые не знают его названия, постепенно снижается (с 51% в 2009 году до 43% в текущем году). Однако его точное название (День народного единства) россияне могли вспомнить все реже (с 16 до 8%). Вместо этого, сограждане чаще стали называть его Днем единения (с 9 до 11% за

год). 8% ошибочно считают, что 4 ноября мы празднуем День независимости России, 4% — День согласия и примирения, 2% — День Конституции, 1% — День октябрьской революции» [35]. Так же исследование показало, что праздновать 4 ноября большинству россиян, как и прежде, несвойственно, однако в 2011 году таких респондентов стало меньше (с 66 до 54%). Отмечать праздник были намерены 34% опрошенных, еще 12% не решили, как проведут этот день. Все более распространенной стала традиция отмечать 4 ноября дома, за столом (с 6 до 11%) или ходить в гости (с 4 до 8%). Сравнительно немного тех, кто отмечает 4 ноября за городом (3%), в ресторане или клубе, в театре, в кино или на концерте (по 2%). Участие в праздничной демонстрации осталось выбором меньшинства (1%) [35]. В этом контексте уместно сослаться на З. Маха, писавшего о том, что создание новых ритуалов и их новых значений способно уничтожить старую символику, связанную с предыдущим порядком, при условии, что новая властная элита способна монополизировать символическую жизнь в стране через контроль над СМИ, правовой и репрессивной системой. Или же она может создать новые праздники в настолько привлекательной идеологической или символической форме, что старые прекратят быть опасной альтернативой. Если новые и старые государственные ритуалы выпадают на различные дни, то результатом становится двойная символическая жизнь старого и нового. В этом случае различные группы отмечают разные праздники: сторонники нового порядка участвуют в государственных ритуалах, в то время как его противники придерживаются старых, или те же самые люди принимают участие в обоих, что часто случается в репрессивных государствах, где участие в государственных ритуалах является обязательным [46, С.107—108].

Идеологизация календаря — это, пожалуй, самый успешный в современной России антикоммунистический проект власти. Значимость его не столь велика из-за того, что в СССР коммунистические праздники отнюдь не были самыми любимыми у широких народных масс.

Перекрестки пространства и времени

«Просто я живу на улице Ленина
И меня зарубает время от времени.
Просто я живу на улице Ленина
И меня зарубает время от времени»
Фёдор Чистяков «Улица Ленина»

Еще до распада СССР и своей страны югославский кинорежиссер Д. Макавеев в одном из интервью сказал, что живет в Белграде на углу бульвара Ленина и улицы Джона Кеннеди [13]. Подобный симбиоз в нашей стране тогда был немыслим, да и сейчас он воспринимается не вполне обыденно. Далее я остановлюсь на городских наименованиях,

обозначаемых в ономастике термином урбанонимы. Они включают годонимы (названия улиц, переулков, проспектов, набережных и других линейных объектов), агоронимы (названия площадей). Кроме этого к ним относятся астионимы (обозначения собственного имени городов), а также эмпоронимы (наименования торговых объектов) и эргонимы (названия деловых объединений людей, в том числе союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ) [20, с. 39, 50—51, 166.].

Топонимический пласт советского текста до настоящего времени является структурообразующим для многих городов. Современная российская номиносфера — часть семиосферы, включающая важные для поддержания ее системной целостности наименования — характеризуется отсутствием системности. Это обусловлено размытостью политического дискурса, несформулированностью идеологического концепта. Символические действия власти во многом определяют существование конкурирующих дискурсивных практик в отношении советских названий. Борьба за право наименования идёт практически непрерывно, однако принятые решения в течение последнего десятилетия достаточно малочисленны и в основном происходят на локальном (городском) уровне.

Знаки советскости до настоящего времени широко представлены в астионимии. После волны переименований 1990-х годов значительное количество населённых пунктов РФ сохранило советские названия [11]. Процесс трансформации топосферы тесно связан с изменением героического пантеона [29]. Его формирование при утверждении коммунистических режимов сопровождалось целенаправленной идеологической маркировкой социокультурного пространства, изменением огромного числа топонимов [См.: 16, 32, 38]. В результате этих действий возникла гиперидеологизированная номиносфера, иногда доходившая до абсурда (например, Ленинградский ордена Ленина метрополитен им. В. И. Ленина [40, с. 400]).

Забвение коммунистических героев в идеологических практиках присутствует практически повсеместно в посткоммунистическом пространстве Европы. Исключение составляет Беларусь (с 1995 года по настоящее время). Декоммунизация героического пантеона влечёт за собой трансформацию маркировки пространства, масштабные изменения как макро, так и микропонимов. В России большое количество топонимов было изменено в годы перестройки. Экономическая ситуация 1990-х годов не

способствовала процессу новых переименований. Множество мелких населенных пунктов и ряд областных центров (*Калининград, Киров, Ульяновск*) и до настоящего времени продолжают носить советские названия. В ряде случаев советскость названий могут идентифицировать только местные жители и специалисты по топонимике (*Волгоград, Иваново, Краснодар, Новосибирск*).

В последние годы среди сторонников возвращения прежних досоветских названий важную роль играют представители духовенства, а так же некоторые местные политические лидеры различной партийной принадлежности. Население чаще всего достаточно пассивно реагирует на намерение властей изменить название города. Так в 2008 году на референдуме большинство жителей Ульяновска высказалось против возвращения городу прежнего имени, а в 2011 году новый мэр города солидаризировался с этим волеизъявлением [4, 14]. Однако будирование общественного мнения по проблеме переименования продолжается в Кирове [1] и Иваново [18].

За редким исключением сравнительно немногочисленные топонимы с коммунистической семантикой быстро исчезли с карты Восточной Европы. В Болгарии Михайловград (1945) стал городом Монтана (1992), Толбухин (1949) — Добричем (1991), в Чехии Готвальдов (1949) — Злином (1990), в Германии Карл-Маркс-Штадту (1953) вернули прежнее название Хемниц (1990), в Эстонии Кингисепп (1952) вновь стал Курессааре (1988), на Украине город Готвальд (1976) вернул себе историческое название Змиёв (1990).

Богатая история украинских переименований, пожалуй, уступает только российской. Так город Алчевск дважды за советскую историю менял свое имя — Ворошиловск (1931—1961) и Коммунарск (1961—1992). Елизаветград в 1924 году стал Зиновьевском, в 1934 — Кирово, в 1939 году Кировоградом. Луганск дважды в XX веке становился Ворошиловградом (1938 и 1970) и столько же раз возвращал свое название (1958, 1990). Как и в России, экономические проблемы Украины не позволили довести процесс переименований до конца. В 2009 году в связи с приближением 20-й годовщины провозглашения независимости республики представители Блока Юлии Тимошенко выступили с инициативой переименования ряда городов и областей Украины. С карты страны предлагалось убрать все советские названия. В случае принятия закона появились бы города Каменск вместо Днепродзержинска, Бирзула вместо Котовска, Чистяково вместо Тореза, Елисаветград вместо Кировограда. Исчезли бы имена населенных пунктов, названных в честь деятелей коммунистического режима — Артема, Кирова, Димитрова, Орджоникидзе, Свердлова, Щорса и ряда других. Получили бы новые имена города Красноармейск и Первомайск [15].

Ещё большее присутствие реликтов советскости можно наблюдать на уровне топонимии [27]. Они в разной мере встречаются практически во всех населенных пунктах России, Украины и Беларуси. В Петербурге по сей день существуют улицы Большевиков, Передовиков и Чекистов, Восстания и Коммуны, проспекты Энгельса, Ударников, Стачек, Ленинский и Советский, а так же одиннадцать Советских улиц и площадь Пролетарской Диктатуры перед Смольным.

Следует признать, что урбанонимы наиболее доступны для сознательного воздействия на них государства, что обусловлено как типом обозначаемых реалий (общественно значимое пространство), так и историко-культурными факторами номинации. Именно поэтому государственная власть часто рассматривает топонимию и агортонию как инструмент своей внешней и внутренней политики. Реакция общественности чаще всего возникает постфактум [19]. В 2009 году бурно обсуждалось решение о переименовании Большой Коммунистической улицы в Москве [3]. Она получила имя Солженицына с нарушением законодательства, запрещающего называть улицы именами людей ранее десяти лет после их смерти [8].

Сдерживающим переименования фактором являются и финансовые проблемы. Так в 2004 году переименование ряда центральных улиц в Белгороде обошлось городской казне почти в полтора миллиона рублей. В результате этой единовременной акции было изменены названия около 20 улиц, площадей и переулков. Историческое название было возвращено только Соборной площади, другие объекты получили новые названия. Так, проспект Ленина стал Гражданским, Коммунистическая улица — Преображенской, улица Воровского — князя Трубецкого [2]. Анализ постановления главы местного самоуправления Белгорода В. Потрясаева по переименованию улиц городского центра дает основание говорить о непродуманности этого решения, хотя в нем и дается ссылка на предложения Экспертного совета при администрации города [21].

Известный специалист в области топонимики Т. Шмелева выделила шесть сценариев соотношения новых/старых и советских топонимов: 1) сохранение, 2) ликвидация, 3) в случае переименования, присутствие прежнего советского названия в повседневных практиках горожан, 4) дифференцированное сосуществование, когда на адресных табличках дается несколько исторических названий, 5) компромисс в виде соединения двух названий, 6) переосмысление, когда меняется семантика советского названия [36]. Выбор стратегии и тактики отношений с прошлым в топонимии остается

чаще всего за властью. Иногда это приводит к довольно анекдотичным последствиям, как, например, компромиссное решение в Великом Новгороде, приведшее к появлению улицы Джалиля-Духовская и площади Софийская-Победы [30]. В Твери незавершенность переименований привела к тому, что здание городской администрации расположено на площади Ленина, находящейся на пересечении улиц Трехсвятской и Советской (бывшей Миллионной). Перечень нелепых сочетаний весьма велик. Например, очень странно выглядит синтагма адреса и адресата некоторых епархиальных управлений, соборов и монастырей. Так в Новосибирске епархиальное управление находится на улице Советской, а в Краснодаре — на Ленина (однако в официальных церковных документах адрес пишется как «Соборная (Ленина)»). Впрочем, и епархии в некоторых городах, сохранивших советские названия, именуется по-старому (Вятская, Екатеринодарская, Иваново-Вознесенская, Симбирская).

Устранение идеологически маркированных микротопонимов осуществлялось на рубеже 1980-90-х годов масштабно. Так в Москве к концу 1993 года были изменены названия 152 улиц [41, с. 483], в Бухаресте в 1990—1997 годах 288 [43, с. 160], в Берлине — 80 [37, с. 484]. В Будапеште между 1985 и 2001 годами появилось 1094 новых названий улиц, из которых 448 использовались раньше (в конце XIX века и в межвоенный период) [47]. Польский историк Р. Стобецкий указывает, что в Лодзи было изменено название более трехсот топонимов. Исчезли улицы Армии Людовой (AL), Польского комитета национального освобождения (PCNL) и Союза польской молодежи (ZMP). От своеобразной формы остракизма пострадали названия исторических улиц и площадей, посвященных активистам международного коммунистического движения (К. Либкнехту, Р. Люксембург, Э. Тельману) и те наименования, которые были связаны с СССР (улицы Красной Армии, защитников Сталинграда) [50].

Если в странах бывшего советского блока и в Прибалтике декоммунизация топонимов уже завершённый процесс, то в других странах постсоветского пространства, в частности в России, он продолжается и носит скорее спорадический характер [24]. Так в начале 2011 года улица Боевиков в городе Иваново получила имя Якова Гарелина — одного из первых городских глав, фабриканта и краеведа. Первоначально обнародованная инициатива включала переименование и шести

Лагерных улиц, что сделано не было [6].

Реликтовые знаки советскости в некоторых эргонимах — названиях предприятий, известных в течение многих десятилетий, все чаще воспринимаются без учета их идеологической семантики (кондитерские фабрики «Ударница», «Красный Октябрь», швейная фабрика «Большевичка», станкостроительный завод «Красный пролетарий» и многие другие). Старые названия, имеющие недвусмысленную советскую коннотацию, по сей день присутствуют в названиях гостиниц, ресторанов и кафе, кинотеатров, домов культуры и т.п. Отсутствие приоритетов по отношению к идеологически маркированному символическому пространству в современной России создает условия не только для борьбы советского и антисоветского, но и для симулятивного конструирования псевдосоветского [Подр. см.: 23, 24]. При этом семантика аутентичного, реликтового советского на структурно-субстратном уровне семиотической системы в определенной степени утрачивается. Концептуальное обыгрывание советской символики не означает актуализацию идеологической семантики знаков. У семиосферы симулятивной советскости есть референт, но уже нет денотата. В отсутствие идеологического концепта, осколки советской системы обретают новые утилитарно-прагматические смыслы или просто теряют всякий смысл.

Идеологическая парадигма современной России эклектична. Прихотливый мезальянс имперского, православного, советского и антисоветского дискурсов в рамках «суверенной демократии» [См.: 17, 34] лишён концепта. Нельзя не согласиться с Б. Дубовым в том, что власти для формирования новой идеологии в начале 1990-х «ничего разумного предложить обществу в таком его состоянии не смогли или не захотели» [7]. Симбиоз российского и советского, конструирование которого началось ещё в конце 1930-х годов, демонстрирует свою жизнеспособность, и тот факт, что в 2008 году в телевизионном проекте «Имя Россия» Сталин занял третье место, за считанные дни до конца голосования пропустив впереди себя Александра Невского и П. А. Столыпина [24] лишний раз свидетельствует о значимости коммунистических маркеров в массовом сознании.

Анализируя современные меморативные практики в городской среде, С. Ушакин отмечает, что «воображаемая или физическая гомогенизация пространства, своеобразная «зачистка» городской среды становится едва ли не основным способом реорганизации истории: на смену утопическому советскому будущему пришло утопическое

постсоветское прошлое» [31, с. 12—14]. В значительной степени акты иконоклазма остались в прошлом. Не рассмотренная в данной статье борьба с коммунистическими монументами [Подр. см.: 25, 26] в последние годы стала носить вполне амбивалентный характер. Частично памятники перемещаются в музейное гетто, некоторые периодически подвергаются актам вандализма, большая же их часть продолжает занимать своё место на улицах и площадях российских городов.

Отношение к коммунизму со стороны власти в современной России, объективируемое в символических практиках, не играет сколь либо важную роль в политической жизни страны, выступая лишь своеобразным индикатором несбалансированности идеологического дискурса. Споры об уместности существования усыпальницы коммунистического лидера на Красной площади в Москве то утихают, то разгораются вновь. Золотые кресты на кремлёвских храмах отражаются в рубиновых звёздах башен, создавая сколь узнаваемую, столь и противоречивую визуальную визитную карточку России.

Список литературы и источников

1. Андреев А. Никита Белых: Переименование Кирова в Вятку не будет стоить бюджету ничего. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/02/16/reg-privolzhje/belyh-vyatka-anons.html> (дата обращения 20.02.2012)
2. Битюгин К. Политика опрокинула прошлое. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bitugin.narod.ru/statyi/history/pereimen.htm> (дата обращения 13.01.2012)
3. Большая Коммунистическая переименована в улицу Солженицына. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.grani.ru/Society/m.144821.html> (дата обращения 17.02.2012)
4. Большинство жителей Ульяновска высказалось против возвращения городу прежнего имени. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://volga.rian.ru/society/20080415/81651037.html> (дата обращения 23.12.2011)
5. Голомидова М. В. Вербальные символы СССР в современной коммерческой номинации // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / [отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова]. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. — (Труды Уральского МИОНа; Вып. 21). — С. 332—348.
6. Гостей Иванова пугают Лагерные улицы и улица Боевиков. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chastnik.ru/2010/11/16/218013/> (дата обращения 18.11.2010)
7. Дубин Б. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 5. — С. 6—22.
8. Жители Большой Коммунистической улицы против переименования ее в улицу Солженицына. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2008-12-08/2_Soljenicyn.html (дата обращения 13.12.2008)
9. Какие праздники мы отмечаем // Отечественные записки. 2003. № 1. — С. 161—163.
10. Колоницкий Б. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 г. — СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2001. — 350 с.

11. Лаппо Г. М. Топонимические размышления геоурбаниста. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://geo.1september.ru/2004/24/11.htm> (дата обращения 11.12.2011)
12. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб: Искусство — СПб., 2000. — С. 240—249.
13. Макавеев Д. Я живу на углу бульвара Ленина и улицы Джона Кеннеди: Интервью // Искусство кино. 1990. № 3. — С. 148—154.
14. Мэр Ульяновска против возвращения городу прежнего названия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/01/23/n_1668634.shtml (дата обращения 25.01.2011)
15. На Украине хотят переименовать 25 городов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=289722&cid=9> (дата обращения 02.01.2012)
16. Никитин С. Революция и география // Отечественные записки. 2003. Февр. — март. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=498&numid=11> (дата обращения 25.11.2011)
17. Пастухов В. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. — М.: ОГИ, 2012. — 527 с.
18. Переименование Иванова обсуждают снова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ixx.ru/news/2010/12/06/news_3548.html (дата обращения 09.12.2010)
19. Подберезкина Л. З. Языковая политика в топонимии: каким должно быть имя новой улицы? (на материале социологических опросов красноярцев) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Декабрь. (Т. 2, приложение). — С. 87—96.
20. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд. М.: Наука, 1988. — 192 с.
21. Постановление администрации города Белгорода от 01.07.2004 № 149 «О переименовании улиц исторического центра города Белгорода». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cfo-info.com/okrug13e/rajonfs/read7fabfda.htm> (дата обращения 28.10.2010)
22. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. — М.: Академический проект, 1997. — 824 с.
23. Тимофеев М. «Советские» наименования в современной России: меморативные практики в городской среде // Пути России. Историзация социального опыта. Т. XVIII. — М.: НЛЮ, 2011. (в печати)
24. Тимофеев М. Знаки «советскости» в современной России: семантика, синтактика и прагматика // Studia Sovietica. Выпуск 2 / Відпов. ред. В. Хархун. — К.: Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, 2011. — С. 223—231.
25. Тимофеев М. Ю. Коммунизм как аттракцион: семантические игры с прошлым // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 3. Вып. 1. (в печати)
26. Тимофеев М. Коммунистические символы на «свалке истории»? // Symbol w polityce. — Тогуń, 2012. (готовится к изданию)
27. Тимофеев М. Самый советский город: архитектура и топонимия города Иванова (Россия) // Miasta Nowych Ludzi: architektoniczna i urbanistyczna spuścizna komunizmu / Z. Grębecka, J. Sadowski (red.). Oboz. 2007. № 49. Т. II. — S. 147—157.
28. Тимофеев М. Ю. Национализация календаря в постсоветском пространстве // Вестник Ивановского университета. 2008. № 3. — С. 113—118.
29. Тимофеев М. Ю. Нацисфера: Опыт анализа семиосферы наций. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. — 279 с.: 45 ил.

30. Улицы Великого Новгорода — это не городская мемориальная доска. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1200129.html> (дата обращения 05.09.2011)
31. Ушакин С. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. (6) № 80. — С. 10—16.
32. Федеральный закон от 29.12.2004 № 200-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона "О днях воинской славы (победных днях) России». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/68602> (дата обращения 30.06.2011)
33. Фуко М. Археология знания. — К.: Ника-Центр, 1996. — 208 с.
34. Чадаев А. Путин. Его идеология. — М.: Европа, 2006. — 232 с.
35. Четвертое ноября: праздник под знаком вопроса. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112077> (дата обращения 01.02.2012)
36. Шмелева Т. В. Советские имена улиц в современном городе // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / Отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. — С. 322—321.
37. Azaryahu M. German reunification and the politics of street names: The case of East Berlin // Political Geography. 1997. № 16. Pp. 479—493.
38. Azaryahu M. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz. Politische Symbole im öffentlichen Leben der DDR. 1945-1986. — Gerlingen: Bleicher, 1991. — 214 s.
39. Estonian to ban display of Nazi and Soviet symbols. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.worldsecuritynetwork.com/showArticle3.cfm?article_id=13743 (дата обращения 17.10.2011)
40. Faryno J. Эмблемы СССР // Идеи в России = Ideas in Russia = Idee w Rosji: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski: W 5 t. / Pod red. A. de Lazari. — Łódź: Ibidem, 1999. Т. 2. — S. 400.
41. Gill G. Changing symbols: The renovation of Moscow place names // Russian Review. 2005. Vol. 64. Issue 3. Pp. 480—503.
42. Hellberg-Hirn E. Soil and Soul: the Symbolic World of Russianness. — Aldershot: Ashgate, 1998. — 289 p.
43. Light D. Street names in Bucharest, 1990–1997: Exploring the modern historical geographies of postsocialist change // Journal of Historical Geography. 2004. № 30. Pp. 154—172.
44. Light D., Nicolae I., Suditu B. Toponymy and the Communist city: Street names in Bucharest, 1948 – 1965 // GeoJournal. 2002. Vol. 56. Issue: 2. Pp. 135—144.
45. Lithuania: Ban on Nazi and Soviet Symbols. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.loc.gov/lawweb/servlet/lloc_news?disp3_l20540487_text (дата обращения 12.02.2012)
46. Mach Z. Symbols, conflict, and identity. Essays in political anthropology. — Albany: State University of New York Press. 1993. — xii, 297 p.
47. Palonen E. The city-text in post-communist Budapest: street names, memorials, and the politics of commemoration // Geojournal. 2008. Vol. 73. № 3. Pp. 219—230.
48. Pilawski K. Paragraf Tuska i Kaczyńskich. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.przegląd-tygodnik.pl/pl/arttykul/paragraf-tuska-kaczynskich> (дата обращения 19.01.2012)
49. Sejm: Zakaz rozpowszechniania symboli komunistycznych. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lewica.pl/?id=20099> (дата обращения 07.02.2012)
50. Stobiecki R. Łódzkie «boje o historię» // Tygiel Kultury. 1998. № 4–5. — S. 90—95.
51. ТК: nie można karać za symbole komunizmu. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wprost.pl/ar/254036/TK-nie-mozna-karac-za-symbole-komunizmu/> (дата обращения 03.02.2012)

52. Za koszulki z Che dwa lata. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rp.pl/arttykul/61229,493643-Za-koszulki-z-Che-dwa-lata.html> (дата обращения 11.01.2012)

* *Фотографии из архива автора.*

О. Надскакула

ПУТИ И БЕСПУТЬЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРПИМОСТИ

Современные глобализационные процессы, культурная и мировоззренческая диффузия всё чаще подчёркивают значение толерантности. Как в теории, так и в общественной практике, терпимость может помочь избежать конфликтов, возникающих в связи с защитой религиозных убеждений. Надо подчеркнуть, что попытка понимания других традиций, знакомство с иными обычаями становится первым и необходимым шагом к противодействию последствиям «столкновения цивилизаций», описанного С. Хантингтоном [2]. Шаг этот надлежит сделать не только политикам и власть предержащим, но также и множеству простых обывателей, открытость которых «иному» поможет победить предубеждения и нетерпимость.

Преимущества терпимости — это вызов для современных церквей и религиозных организаций, которые по своей природе стремятся претворять в жизнь только то, что является истинным исключительно для них, и отклоняют все, что препятствует распространять исповедуемые ими ценности. Следует добавить, что любая религия была и остается на сегодняшний день не только средством духовного возрождения общества, но и дает возможность для различения «своих» и «чужих» и, следовательно, для роста авторитета собственной конфессии и снисхождения к другим.

О проблеме трудности проявления терпимости писал П. Рикёр. Он утверждал, что путь терпимости — это путь постепенной инициации, которая пересекается с проблематикой конфронтации между религиями на самом высоком уровне фундаментальных убеждений. «На нулевом уровне терпимость говорит: *я не переношу того, во что вы верите, осуждаю это, но не могу вам мешать.* На следующем, более позитивном уровне говорит: *я уверен в том, что только я прав, но из вежливости позволяю вам проповедовать то, что считаю ложью. Делаю это во имя справедливости.* На этом этапе я чувствую раздвоенность между истиной, которой я владею и справедливостью, которая является признанием *другого*, но на ином, чем истина, уровне.

Я делаю шаг вперед и признаюсь: *мой противник может быть тоже владеет частью неизвестной мне истины*. Это перспективная версия терпимости. Другой видит такую сторону вопроса, которую я могу не заметить» [14, с. 64].

Здесь нужно добавить, что требование терпимости не сводится к устранению противоречий между разными религиями, и это не приводит к ослаблению групповой идентичности. Это, согласно Дж. Ньюмену, означало бы не терпимость, а принятие, любовь и прочие отличные от терпимости явления. По мнению английского кардинала, проявление терпимости, не ослабляя связи со «своей» группой, открывает субъекта для «чужого», поскольку означает не принятие «иного» мнения, а скорее, уважение к носителю этого мнения [3, С. 34.].

Но многие противники терпимости, в том числе и религиозной, считают её источником нарушения устойчивого мировоззренческого фундамента, и тем самым приводит в противоречие с потребностью любого человека в поиске того, что является правильным и истинным. Принадлежность к церкви обеспечивает чувство уверенности в том, что мы нашли единственную истину, что только наша вера ведет к спасению, что в своей основе подразумевает факт непризнания существования истины у других церквей. Антиэкуменическая иллюзия такого мышления ведет к мнению, что именно *иные, другие*, а не *мы* должны отказаться от своих убеждений; это *другие, иные* должны изменять свою доктрину, нам же остаётся терпеливо ждать их обращения. Как заметил Дж. Локк, любая церковь является правоверной для себя, а для других является еретической и заблуждающейся. «На основе того, кто во что верит, каждый решает, что истинно и осуждает как ошибочное то, что идет против его веры. Любой спор между двумя церквями, либо о правде догм, либо о правильности обрядов имеет равные шансы и одинаковую степень правоты с обеих сторон. И спор этот не удастся смягчить никаким приговором судьи» [11, с. 7].

Интересно, что мы больше боимся тех, кто отличаются от нас в меньшей степени, чем тех, которые в большей. Эта тенденция вытекает из так называемого «нарциссизма меньших различий» [8, с. 106] и даже «синдрома Каина и Авеля». Суть этого «синдрома» состоит в очень парадоксальном на первый взгляд факте, — что «нетерпимость между братьями зачастую сильнее, нежели интолерантность между чужими». В этой связи можно смело заметить, что, если идентичности формируются через противопоставление Другому, то «ближайшему другому», а не тому, кто находится слишком далеко от той или иной идентичности. Эта закономерность оказывается правильной в контексте отношении между католиками и православными. Вот, что пишет польский апостол экуменического движения В. Гриневич: «Много лет тому назад я был участником официального диалога между Церковью Католической и Церковью Православной. (...) После бурных дискуссий,

в которых обе стороны старались высказать свою правоту, один из уже не живущих ныне православных иерархов имел возможность сказать мне следующие слова: "Я являюсь узником своей собственной Церкви". Я могу полностью согласиться с данными словами этого неизвестного мне православного иерарха» [1].

История показывает, что религиозная сфера всегда была и остается особенно чувствительной в отношении одобрения мировоззренческого плюрализма, несмотря на то, что попытки навязывания одного видения «правды» неоднократно расходились с ценностями, которые теоретически несли в себе. По словам Эразма Роттердамского, нетерпимость является одной из главных угроз, которая вытекает из плохо понятой религиозности.

Польша как страна невероятно однородная в культурном отношении является в этом контексте особенно трудным полем для изучения. Вернемся, однако, к упомянутой выше концепции С. Хантингтона о межцивилизационной войне, согласно которой основной источник взаимонепонимания между народами находится в разнице религиозных доктрин. Слова Т. Элиота о том, что «религия есть сердце культуры», могут пролить свет на польское восприятие инаковости и стереотипные оценки других народов и культур, например, русской. Неужели камнем преткновения соседского спора между поляками и русскими было расколовшееся христианство? Как писал В. Эрн, «ни у кого, наверное, не вызовет возражений, если сказать, что острие польско-русских отношений имеет религиозный характер – не племенной, не территориальный, не политический и не экономический, а вероисповеднический <...> Польша горячо убеждена в том, что она — священный страж, передовая католицизма в его стремлении на Восток, Россия же смиренно воспринимает себя величайшим воплощением православия в мировой истории» [4, с. 121.]. Мнение Эрна вписывается в тезис автора «Психологи толпы» Г. ле Бона, по мнению которого, религиозный дух играл ведущую роль в жизни народов, потому что всегда был единственным фактором, способным быстро влиять на характер [10, с. 142].

Реконструируя польский подход к православию в России, невозможно обойти стороной польско-русскую историю. Особенно важной вехой была эпоха романтизма – период раздела Польши. В Польше, лишенной в это время государственности, религия выполняла дополнительно функцию духовной отчизны, соединяющей поляков, находившихся под иностранным господством.

Римско-католическая религия выполняет функцию фактора, гарантирующего национальную сплоченность и облегчающего поиск «чужих». Следствием этого является использование религии в националистической пропаганде. В вопросе о том, кого считать настоящим поляком, нередко решает религиозная принадлежность. Это прекрасно отражается в близости понятий «поляк-католик».

Политически-религиозный синкретизм ослабляет доверие к римско-католической церкви в Польше, потому как доходит до парадоксальной ситуации, которую постарался зафиксировать польский духовник и философ Й. Тисхнер. «Политика вторглась внутрь церкви, — пишет он, — <...> Права *поляка-католика* должны быть на польской и католической земле больше, чем права человека. Так рождается *политический католицизм*»* [16, с. 25]. Эти слова перекликаются с наблюдением В. Хрыневича, который утверждает, что «Церковь в Польше — это Божий Народ, который сам себя не знает, ибо не имеет зеркала, в которое мог бы посмотреться» [17, с. 41]. В другом же месте он добавляет: «признаюсь, что мне очень трудно примириться с фактом, что в якобы христианской Польше так много крестовых походов ненависти, абсолютизации собственной правоты и открытого создания добродетели из неумения прощать» [6, с. 278].

Последствия борьбы за «свою правду» отлично описывает Лев Шестов: «Вообразимая потребность подчиненности одной общей правде, — пишет русский философ, — довела до вечной враждебности: крестовые войны длятся до сегодняшнего дня. Люди, живущие совместно, ненавидят и презирают друг друга, мечтая не о том, чтобы достигнуть взаимопонимания, а о том, чтобы подчинить себе ближнего, привести его к забвению, отречению от себя и всего того, что ему необходимо и представляет для него ценность. Очевидно, мы можем утверждать, что вне нашей правды нет спасения. Мы не имеем, однако, права считать, что, получив единую правду, мы найдём дорогу к душам всех людей» [15, с. 426].

Эти губительные последствия попыток введения собственного видения универсализма свидетельствуют о том, что он практически не имеет шансов на успех и является проявлением насилия в отношении природы человека. Немецкий консервативный революционер В. Стапел писал даже, что «стремление к объединенному человечеству является высокомерным стремлением антибожественного ума» [18, с. 106].

После этих досадных опытов религиозной нетерпимости, недостатка уважения к чужому отличию, нам остается терпимость. О том, что это слово имеет особенное, собственное значение в аспекте религии, убеждает нас И. Лазари-Павловска, когда пишет: «Не в каждом случае благосклонной настроенности к чужому отличию мы будем говорить о терпимости, а лишь на фоне контрастирующих опытов, именно тогда, когда данное отличие бывает предметом негативной оценки, осуждения или преследования. Если бы люди при своих религиозных убеждениях не преследовали друг друга, проявление уважения для чужой религии не ассоциировалось бы с терпимостью» [9].

К своеобразному обучению понимания других, учитывая их религиозные убеждения, призывает В. Гриневич. Чтобы это стало возможным необходимо принять именно эту *другую* перспективу, *другую* точку зрения. Без того мы не сможем понять его

боязней, опасений, приоритетов [5, с. 361]. Х. Ортега-и-Гассет отметил даже, что «перспектива является одной из составляющих частей реальности. (...) Реальность, которая видна из каждого места как таковая является же абсурдным понятием. (...) Каждая жизнь является точкой зрения на мир. (...) Каждая единица — личность, народ, эпоха — являются незаменимым орудием достижения истины. Так истина, не подлежащая сама по себе историческим изменениям, получает жизненное измерение» [13, с. 87].

Это, как и весь скептицизм, совершенно абсурдно, либо противоречиво. Если человек стремится к определенной правде, он это делает потому, что она для него действительно истинна. Стремление к правде исходит из самого себя. Человек прекрасно отдает себе отчет, когда он стремится к истине и когда лишь создает ее видимость.

В этом контексте дело не в том, чтобы отречься от своей веры, собственной традиции, ибо за счет признания *другого*, знакомства с его религиозными взглядами, мы можем сильнее утвердиться в своей религии. Эта своеобразная потребность другого предполагает в некотором роде акт веры: мы верим, что другой способен взять ответственность за своё отличие от других, — пишет автор книги «Политика и религия» П. Михель. «По сути дела очень хорошо известно, даже если это надо всё время актуализировать, что отказ в признании *другого* является отказом в признании самого себя, если не целиком, то в той части, которая выявляет и подчеркивает существование другого» [12, с. 134].

Несомненно, восприятие Другого, стремление к его пониманию даются нелегко, но учитывая будущее христианской религии, это важно и необходимо. «Каждый раз, когда “чужой/другой” отвергается из-за своей непохожести, — пишет В. Гриневич, — присутствие христианства в мире терпит *безвозвратные потери*. Само поведение христиан требует формирования в себе открытой и дружественной идентичности» [7, с. 306].

Следует понимать, что очень трудно быстро достигнуть религиозной терпимости (как *deus ex machina*). Особенно сложно среди конфессий, отношения между которыми связаны с историей взаимных конфликтов и споров. Но религиозная терпимость — это необходимость и вызов современности, и надо приложить все усилия, чтобы мирное сосуществование разных религий было достигнуто в течение самого короткого времени.

* Примером может быть «Общество поддержки “Радио Мария” в службе Богу, Церкви, Родине и польскому народу». Это название внушает, что каждый, кому не нравится эта радиостанция, выступает против народа, Родины, Церкви и Бога.

Список литературы и источников

1. Гриневич В. Жизнь в общине единой Церкви — мой идеал. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.istina.religare.ru/article230.html> (дата обращения 20.01.2009).
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.
3. Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Под ред. В.С. Магун. — М.: Ин-т социологии РАН, 2006. — С. 30—57.
4. Ern W. Ostrze stosunków polsko-rosyjskich // Dusza polska i rosyjska. Od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Sołżenicyna / Pod red. A. de Lazari. — Warszawa: PISM, 2004. — S. 121—128.
5. Hryniewicz W. Kościół jest jeden. — Kraków: Znak, 2004. — 453 s.
6. Hryniewicz W. Na drogach pojednania. Medytacje ekumeniczne. — Warszawa: "Verbinum", 1998. — 280 s.
7. Hryniewicz W. Tożsamość i tolerancja w perspektywie teologiczno-ekumenicznej // Tożsamość, odmiennność, tolerancja a kultura pokoju / Pod red. J. Kłoczkowski, S. Łukasiewicz. — Lublin: Wydawnictwo Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej, 1998. — S. 304—317.
8. Ignatieff M. Nationalism and Toleration // S. Mendus ed. The Politics of Toleration. — Edinburgh: University Press, 1999. — 155 p.
9. Lazari-Pawłowska I. Jeszcze o pojęciu tolerancji // Studia filozoficzne. 1987. № 1 (254). — S. 80—96.
10. Le bon G. Psychologia tłumu. — Nowy Sącz: Antyk, 1999. — 96 s.
11. Locke J. List o tolerancji. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963. — 75 s.
12. Michel P. Polityka i religia. Wielka przemiana. — Kraków: Nomos, 2000. — 134 s.
13. Ortega y Gasset O. Po co wracamy do filozofii. — Warszawa: Wydawnictwo Spacja, 1992. — 240 s.
14. Ricoeur P. Trudne drogi religijności // Człowiek wobec religii / Pod red. K. Mech. — Kraków: Nomos, 1999. — 264 s.
15. Szestow L. Ateny i Jerozolima. — Kraków: Znak, 1993. — 470 s.
16. Tischner J. Książd na manowcach. — Kraków: Znak, 1999. — 314 s.
17. Wojciechowski P. Lud Boży bez lustra // Tygodnik Powszechny, 1995. № 50.
18. Zadencki J. Tożsamość partykularna, tożsamość globalna, biopolityka // Globalizacja i my. Tożsamość lokalna wobec trendów globalnych / Pod red. R. Piekarski, M. Graban. — Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2003.

ЛИНГВИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М.Н. Крылова

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ)

Роль культурных факторов в современном русском языке выросла: культурные реалии, культурная ситуация, сложившаяся в обществе, оказывают значительное воздействие на язык. Рассмотрение сквозь призму языка явлений культуры получило название лингвокультурологического подхода, наиболее актуального в современном языкознании. Сложившаяся на стыке лингвистики и культурологии лингвокультурология изучает язык как феномен культуры, рассматривает языковые факты сквозь призму национальной культуры и ментальности; языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений. Язык, по словам Д. С. Лихачева, «выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [4, с. 28]. В языке отражается, в том числе, духовность современной языковой личности, её отношение ко всему, связанному с верой, религией.

В основе религиозности вообще, безотносительно к какой-либо конкретной религии, – идея о высших ценностях. Религиозность современной личности складывалась под влиянием сложных исторических процессов, среди которых – изначальная духовность русского человека, его тесная связь с христианством, глубокие языческие корни, семьдесят лет советского атеизма, принудительное приучение к религии периода перестройки, влияние на личность разнообразных сект и т. п. Язык способен помочь оценить реальную религиозность современного человека и сложные процессы духовно-нравственного состояния общества.

Нашей целью стало проанализировать сравнительные конструкции современного русского языка как ценный материал для исследования отражения культуры, духовности, религиозности в языке. Анализ семантики сравнения, а именно объектов, привлекаемых сознанием автора для сравнения, позволяет выявить особенности исторического развития языковой личности, её национальной культуры, духовного склада и мирозерцания.

Нами проанализированы разнообразные устные и письменные высказывания и тексты, в том числе: современные литературные произведения; средства массовой

информации; реклама; тексты популярных песен; язык художественных фильмов и телесериалов; стихи детей и подростков и т. п. Из разнообразных источников отобрано более 6100 сравнений. Кроме того, в ряде случаев для выявления динамики функционально-семантической категории (ФСК) сравнения привлекались конструкции, использованные И. А. Буниным и С. А. Есениным в языке поэзии и прозы (более 3500 сравнений).

Первое, что нас заинтересовало, — как часто современная языковая личность выбирает в качестве объекта сравнения (того, с чем сравнивается) образы, связанные с религией, язычеством, мифами и мистикой. Наши наблюдения показали, что образы, свидетельствующие о религиозности носителя языка, употребляются в 3,1 % анализируемых нами сравнительных конструкций. Эти образы отличаются как по характеру реалий, к которым они отсылают, так и по стилистике, целям при их выборе.

Чаще всего, примерно в половине случаев, языковая личность оперирует образами, связанными с **христианством**. Как образы сравнений используются следующие христианские понятия (с указанием их количества в анализируемом материале): *ад* (6), *ангел* (16), *ангел-хранитель* (1), *ангел смерти* (2), *антихрист* (1), *бес* (1), *бог*, *богиня*, *боги* (16 – далеко не всегда наполнено христианским смыслом), *вера* (2 – также не обязательно в христианском смысле), *глас Божий* (1), *Господь Бог* (2), *грешники в аду* (1), *демон* (2), *дьявол* (4), *змий* (1), *Иуда* (1), *исчадие ада* (1), *Лазарь* (1), *манна небесная* (1), *Ноев ковчег* (1), *Ной* (2), «*Отче наш*» (1), *рай* (1), *храм* (2), *Христос*, *Иисус Христос* (3) и др.

Они реализуются в совершенно разном звучании, смысле. Во-первых, в традиционном христианском смысле, для создания торжественной окраски. Например: *У тебя-то какие тайны? Ты чиста, как ангел небесный* (М. Котова. Узор судьбы. Вышивальщица). Во-вторых, в сниженном звучании, когда данные образы усиливают описание или повествование, но не несут торжественной окраски. Например: *Но бойцы у меня есть, броневые. Я их из Черногорска импортирую, так что они на меня, как на Господа Бога, молятся...* (Б. Акунин. Алтын-толобас). При этом авторов привлекает конкретность, детальность данных объектов, их узнаваемость: *Может, ты царю Дадону / Продалась, как тот Иуда? / Я-то цацкаться не буду!* (В. Попрядухин). В-третьих, христианские образы могут использоваться в юмористическом звучании: *Они у тещи как грешники в аду: ни бежать, ни повеситься* (сатирический монолог С. Ещенко). Чаще, примерно в 2/3 конструкций, находим употребление, не несущее торжественного христианского смысла, что, наряду с общей низкой частотностью использования, свидетельствует об ослаблении христианских тенденций в системе русского менталитета, утрате такой черты, как соборность.

Соборность понимается в толковом словаре С. И. Ожегова как «духовная общность совместно живущих людей» [5, с.740]. В это понятие входит исполнение христианского долга, самопожертвование, а также нивелирование личного, индивидуального, растворение персоналии в коллективе. Христианский смысл соборности лучше всего выражается в лирике, но даже там, к сожалению, немного примеров, в которых явно видно стремление приблизиться к Богу: *...А в душе, как в храме, святость и покой* (А. Нижегородцева, 13 лет). Иногда проникнутые христианским смыслом сравнения встречаются в интервью известных людей: *Я верю, что мой сын Наум вырастет добрым, хорошим человеком, как библейский Наум* (О. Будина). Немногочисленность подобных примеров свидетельствует о том, что соборность перестаёт или даже уже перестала быть определяющим качеством менталитета русского человека. Христианские образы утрачивают свой изначальный высокий смысл, о чём уже говорилось ранее, и служат для создания метких характеристик, остроумных замечаний: *...Вверху, над чёрной сеткой ветвей, серело то же небо, похожее на ветхий, до земли провисший под тяжестью бога матрац* (В. Пелевин «Чапаев и пустота»).

Часто христианские образы функционируют в современном русском языке на уровне прецедентов, указывая скорее на общий для говорящего и воспринимающего культурный фонд, чем на глубинные верования. Языковая личность отсылает к образу данного типа не в том случае, когда для неё важна духовность, а если есть необходимость быть убедительным, привести веские аргументы, создать особенно яркую картину: *Стоящие рядом в ожидании посадки китайцы застывают в тихом шоке соляными столбами* (газета «Моя весёлая семейка»).

Кроме того, обнаруживаем немало образов, апеллирующих к **иным религиям** и верованиям: *Будда* (4), *вуду* (1), *священная корова* (1) и др. Например: *Священными сутрами окутывали меня мысли* (песня группы «Баста»). Причём для говорящего неважно, с объектами какой религии он проводит ассоциацию, главное – придать образу убедительность и яркость.

Помимо образов, связанных с христианством, языковая личность часто включает в сравнение образы, восходящие к суевериям, язычеству. Назовём данные объекты: *божок* (2), *вампир* (6), *ведьма* (2), *вурдалак* (1), *домовой* (1), *дух* (1), *замороженный* (4), *заклинание* (3), *заговор* (1), *зачарованный* (3), *леший* (2), *призрак*, *приведение* (17), *примета* (1), *русалка* (3), *упырь* (1) и т. п. Например: *Он приходил под окна роддома и орал там, и выл, как раненый вурдалак* (телепередача «Без комплексов»). Данные образы показывают прочность суеверий во внутреннем мире языковой личности, но отнюдь не свидетельствуют о тесной связи с языческими корнями. Наоборот, мы видим практически полное незнание собственных языческих верований. Сравнения не отличаются

конкретикой, детальностью, что указывает на утрату языческих знаний, неосведомленность современной языковой личности о верованиях их предков. Говорящий использует образы, не осознавая, что они объединяют его с древним миром язычества: *...Она подмигнула и опять засмеялась, как пьяная русалка* (П. Дашкова. Золотой песок). Показательно функционирование объектов, опирающихся на древнегреческие легенды; их состав достаточно обширен и разнообразен: *Антей, атлант, Атлантида, Афродита, Аякс, греческие боги, Вакх, Геракл* и т. д. Говорящий показывает похвальную осведомлённость не только об именах богов и героев Древней Греции, но и об их деяниях: *Как видим, это не так: только что на наших глазах Молот расстрелял своего врага камнями, как Давид Голиафа, только разве что без пращи, хе-хе* (А. Плеханов. Граница джунглей). То есть чужие языческие символы для современного носителя русского языка более знакомы и более значимы, чем свои.

Чтобы проследить динамику сравнения в русском языке, попытаться увидеть изменения в отношении языковой личности к религии, мы сопоставили массив сравнительных конструкций современного русского языка и сравнительные конструкции, использованные И. А. Буниным и С. А. Есениным в языке поэзии и прозы. Во-первых, можно отметить количественные отличия: языковая личность рубежа XIX-XX веков сравнивала с помощью образов, связанных с религией, примерно в два раза чаще. Это, несомненно, указывает на большую важность образов данной группы для носителя языка прошлых лет. Во-вторых, налицо качественные отличия в составе объектов, которыми оперирует создатель сравнения. Одинаково широко используются в сравнениях языка обоих периодов образы *ангел, Христос*. Значительно реже употребляются в современном языке образы *храм, демон*. И вообще набор объектов, наблюдающихся в сравнениях Бунина и Есенина, отличается большим разнообразием, в частности ими используются вообще не встречающиеся в современных сравнениях образы *алтарь, дьякон, иерей, ладан, лампада, монах, святыня, схимник, фимиам, церковь, чётки*.

Для Бунина и Есенина объекты сравнения, связанные с религией, были очень важны, действительно основополагающи. Искренняя вера, христианское вероисповедание были для них необходимы и естественны, как бы сложно ни складывались отношения с религией в течение жизни. Образы, построенные с помощью религиозных ассоциаций, как правило, имеют высокую стилистическую окраску, служат эстетизации, вносят в описание оттенок торжественности, строгости, даже если повествуется о вещах прозаических. Например: *Лазурь сквозь яркий жёлтый сад / Горит так дивно и лилово, / Как будто ангелы глядят* (Бунин); *...Дремлет ряд плачущих ив, / И, как шёлковые чётки, / Веток бисерный извив* (Есенин). Авторы часто используют собственные имена из сферы религии:

Иисус, Библия, Саваоф, Эдем и др., употребление которых служит ещё одним признаком внимания к вопросам веры: *Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом!* (Есенин).

В современном языке арсенал религиозных образов более беден, при этом чаще используются образы, которые языковая личность прошлого столетия оценила бы как «богохульные»: *ад, дьявол, чёрт, бог, боги* в нерелигиозном смысле и др. Например: *Кот был огромный, абсолютно чёрный и умный, как дьявол* (В. Белоусова «Второй выстрел»); *А там же Высоцкий плясал, как бог, с этими прыжками на стену...* (док. фильм «Актёры и судьбы»). И образы, одинаково популярные в языке разных периодов, в современном языке часто приобретают нерелигиозное звучание: *Я вербую их, как парень по кличке Христос вербовал своих апостолов* (В. Платова «Эшафот забвения»). У современной языковой личности отсутствует с детства впитанное понимание религии, веры как неотъемлемой составляющей бытия, поэтому обращение при сравнении к религиозным образам более редко, а набор объектов сравнения не отличается разнообразием и детализованностью.

Итак, возможности выявления посредством рассмотрения ФСК сравнения человека в языке и динамики изменений духовности, культуры и ментальности поистине уникальны. За каждой сравнительной конструкцией стоит культурный фон, благодаря чему мы имеем возможность соотносить поверхностные структуры языка (семантику и форму сравнительных конструкций) с глубинной сущностью народной культуры, с состоянием и динамикой такой важной составляющей российского менталитета, как духовность.

Современная языковая личность, при растущей популярности всего связанного с религией, черпает в ней вдохновение для ассоциаций намного реже, чем языковая личность прошлого. Употребление в современном языке образов, связанных с религией, носит поверхностный характер, говорящий апеллирует не к сути образа, не к его внутреннему значению, не к духовной составляющей, а к его внешним атрибутам, стремясь подчас популяризировать создаваемый текст за счёт «модных» словечек. Кроме того, современная религиозность характеризуется особой ситуацией, когда в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные и просто взаимоисключающие друг друга религиозные оценки, установки, ориентиры и намерения. При этом наблюдаемый нами интерес современной языковой личности к объектам сравнения, связанным с религией, свидетельствует о важности религиозности для внутреннего мира нашего современника, о его стремлении приобщиться к культурным ценностям предков, разобраться в собственных духовных метаниях и определить свои религиозные приоритеты.

Список литературы и источников

1. Воробьёв В. В. К понятию русской языковой личности / В. В. Воробьёв // Язык и культура: Учебное пособие / Под ред. Л. Г. Саяховой / Башкирский ун-т. — Уфа: Изд-во БашГУ, 1995. — С. 86—96.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: ЛКИ, 2007. — 264 с.
3. Клобукова Л. П. Структура языковой личности на разных этапах её формирования / Л. П. Клобукова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — С. 70—77.
4. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачёв. — СПб.: БЛИЦ, 1996. — 158 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
6. Шахнарович А. М. Языковая личность и языковая способность / А. М. Шахнарович // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. — М., 1995. — С. 213—223.

Художественные тексты

1. Бунин И. А. Собрание сочинений в 6-ти томах. — М.: Худож. лит., 1987.
2. Есенин С. А. Собрание сочинений в 6-ти томах. — М.: Худож. лит., 1979.

Н. Л. Таганова

**ЛИРИКА КАЗНИ
(В. НАБОКОВ: «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ» В КОНТЕКСТЕ
ЛИРИКИ 1920-х ГОДОВ)**

Целью данной статьи становится краткое рассмотрение романа «Приглашение на казнь» (а именно, его концепции, основных мотивов, переключек с некоторыми произведениями самого Набокова) в контексте проявления и функционирования в нем *мотива казни*, причем особенное внимание нами уделяется ранним текстам Набокова (стихи 1920-40-х годов), что позволяет с очевидной наглядностью проследить динамику авторского проявления интереса к данному мотиву и определенную трансформацию его восприятия в сознании Набокова, связанную, в первую очередь, с не вызывающим сомнений отходом последнего от традиционных штампов восприятия мотива казни в сторону его гностической рецепции.

Выбор методов исследования обуславливается решением конкретных задач на различных этапах работы. Это интертекстуальный, структурно-типологический (выстраивание типологии авторского сознания с точки зрения отношения к традиции) методы.

Материалом исследования является роман В. Набокова «Приглашение на казнь», его стихотворные произведения. При анализе творчества В. Набокова привлекаются исследования Б. Аверина, В. Александрова, Н. Анастасьева, П. Бицилли, С. Давыдова, А. Долинина и пр.

Следует отметить, что мотив смерти, казни в лирических произведениях Набокова является одним из наименее частотных, однако принципиально значимых и знаковых. В рамках исследования данного мотива в контексте последующего творчества писателя представляется важным определить семантическую наполняемость этого понятия, уделив особое внимание его совпадению с интерпретацией мотива смерти, являющегося центральным в романе Набокова «Приглашение на казнь».

Можно с уверенностью утверждать, что смерть и в лирике Набокова, и в упомянутом произведении воспринимается не как фатальное умирание тела и духа, но как некое инициационное действие, переводящее «рвущуюся в путь крылатый душу» в иную, органичную для нее область из тяготящей «горячечной рубашки плоти».

Рассмотрим стихотворение Набокова, написанное в 1923 году:

О, как ты рвешься в путь крылатый,
Безумная душа моя,
Из самой солнечной палаты
В больнице светлой бытия!

И, бредя о крутом полете,
Как топчешься, как бьешься ты
В горячечной рубашке плоти,
В тоске телесной тесноты!

Иль, тихая, в безумье тонком
Гудишь-звенишь сама с собой,
Вообразив себя ребенком,
Сосною, соловьем, совой.

Поверь же соловьям и совам,
Терпи, самообман любя, —
Смерть громыхнет тугим засовом
И в вечность выпустит тебя [8, с. 109].

Данная ситуация схематически повторяется в «Приглашении на казнь», где тело приговоренного к смерти Цинцинната Ц. интерпретируется как решетка тюрьмы, ограждающая его субстанцию от выхода в сферу чистого творчества и бессмертия, метафора внешнего по отношению к «Я» художника сугубо феноменального мира.

Предваряя следующие замечания, стоит коснуться вопроса об отношении Набокова к философии гностицизма, апеллируя к явным параллелям с основными ее доктринами в романе «Приглашение на казнь». Писатель сам намекнул на угадываемые в его романе гностические элементы, переименовав определение совершенного Цинциннатом преступления: «гносеологическая гнусность» русского оригинала превратилась в «гностическую гнусность» (“gnosticalturpitude”) английского перевода [10, с. 72].

Мотив полета, ставшего первым свидетельством инаковости героя, также имеет отчетливые гностические отзвуки. В. Александров в своем исследовании «Набоков и потусторонность» пишет: «Детская прогулка Цинцинната по воздуху<...> прообразом своим имеет гностическое разделение человечества на индивидов духовных и телесных, а также миф об изначальном пленении человеческого духа» [3, с. 106].

Одним из центральных убеждений гностиков является вера в то, что пробудить душу избранного от дремотного состояния в земной юдоли может некий духовный избавитель или какое-то знамение, посланное положительной, одухотворенной силой света. У Набокова это гностическое представление воплощается в таинственном послании о неведомом отце, которое приносит Цинциннату мать. Рассказывая о его отце, о котором никогда не узнали, ни кто он, ни откуда, Цецилия Ц., с которой они внезапно встретились и так же внезапно расстались, говорит, что слышала «только голос – лица не видала» [7, с. 126]. Этот мифологический отец настолько развоплощен и слит со своей тайной стихией, настолько по ту сторону материального, что реальным остаётся только голос.

В свою очередь, «Цецилии назначена роль более «развитой», с позиции гностицизма, личности, чем её сын. В её душу заронена божественная искра, больше того, она в любой момент готова обнаружить этот дар...» Рассказывая о «нетках», странных предметах, которые кажутся бесформенными и бессмысленными, но, отражаясь в особенных, кривых зеркалах, складываются в «чудный и стройный образ», она как бы намекает, что ей открыты тайны бытия и непримиримого различия миров материи и духа...» Можно понять, что на этих высотах, где она пребывает, будущее Цинцинната тайны не представляет», – замечает В. Александров [3, с. 119].

Уже в стихотворении 1923 года намечается гностическая триада, описывающая духовное прозрение как последовательное прохождение ступеней гилического, психологического и пневматического; причем в стихотворении речь может идти лишь о первоначальном интенционном нащупывании пути гностика через разрушение телесной субстанции, выражающееся в ряде метафор и в исходе стихотворения.

Герой стихотворения, равно как и Цинциннат Ц., вплоть до последних страниц «Приглашения на казнь» находится в отношениях самоидентификации и референции с окружающим пространством палаты, или тюрьмы. Тем самым оба они центрированы и прикованы к психическому уровню (т.е. второй ступени гностической триады), и исход в пневматическое (т.е. децентрированное) им закрыт. Однако, в отличие от стихотворения, в амбивалентном финале романа (который будет подробно рассмотрен ниже), по словам С. Давыдова, «вслед за реинтеграцией всей духовной субстанции и ее воссоединением с первоисточником, наступает эсхатологический момент, ознаменованный уничтожением лишённого пневмы и света материального космоса...» К концу романа Цинциннат доходит до окончательного, всезавершающего познания смерти, он разоблачает карнавальную мистерию смерти и открывает истинную, гностическую тайну о ней» [4, с. 136], и роман рядом исследователей [3, с. 5] прочитывается как гностическая эпифания,

намеченная и не реализованная в стихотворении и утверждающая слияние с пневмой и вечностью.

Согласно еще одной гностической идее, спасение обретается через познание высших истин. Подчеркнутая автором, но еле выразимая интуиция Цинцинната позволяет ему улавливать в этом мире нечто существенное, важное и иным недоступное, а именно, его растущее осознание того, что смерть следует приветствовать как освобождение из земной тюрьмы. А. Ханзен-Леве в «Русском символизме» замечает, что «мотив «мир (или тело) как тюрьма» характерен для гностицизма...»; «этот» мир находится по отношению к «тому» миру «...» в непримиримом противостоянии...» Тело и душа должны быть отброшены, чтобы «искра света», «пневма» могла возвратиться в пра-единое...» [9, с. 100].

«Распад материального мира, следующий за казнь героя Набокова, и прорыв в иное измерение воплощает гностическую веру в то, что с возвращением всех духовных сущностей к их божественному источнику материальный космос будет разрушен» [9, с. 100]. В финальной сцене казни Цинциннат, вдруг постигая ускользавшую суть вещей, «подумал: зачем я здесь? отчего я так лежу? – и задав себе этот простой вопрос, он отвечал тем, что привстал и осмотрелся...» Мало что оставалось от площади. Помост давно рухнул в облаке красноватой пыли. Последней промчалась в черной шали женщина, неся на руках маленького палача, как личинку. Свалившиеся деревья лежали плашмя, без всякого рельефа, а еще оставшиеся стоять, тоже плоские, с боковой тенью по стволу для иллюзии круглоты, едва держались ветвями за рвущиеся сетки неба. Все расплзлось. Все падало. Винтовой вихрь забирал и крутил пыль, тряпки, крашенные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши; летела сухая мгла; и Цинциннат пошел среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему» [7, с. 186—187].

Иллюзорный мир, построенный из картона, гипса и покрашенный, позлащенный, разрушается вербализованным сомнением в его истинности.

Иное название вечности в мире Набокова — рай. Однако в «Приглашении на казнь» рай устремлен в прошлое — о прошлой эпохе, как о рае, грезит Цинциннат, затрагивая важнейшие гностические вопросы: «Мы были детьми рая, а превратились во взрослых земли. Из первоначальной райской обители мы были заброшены в плотскую и космическую тюрьму». В лирике же рай несомненен в будущем — это место, где ждет утонувших мореходов «городок портовый, как мы, перенесенный в рай» (стихотворение «Воскресение мертвых»). Воскресение — это неизбежное осмысление смерти, к которому приходит Цинциннат в конце романа: «...ужас смерти — это только так, безвредное, -

может быть, даже здоровое для души» [7, с. 166], что ведет к ностальгически вспоминаемому — раю ли, к вечности ли.

Б. Аверин утверждает «ностальгический комплекс» [1] как ведущий мотив набоковского творчества, построенного на тотальности воспоминания. Мы не будем останавливаться на каких-то биографических составляющих этого «комплекса», который выражается в парадоксальных формулировках исследователя — таких, как «сладость изгнания», «блаженство духовного одиночества», дар Мнемозины, обретаемый в изгнании; однако на пересечении данного концепта и рассматриваемого нами мотива мы не можем обойти стороной написанное в 1927 году в «благополучном изгнании» в Берлине стихотворение «Расстрел», где мотив казни тесно сплетен с ностальгической темой утраченного рая — России:

Бывают ночи: только лягу,
В Россию поплывет кровать;
И вот ведут меня к оврагу,
Ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
Где спички и часы лежат,
В глаза, как пристальное дуло,
Глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, -
Вот-вот сейчас пальнет в меня! —
Я взгляда отвести не смею
От круга тусклого огня.

Оцепенелого сознанья
Коснется тиканье часов,
Благополучного изгнанья
Я снова чувствую покров.

Но, сердце, как бы ты хотело,
Чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
И весь в черемухе овраг! [6, с. 44]

Два пласта стихотворения — «Россия, звезды...», с одной стороны, и «покров изгнания», с другой, — обращены в настоящее, что сообщает развоплощенность и размытость сознанию и самоидентификации героя.

Б. Аверин же говорил, что «воспоминание для Набокова есть духовный опыт воскресения личности» [2, с. 489]. Абстрактное воспоминание о России в прошлом, перенесенное в настоящее в плане искусно построенного ложного воспоминания конкретикой внешних деталей, недореализовано, т.е. в момент слияния сна и яви, когда и то, и другое относительно (часы на стуле становятся нацеленным дулом, и овражная темнота сливается с темнотой комнаты), оцепенелого сознания касается тикание часов, останавливая переход в сферу иного пространства и не доводя до конца акт казни, или духовный акт воскресения, который станет возможен в «Машеньке», «Даре», «Подвиге».

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что мотив казни, ставший одним из доминирующих в парадигме исследования набоковского творчества, был намечен и во многом оформлен еще в лирических произведениях Набокова, которые можно считать своеобразным прологом к его прозе. Находя свой генезис в стихотворных текстах и реализуясь в них в рамках достаточно типовых сюжетов (расстрел, смерть короля Артура и т.п.), приобретая все новые коннотации в рассказах, мотив казни становится одним из принципиально знаковых, не только сюжетообразующих, но и организующих трансцендентный план мотивов набоковских романов (достаточно вспомнить казнь Куильти и само написание Гумбертом Гумбертом «Исповеди светлокожего вдовца» в тюрьме в ожидании смертной казни – в «Лолите»; размышления о смертной казни, ставшие набоковским кредо, — в «Даре»; убийство Кречмара в «Камере обскура» и пр.). Разработка интересующего нас мотива достигает своего крещендо в «Приглашении на казнь», где ожидание казни и акт казни, сохраняя в себе весь комплекс составляющих, берущих начало с обрядовых инициатических действий и публичных казней, мотив казни становится одним из принципиально знаковых, не только сюжетообразующих, но и организующих трансцендентный план мотивов набоковских романов.

Список литературы и источников

1. Аверин Б. Дар Мнемозины: (Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции). — СПб.: Амфора, 2003. — 399 с.
2. Аверин Б. Воспоминание у Набокова и Флоренского // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 2 / Сост. Б. В. Аверина, библиогр. С. А. Антонова. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 485—498.
3. Александров В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. — СПб.: Алетейя, 1999. — 320 с.

4. Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. — СПб.: Кирцидели, 2004. — 158 с.
5. Ермилова Г. Г. Набоков и Достоевский: гностические мотивы // Шестое чувство. — Иваново, 2003. — С. 147–160.
6. Набоков В. В. Ангелом задетый. Стихи. Выпуск 1. — М.: СП "Вся Москва", 1990. — 79 с.
7. Набоков В. В. Приглашение на казнь // Набоков В.В. Собр. соч.: в 5 т. — СПб., 2000. Т. 4. — С. 3—130.
8. Набоков В. Стихотворения и поэмы. — М.: Современник, 1991. — 574 с. (Феникс. Из поэтического наследия XX в.)
9. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. — СПб.: Академический проект, 1999. — 511 с.
10. Nabokov V. Invitation to a Beheading. — N.Y.: Capricorn Books, 1965. — 223 p.

КУЛЬТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

М.П. Крылов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СМЕЖНЫХ НАУК ПРИ ИЗУЧЕНИИ РЕГИОНА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТОДОЛОГИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ДОПУЩЕНИЙ

Настоящая статья основана на многолетнем личном опыте научных контактов с представителями разных общественных наук: социологами, этнографами, политологами, экономистами, в меньшей степени математиками и философами. Автор сформировался как исследователь, работая в междисциплинарных научных коллективах, не теряя при этом свою профессиональную специализацию как географ. По убеждению и опыту автора, в научном разделении труда, при решении сложных региональных проблем в междисциплинарных коллективах, география, как правило, всегда востребована. Однако географ при этом должен определиться: следует ли ему пассивно, «школярски» следовать тому, чему его учили в ВУЗе (или даже тому, что он слышит от тех или иных авторитетных ученых), или же он должен научиться отличать главное от второстепенного, совмещая одни и (в ряде случаев) отвергая другие — как географические, так и негеографические подходы. В таком случае научная деятельность начинает описываться известной формулой: «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что» и исследование становится «авторским». Это внешне напоминает ситуацию в гуманитарных в узком смысле, — т.е. как бы заведомо «неточных» науках. Но в данном случае речь идет о науках, которые претендуют на точность, хотя эта точность ограничена спецификой объекта исследования — общества и человека — и самого исследовательского инструментария.

Выполняя исследования по грантам РФФИ, автор активно взаимодействовал с социологами Вологды, Воронежа и Ярославля. Оказалось, что их стиль мышления и методология гораздо ближе к географии, чем стиль мышления и методология социологов, работающих Москве и пытающихся конструировать общероссийские закономерности. Позже, работая вместе со своим аспирантом (а в настоящее время — научным сотрудником ИГ РАН) А.А. Гриценко в области этногеографических и этнополитологических проблем российско-украинского порубежья и Западной Беларуси,

автор тесно соприкасался с этнографами и политологами. Оказалось, что в этнографии по-прежнему очень актуальны классические географические подходы (вооруженные современными количественными этносоциологическими методами), от которых, в силу разных причин, этнографы отказались. Работая ранее по природоохранной проблематике, автор столкнулся с ограниченностью, а часто и неприменимостью, подходов, связанных с экономической оценкой результата природоохранных мероприятий, а также с феноменом существования различного природоохранного (экологического) смысла у различных, формально близких, критериев. Здесь полезным было обсуждение этих вопросов с коллегами по ИВП АН СССР, а также с оппонентом по кандидатской диссертации автора экономистом-математиком Е. М. Подольским. Во всех указанных случаях автор адаптировал свою профессиональную позицию применительно к научной идеологии многочисленных смежников, одновременно убеждаясь в своего рода «незыблемости» ряда общих географических идей, при недостаточности и противоречивости некоторых подходов как смежных с географией наук, так и самой географии.

В настоящей статье автор пытался выявить сильные и слабые стороны как географов-обществоведов, к которым принадлежит и он сам, так и их смежников, одновременно рассматривая возможные формы научной интеграции при изучении региональных социокультурных и социально-экономических проблем.

Экономическая география (сейчас чаще говорят об «общественной географии») относится к географическим наукам благодаря идеям комплексности, всесторонности, территориальности. В то же время благодаря своему (социально) экономическому содержанию она имеет самое прямое отношение также и к различным наукам об обществе. В существующей отечественной традиции такая двойственность понимается как «принадлежность экономической географии к географическим наукам, но при её широком взаимодействии со смежными науками». Хотя внешне такое определение выглядит банальным и общепринятым, оно на самом деле является дискуссионным (прежде всего для не-географов) и оставляет за скобками достаточно «скользкий» вопрос о возможности и эффективности рассмотрения географических сюжетов вне географии.

Часто экономическую географию противопоставляют региональной экономике. Однако сейчас экономические науки – не единственные смежники географов-обществоведов. В связи с этим исчезает характерный для дискуссий прошлых лет пафос, когда большая методическая эффективность экономической географии увязывалась с её принадлежностью к экономическим (а не к географическим) наукам. Сейчас экономическая география уже не может противопоставляться *заранее известному* аналогу, наделённому преимуществами редукционизма. Таковым аналогом довольно долго считалась региональная экономика, связанная с «физикалистской», в большинстве

своих научных школ, экономикой и потому казавшаяся более конкурентоспособной. В настоящее время *каждая из наук об обществе и человеке имеет сферу взаимодействия с экономической (общественной) географией.*

Но если у экономической (общественной) географии много смежников среди наук об обществе и человеке, то она объективно лишается того *единственного* аналога, который — в силу своей единственности — мог рассматриваться как её *двойник-конкурент*, — как это было 30—35 лет назад с региональной экономикой. Вместо этого возникает целое семейство претендентов (даже несколько групп таких семейств) на определённые части её «экологической ниши».

Однако в данном случае *увеличение* количества конкурентов общественной географии парадоксальным образом оказывается полезным, поскольку реально эти конкуренты не могут создать «антиэкономгеографическую коалицию», например, в силу недостаточной методологической совместимости ряда наук (обычно приходится сталкиваться с *малой совместимостью* между собой, прежде всего, экономики, социологии, истории и психологии, не исключаемой существованием сфер перекрытия этих наук). Методологическая несовместимость смежных с общественной географией наук при наличии у неё элемента «всеядности» способствует коалициям географов с некоторыми из смежников, коалиции, в которой для общественной географии сохранён суверенитет, усиливающий престиж «своей» науки (допустим, в коалиции политологии и культурной географии, выступающей от лица всей общественной географии).

В настоящее время практически все науки об обществе и человеке стремятся иметь, хотя реально имеют далеко не всегда, *свои собственные региональные разделы*. Однако связь между региональными разделами наук об обществе и человеке объективно носит именно *географический* характер (в духе известной концепции А. Геттнера), в то время как для самих этих наук соответствующие региональные разделы оказываются методологически *периферийными*, объективно нуждающимися в *географическом* понятийно-терминологическом и теоретическом аппарате. Имеющиеся предложения политологов, социологов и культурологов о политическом, социальном и культурном пространстве как о специальной теоретической категории либо носят очень условный характер, бесконтактный к региональной и географической проблематике (например, ряд публикаций А. Ф. Филиппова), либо не содержат реального элемента новизны.

Экономическое пространство в трактовке чистых экономистов либо игнорирует многообразие региональных факторов и условий (особенно здесь существенна роль внеэкономических аспектов — социальных, экологических и др. — не переводимых в экономические критерии), либо, по сути, является экономико-географическим,

синтезирующим как чисто экономические, так и географические подходы, как это было, например, в работах О. С. Пчелинцева. [26]

Взаимоисключающе трактуется понятие «интенсивное развитие региона», в противовес *экстенсивному*: и как *активизация внутренних ресурсов развития*, предотвращающая «голосование ногами» [11], инволюцию региона, и как *неограниченная миграция рабочей силы*, при которой многие регионы и города уже не нуждаются в развитии [8, 31], а интенсивность тождественна активности одних и деградации других регионов.

Недостаточная определённости и теоретическая слабость региональных разделов наук об обществе значительно ослабляет конкуренцию со стороны наук об обществе по отношению к общественной географии и даже допускает возможность географической экспансии в смежные области. Создаётся методологическая коллизия, отличная от той, которая существовала в 70-е годы (дискуссии о региональной экономике).

Множество наук об обществе в качестве смежников общественной географии при своём взаимодействии на территории образуют в критериально-методическом смысле нечто весьма неопределённое, не дающее возможности извлечь выгоды ни из редуccionистской, ни из холистической ориентации и не образующее нечто единое (регионология, регионалистика и т.д. — это учебные предметы или исследовательская ориентация, но не единая полноценная наука). Ситуация меняется (лучше сказать, упрощается) при ориентации на известную хронологическую концепцию А. Геттнера, из которой географы логически выводили идею территориальной комплексности, предполагающую взаимосвязь и элемент гармоничности общественных явлений на территории, откуда следует необходимость определенной трансформации региональных разделов наук об обществе, корректность чего с общенаучных позиций не всегда очевидна.

Однако, если единой (в теоретико-методологическом смысле) негеографической науки о регионах не может быть, поскольку такая единая наука будет именно географией, в смысле А. Геттнера, то открытым остаётся вопрос о возможности существования нескольких таких негеографических наук о регионах – то есть *наук, которые были бы способны решать проблемы, которые географы склонны считать «своими», без использования географической идеологии и географического понятийно-терминологического аппарата.*

В несколько другой постановке этот вопрос формулируется следующим образом: способны ли сами географы-обществоведы лидировать или участвовать в создании таких наук и если «да», то, может быть, совокупность таких наук должна считаться общественной географией? Тот же вопрос может быть сформулирован несколько мягче.

Вероятно, существует компромиссная научная ориентация, совмещающая ряд чисто географических идей и теорий с негеографическими. Здесь можно указать на геополитику и экологию человека. С природоведческого фланга географии хорошо известен целый спектр таких переходов из географии в якобы «не-географию» и обратно: ландшафтоведение — изучение геосистем — биогеография — биоценология — экология — популяционная генетика и т.д. Существуют также практические области, остро нуждающиеся в теории, в том числе (хотя и далеко не только) общественно-географической — это направления, связанные с экономическим и социальным обоснованием тех региональных проблем, которые не подлежат (чисто) экономическому регулированию или не имеют экономическую природу.

Принципиальный вопрос — *обладает ли общественная география такой идеологией и таким аппаратом, который был бы «соблазнителен» для представителей смежных наук?* Здесь существуют разные мнения. Если В. Леонтьев рассматривал географию как равноправного партнёра экономической науки и антропологии [21], то В. Парето считал, что воздействие на общество географического положения и различных природных факторов, включая природные ресурсы «являются очень важными, но исследования, проводившиеся в данном направлении, пока не привели к плодотворным результатам» [24, с. 317].

По мнению автора, при взаимодействии со смежниками географам-обществоведам следовало бы проявлять большую активность в отношении синтеза концепций разных наук, — обычно здесь более активны не-географы. Важной и выигрышной для ЭГ стороной такого синтеза могла бы быть «привязка к местности» богатого концептуального аппарата негеографических общественных наук, в ходе которой были бы уточнены, а иногда и переосмыслены представления об анатомии, физиологии и экологии социального целого и способах его отображения в социальном пространстве.

Далее автор попытается охарактеризовать методологические проблемы, связанные с взаимодействием общественной географии и социологии.

«Слабые» стороны (очень дискуссионные с точки зрения географа) теоретических подходов в социологии.

К таковым следует отнести *интерпретацию* популярного понятия «идеальный тип», освящённого именами К. Маркса и М. Вебера, параллелями (вдохновляющими многих социологов) с идеальным газом в физике и как будто открывающего дополнительные возможности для теоретизирования. Представляется, однако, что такая теоретизация может оказаться мнимой, в духе моделей «точечной экономики», неприемлемость которых для региональных исследований была хорошо показана в работах А.Г. Гранберга [7].

С точки зрения географа выглядит почти кощунственно стремление обществоведов проводить эмпирические обобщения, конструируя общие черты, заведомо не вполне соотносимые с многообразием конкретики, пытаться познать тип, игнорируя индивид как целостность. Для географа странно слышать о европейском, буржуазном или капиталистическом обществе с экономикой Англии, политикой Франции, милитаризмом Германии и т.д.: «Если не в идеале, то по крайней мере в пределе социальная и политическая наука ... стремится сконструировать более или менее общий, целостный, хотя, конечно, и нигде не существующий в чистом виде «тип» того общества, с которым наиболее естественным образом соотносится общество изучаемое». [13, с. 11] В свете такой методологии ряд авторов конструируют «идеальный тип» России, не претендующий на обязательное эмпирическое подтверждение российскими реалиями. Один из примеров идеального типа России — «Россия – северная крепостническая страна» (уместно напомнить, что «крепостничество» достаточно жёстко тяготело к определённому ареалу «средней полосы России», а для севера вообще не было характерно). Такие популярные ныне понятия, как сетевое общество, модернизация и многие другие в значительной степени основаны на методологии идеального типа.

Дискуссионность, даже опасность такого подхода заключается в возможности значительного искажения информации, в частности, связанной с отказом от познания (реальной) *структуры* того или иного *социума*, а в конечном счёте — с *отказом от выявления реальных субъектов исторического процесса и характера (структуры) их взаимодействия*; вместо этого строится исследовательская модель, лишённая возможности полноценной эмпирической проверки. В рамках построения идеального типа для стран и регионов игнорируется различный характер взаимосвязи экономики, политики и культуры в разных социумах, различия эволюционных траекторий; часть социумов признаётся нормальными, «эталонными» (в то время как другие мыслятся «аномальными»). Здесь уместно сослаться на Т. Шанина [30], считающего выделение лишь «чистых линий» в развитии серьёзным методологическим недостатком, вредящим практике (эффективным часто оказывается смешанный тип развития). К такой же методологии, хотя и с претензиями на существенно больший эмпирический статус, обычно прибегают социологи-практики, говоря о России в целом, исходя из «случайного» набора городов в отдельных регионах страны.

Альтернативой «идеальному типу» является поиск естественной эволюционной таксономии обществ, исходя из известных данных об истории, культуре и экономике разных стран [22, 28]. Однако известная в географии концепция уникальности объективно ставит вопрос о трактовке пространственно-географических образований как *индивидов*, что создаёт специфическую методологическую сложность — необходимость *усреднения*

или объединения индивидуальностей, а также различия сущностного, системообразующего и случайного, внешнего (последнее особенно затруднено при ограничении в применении сравнительного метода в случае уникальных объектов – индивидов; отсюда – ряд спорных моментов в интересной книге Г. Ю. Любарского).

Сказанное никак не отрицает само введённое М. Вебером понятие «идеальный тип» [напр.: 3, с. 389–412]), однако направлено против его профанации, против того, чтобы считать его идеалом, пределом или целью исследования и, тем более, онтологизировать. М. Вебер считал, что «идеальный тип — не «гипотеза», он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез» [3, с. 389]. *Идеальные типы — не цель, а средство, ценные лишь постольку, поскольку они способствуют познанию конкретной действительности*: «априорно вообще нельзя установить, идёт ли речь о чистой игре мыслей или о научно плодотворном образовании понятий» [3, с. 392]

В качестве негативного примера М. Вебер [3, с. 409] приводит понятия «ценность», «с народнохозяйственной точки зрения», «продуктивно», применение которых «внесло хаос»; «какой-либо однозначный смысл вообще может быть придан этим понятиям только в идеально-типическом смысле». Примером идеального типа являются все марксистские «законы» и конструкции: «Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое *эвристическое* значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для *сравнения* с действительностью, но в равной степени знает и то, насколько они могут быть опасны, если рассматривать их как эмпирически значимые или реальные (то есть по существу метафизические) «действующие *силы*», «тенденции» и т.д.» [3, с. 404]. Опасно, писал М. Вебер, когда эмпирическое знание служит теории, а не наоборот [3, с. 403].

Тем не менее, *концепция «идеального типа» оказалась очень удобной в ситуации, когда ресурсы на проведение исследований ограничены и существует нетерпение «выдать на гора» результат, подтверждающий право на существование и в научном сообществе, и в глазах власть предержащих, не говоря уже о случаях конкретного социального заказа*. Н. Ф. Наумова [23, с.22] формально соглашается с В. А. Ядовым [32, с. 28], когда тот пишет: «Концепция модернизации России, т.е. реформации на основе некоторых как бы универсальных параметров, сомнительна, ибо не существует универсальной шкалы рациональности, потому что человеческие индивиды и их сообщества отличаются от технических систем, где взаимодействие двух и более элементов описывается как однозначное». Однако далее она всё же пытается возражать, приводя следующий контраргумент: «если мы исследуем специфику, особенность, отличие вне некоторой универсальной модели, т.е. не как отклонения в поведении её параметров, то что, собственно мы наблюдаем, с каким объектом имеем дело?» [32, с. 23].

Здесь мы сталкиваемся с распространенной среди обществоведов особенностью мышления (по-видимому, унаследованной от марксизма), когда местная конкретика и специфика считаются частным, «особенным», а гипотетическое «целое», игнорирующее такую специфику, — «всеобщим», предполагающим возможность незнания или относительную несущественность знания частей для понимания целого. Местные особенности, местная специфика — это «местное проявление» общих (по сути — экстерриториальных) закономерностей, а не «местное отклонение» от общих экстерриториальных закономерностей. Необходимо обратить внимание на позицию А. А. Зиновьева [12], с позиций формальной логики доказавшего, что целое не обязательно больше части (см. также примеры: [18, с. 38—41, 51—56, 65—67, 95]).

В утопическом сознании обществоведов преодоление местной специфики очень часто видится своеобразной целью прогресса или же прогнозируемой чертой будущего, в то время, как местная специфика связывается с «отсталостью», феодальным или даже «племенным» началом (на самом деле, и то, и другое совсем не очевидно). Акцент на местную специфику часто вызывает подозрение в смысле расизма, биологизма, национализма, сепаратизма, ксенофобии и т.д. В связи с этим перед исследователями ставятся ограничения, в настоящее время часто формулируемые в терминах политкорректности. Моноцентризм в происхождении человека считается предпочтительнее полицентризма. Признание существенных биологических и культурных различий между человеческими расами считается появлением «фобии» или превосходства одной расы по отношению к какой-либо другой, хотя из факта возможной вовсе не обязательной) их нетождественности или разнокачественности никак не вытекает идея культурного или иного превосходства — о каком-либо превосходстве можно говорить лишь для однокачественных явлений. Славянофилы помещаются в один логический ряд с германофилами, трактуемых в контексте мировых войн. Хотя последний пример может быть отнесен к числу явных полемических преувеличений, «в сухом остатке» остается практически неразрешимый вопрос: существуют ли «общечеловеческая культура и мораль?» [9, 10] Географы, регионалисты, а также этнографы здесь оказываются «заложниками» обществоведов и моралистов, что в данном случае ограничивает свободу исследования. Лишь в последнее время ряд социологов выдвинул позицию о том, что «национальная» или «региональная» специфика обнаруживается в наученном социологическом знании почти всегда, в том числе и тогда, когда речь идет о фундаментальных теоретических проблемах» [29, с. 7]. По мнению С. Г. Кирдиной [15, с. 20—21] попытки применения концепций науки, основанные на западной ментальности, для России и других «незападных» стран «зачастую хороши при анализе новых явлений, но слабо применимы для изучения глубинных и долговременных тенденций. ...

Социальная реальность России и СНГ, государств Юго-Восточной Азии и др. регионов или не вписывается в рамки предлагаемых теорий, или получает у них низкие оценки».

К сожалению, в такой методологической ситуации географы обычно видят единственную альтернативу — районирование. Однако многие географы подходят к задаче районирования упрощённо, видя в нём не логически обоснованную систему процедур, предполагающую наличие адекватной информации для того, чтобы *обосновать* те или иные положения, а якобы простой способ *проиллюстрировать* собственные гипотезы. С другой стороны, районирование данную проблему, по-видимому, не решает.

Во-первых, районирование основано на априорной гипотезе морфологии пространства, которая далеко не всегда верна (например, считает пространственно локальное частным по отношению к пространственно более крупному).

Во-вторых, знание необходимой для районирования генеральной совокупности часто затруднено; при попытке проведения *специального* районирования как части более *общего* районирования возникает порочный круг.

В-третьих, применения обычного для районирования общества метода ключей связано с методологическими и техническими сложностями, обусловленными дискретностью (в данном случае) геопространства и воспроизведением — в случае районирования — сложностей построения идеального типа в пространстве.

Тем не менее, было бы полезным выявление некоторого минимального количества регионов России для изучения экономических и социокультурных ситуаций. Процедуры районирования должны, по-видимому, совмещаться с выборочным, более детальным изучением отдельных регионов. Допустим, в пределах ЦЧЭР при кажущейся наблюдателю из «центра» однородности существует очень значительный контраст между Воронежской, Липецкой и Тамбовской областями, при этом большая часть Липецкой области является, по-видимому, вариантом развития Тамбовской области в условиях экономического «вливания», в то время, как Елец и Моршанск, при разных размерах (людности), возможно, подобны друг другу, а Мичуринск и Воронеж являются при этом уникальными образованиями. Население Тамбовской и Липецкой областей в значительной степени патриархально (однако без преобладания потомков крепостных, как часто считают в «центре»), в отличие от населения Воронежской области (где потомков крепостных ещё меньше). Является ли подобная характеристика районированием?

Другие методологические недостатки, с которыми географы-обществоведы, а также другие специалисты сталкиваются в социологии (и общественности в целом) и которые они не всегда могут замечать:

1) Отсутствие оценок о соотношении знания и незнания (в географии это особенно очевидно в случае региональной оценки экологической обстановки, однако существенно и для общества).

2) Неясность в вопросе о «степени, или сфере применимости» тех или иных теоретических конструкций или практических выводов.

3) Применение научных понятий и терминов, обозначающих конкретные явления жизни конкретного общества, без учёта степени их эмпирической обоснованности.

4) Использование лишь локально обоснованных понятий, а также статистических тенденций в качестве общих понятий и проведение с ними разнообразных логических операций как с абстрактными символами.

5) Формальное (в том числе формализованное) применение сравнительного метода без «приведения к общему знаменателю» рассматриваемых явлений, находящихся в разном контексте.

6) Элемент субъективизма и недостаточность однозначного «монистического» подхода в вопросах об опережении или отставании в развитии, особенно, при сравнении внешне сходных явлений в рамках разных циклов развития, протекающих в разной историко-культурной реальности. При этом факты *отставания* региона (или страны) *лидера* и *опережающего* развития *отстающего* региона (с точки зрения времени появления и с точки зрения силы проявления) остаются без внимания.

7) Внешнее считается заведомо менее существенным. Например, в явлениях кризиса неясно, что связано с внутренними причинами, а что с внешними.

8) Совершенно недостаточно обращается внимание на различие «физических» и статистических закономерностей (взаимосвязей). Это является дополнительным моментом, затрудняющим в исследовательской практике различение сущего и должного, случайного и закономерного, временно-локального и долговременного.

Многие эмпирически выявляемые черты общества, постулируемые в качестве «исторически необходимых», могут оказаться привходящими, не сущностными для данного феномена. Тенденциям развития, носящим статистический характер, придаётся значение жёстких, фатально необходимых закономерностей. Так, постиндустриальное общество часто выделяется как стадия развития, исходя главным образом из формально-статистических критериев, при рассмотрении его содержания лишь на гипотетическом уровне. В результате сам феномен такого общества трактуется взаимоисключающим, в целом, образом: и как «золотой век будущего», и как «кошмар будущего», при этом сам феномен считается некоторой не только закономерной, но и «неотвратимой» стадией развития (ср.: Глинчикова [6, с. 26, 32]; Иноземцев [14, с. 13], которые полемизируют с известными концепциями Д. Белла и О. Тоффлера). Поэтому, быть может, следует

согласиться с В. А. Ядовым [32, с. 24] в том, что «теоретизирование в парадигме «индустриальное» — «постсовременное» общества – не самый надёжный путь».

9) Не принято выделять полужёсткие закономерности (взаимосвязи), существенно облегчающие различение закономерного и случайного.

Ранее Б. Б. Родоман [27, с. 104–105], характеризуя понятие «узловой район», писал о трёх степенях пространственного прикрепления объектов к центрам — *жёстком*, *полужёстком* (правило с исключениями) и *мягком* (статистическом); «жёсткое прикрепление можно назвать детерминированным, а полужёсткое и мягкое – вероятностным ... Иной подход лишил бы понятие «узловой район» всякого смысла». По-видимому, устойчивыми можно считать полужёсткие и жёсткие зависимости.

В то же время В. Парето [24, с. 22] настаивал на том, что *закономерности-упорядоченности могут быть только жёсткими*: «Ни один закон, включая экономические и социальные законы, не допускает исключений: неоднобразное единообразие – это бессмыслица. Феномен, названный в просторечии исключением, представляет собой наложение действия одного закона на действие другого закона». Принять такое положение трудно.

Отождествление В. Парето закономерности и единообразия [24, с. 13] противоречит: а) принципу внешних ограничений, б) известной сущностной особенности географии и региональных исследований — сочетанию типичного, массового с уникальным, единичным, индивидуальным. В действительности при изучении географического и социального пространства всегда обнаруживается, что разные закономерности проявляются («действуют») «с разной силой».

А. Геттнер [5, с. 246] писал о связи определённых типов климата с распространением религии, считая такую связь примером *географической причинности*. Однако здесь существуют *исключения*. Эти исключения, будучи явлениями по сути *единичными*, не образуют какую-то особую закономерность, всегда являясь *«исключением, подтверждающим правило»*, например, ислам в Индонезии и Малайзии — странах с влажным климатом, в Боснии и Татарстане с умеренным климатом, ламаизм в Монголии и Калмыкии с их сухим климатом. *Использование понятия «полужёсткая закономерность» позволяет отказаться от излишне жёсткой дихотомии — «физические» и статистические закономерности.*

10) Придание макрообщностям (включая регион и страну) свойств отдельного индивида и личности, принимающей решение, использующей морально-этические нормы и несущей ответственность за свои поступки.

11) Своего рода «деление на ноль» — в оценочных суждениях активно используются различные упущенные альтернативы развития, упущенная выгода,

«сослагательное наклонение в истории» (это не вызывает возражений: без этого оценки часто невозможны), однако нередко в таких оценках часто используется заведомо не возможное, например, с лёгкостью пишут о возможности смены религии (часто — при оценке деятельности Александра Невского) и т.д.

12) Отсутствие представлений о региональной репрезентативности и её критериях, при этом нет выделения сторон жизни общества, которые а) условно могут так или иначе фиксироваться вне жёсткой региональной привязки, и б) для которых это недопустимо (без региональной «привязки» теряется смысл явления).

В одних случаях получаемая информация вообще лишена региональной репрезентативности, что не считается существенной погрешностью, в других случаях версия такой репрезентативности вызывает вопросы или недоумение. Поиск места регионов в какой-либо существенной тенденции, их аналогичности и контрастности заменяется «случайным выбором» или осуществляется «экспертно», без обсуждения в публикациях.

13) «Монизм» в ущерб «плюрализму» (использование понятия «варианты развития» лишь в качестве возможных сценариев — альтернатив будущего) при интерпретации эмпирически выявленных тенденций на уровне региона особенно в России в целом; противоречие между культурным генотипом (социокодом) и точками бифуркации.

14) Социологами-прикладниками социум обычно изучается как своего рода «чёрный ящик» — с точки зрения сиюминутной реакции людей на внешний раздражитель, зонд, материализующийся в наборе вопросов респондентам и экспертам, вне адекватной понятийной системы.

15) Неопределенность в соотношении «управления» и «самоуправления» (самоорганизации), дополняющая неопределенность проблемы государственного регулирования в экономике. Неясно, в какой мере посредством пиара, культурной и иной политики реально могут быть сконструированы идентичности. По мнению В. Я. Гельмана (2003), «региональная идентичность — это потемкинская деревня, которая исчезнет после Потемкина». С этим согласиться никак нельзя. В качестве противоположного примера можно указать на «нациестроительство» в Украине и в Беларуси (хотя здесь не все ясно). В то же время существует и противоположная методологическая установка, наиболее развитая в экономическом либерализме, трактующая внешнее воздействие как зло, которого лучше избегать.

16) Не учитывается, что менее формализованное (или формализуемое) часто имеет более существенное значение, более формализованное — менее существенно.

Весьма существенный дефект в развитии отечественной науки — отсутствие обобщений проводимых на местах социологических исследований, а также сводной информации о таких исследованиях. Соответственно, нет попыток выявлять и интерпретировать региональные различия фиксируемых в каждом из регионов характеристик. Примеры высокопрофессиональных коллективов социологов на местах: «Квалитас» в Воронеже (Н. А. и А. Л. Романович); ТверьЦИОМ (Е. М. Смирнов); Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН (К. А. Гулин), проводящий несколько ежегодных «замеров» в рамках развитой внутрирегиональной сети мониторинга, а также «Социс» в Ярославле (Р. А. Оглоблин). Организации социологов в Воронеже, Ярославле и ряде других городов связаны обменом информации по сетевому принципу, однако необходимые межрегиональные обобщения не проводятся, хотя и выпускаются свои бюллетени по регионам.

С другой стороны, обобщения определённой части проводимых в масштабах России исследований (в особенности «на стыке» социологии, философии и политологии) вызывают вопросы (здесь мы «выносим за скобки» вопрос о региональной репрезентативности такой информации). Обращает на себя внимание несоответствие между относительно частным характером вопросов респондентам и возможностью очень разного понимания ответов на эти вопросы, с одной стороны, и всеобщностью выводов при однозначности и жёсткости интерпретаций, с другой стороны. Нередко возникает впечатление, что выводы основаны на авторской оценке ситуации в стране (с которой в одних случаях можно, а в других - нельзя согласиться), но не самих собранных данных, которые используются лишь как попытка проиллюстрировать собственную точку зрения. Отсутствуют общенаучные промежуточные уровни исследования, связанные с разработкой рабочих гипотез и т.д.

В качестве собственного методического опыта необходимо отметить создание (в первом приближении) географической альтернативы методике социологов в отношении учёта пространственно-региональных факторов. *Социологами (кроме тех, кто изучает свои регионы на местах) не изучаются (и — главное — не ставится задача такого изучения) регионы и их группы как целостности; в идеале мыслится лишь изучение типичных, в каком-то смысле, крупного, среднего и малого города в нескольких регионах, которые социологи (без консультаций с географами и без работы с географическими источниками) считают типичными. В действительности, города одного и того «типа» могут «вести себя» по-разному, как в одном и том же, так и в соседних регионах. С точки зрения общественной географии, таких типов — как типов городов, так и типов регионов — должно быть очень много, при этом до проведения исследований (особенно, пока нет необходимой критической массы соответствующей информации) неизвестно,*

каким считать «ожидаемое поведение» города и региона (т.е., как и в случае районирования возможен «порочный круг»). Кроме того, изучение региональных семейств городов позволяет выявить тенденции, не фиксируемые при выборочном изучении отдельных городов. Если бы московские социологи изучали бы региональную идентичность по нашей программе [17, 18], то при своём понимании пространственно-региональной репрезентативности, они, возможно, пришли бы к другим (отчасти) выводам как относительно региональных, так и относительно многих других тенденций. Автор полагает, что лучше познать несколько организмов, идентифицируя их принадлежность к разным, возможно, видам, с тем, что начать познание биоценозов, экосистем и процесс эволюции, чем изучать лишь отдельные органы разных организмов, не зная их видовую принадлежность и место в экосистемах (речь идёт о локально-региональных социальных организмах). Иными словами, лучше изучать отдельные целостные полигоны-ключи, хорошо вписывающие в местный контекст и представляющие собой соседние мезорегионы-индивидуумы, в рамках более обширного экономического района, обычно характеризуемого как нечто единообразное (что применительно к целям конкретных социокультурных исследований как раз неочевидно), постепенно расширяя круг таких полигонов, чем «распылять» процесс сбора информации по обширной территории вне возможности сравнительного и контекстуального анализа.

Слабые стороны географов (школ общественной географии):

- 1) отсутствие представлений о существовании плюрализма, элемента неопределённости и в связи с этим – возможности выбора в области общественно-научных концепций и теорий;
- 2) нередкое некритическое восприятие концепций и теорий смежных общественных наук;
- 3) рассмотрение социальной и культурной сферы в регионах с позиций экономического детерминизма (это происходит значительно чаще), либо, напротив, вне всякой связи с прошлым и современным экономическим развитием (якобы по М. Веберу).
- 4) отсутствие представлений о (сравнительной) степени эмпирической обоснованности выбираемых теоретических положений;
- 5) односторонний интерес к относительным (сравнительным) значениям рассматриваемых параметров при недостаточном интересе к их абсолютным значениям (возможно, под косвенным влиянием теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо).
- 6) недостаточное применение сравнительного (в том числе сравнительно-географического) метода.

Сюда следует добавить отсутствие теорий, описывающих такие интуитивно ощущаемые всеобщие феномены, как региональные интересы, региональная самоорганизация и ряд других (весьма ограниченно описывают эти феномены циклы Кондратьева, энергопроизводственные циклы Н. Н. Колосовского, теории расселения и т.д.). Хотя такие теории не обязательно должны быть общественно (экономико-) географическими, именно географы-обществоведы (экономико-географы) несут наибольшую (моральную) ответственность за отсутствие таких теорий.

Указанные недостатки равным образом связаны и с изоляционистскими тенденциями в общественной географии, и со слабостью попыток превращения общественной географии в самодовлеющую теоретическую науку.

Сильные стороны общественно-географического (экономико-географического) мышления:

1) умение исследовать пространственный рисунок региона, пространственно-региональный рисунок социума;

2) представление о необходимости поиска уникального для каждого региона;

В целом сильные стороны географов-обществоведов (экономико-географов) как географов заключаются в реализации методологической установки А. Геттнера [5, с.200]: «Цель географии, как и вообще всякой науки, заключается не в познании каких-то всеобщностей, как часто ещё думают в силу непонятной приверженности к схоластическому средневековому реализму, а в познании фактической действительности ... Противоречие этому положению законов физики и химии только кажущееся, и они также, в конечном счёте, служат освоению действительности, входящей в компетенцию других наук и техники». А. Геттнер считал, что в отношении установления общих законов, исходя из методов генерализации и индивидуализации, современная ему география сделала «большой шаг вперёд по сравнению с историей. В этом смысле её можно назвать обобщающей или номотетической наукой» [5, с. 201] .

В то же время версия построения теоретической географии в духе известной (очень интересной) книги В. Бунге «Теоретическая география» [2] показала, что попытки уподобиться физике и химии приводили к тому, что географы абстрагировались от наиболее существенного для регионов и городов — их культурно-социально-экономического содержания, которое «выносилось за скобки» и которому полагалось быть, по возможности, «прочими равными условиями», что, помимо прочего, противоречит месту географии в «разделении труда» между науками, в том числе в междисциплинарной сфере.

В отечественной экономической географии и региональной экономике в последние годы распространилась идеология социал-дарвинизма, в данном случае понимаемая как

отождествление сиюминутной экономической слабости региона, обусловленной главным образом *внешними* (см., в частности: [26]) для региона обстоятельствами, с оценкой «степени нужности» или «ненужности» региона (или многих его важнейших городов) для страны, выявлением «бесперспективных» регионов и городов (ср.: [31]), а также с приданием в такой ситуации региону свойств личности (см. выше), которая в данном случае как бы несёт ответственность за «неправильное поведение» (т.е. нерациональное, склонное к патернализму и т.д.) и обладает свободой воли — выбором такого поведения. То есть «*неперспективные*» и «*ненужные*» города и регионы – «*виноваты сами*». Здесь надо обратить внимание на то, что среди жителей городов с «патерналистским поведением самого города» как условного индивида очень много тех, для кого как раз *не* свойственны «патерналистские» ожидания, хотя как обойтись без таковых врачам, преподавателям и научным работникам, им свойственна высокая социокультурная активность. «Пассивность» городов в социально-экономическом смысле, как объектов региональной политики, совершенно не обязательно совпадает с пассивностью активных членов местного сообщества в социокультурном смысле, пытающихся войти в число субъектов региональной политики.

Пока отсутствует внятная теория региона, в т.ч. основанная на синтезе географии, социологии, политологии, экономики и др. наук. Заметим, идея необходимости такой теории как исходного звена изучения региона, в т.ч. с позиций социологии, уже выдвигается рядом социологов. В рамках экономической науки она не может быть создана, поскольку большинство её научных школ, подобно «теоретической географии» В. Бунге, абстрагируется от наиболее существенного в регионах, включая социальную проблематику, развивается «внеконтекстуально» и онтологизирует «человека экономического» (ср.: [16]).

Говоря о необходимости создания теории региона, автор имеет в виду принципиальное различие района и региона, районной и региональной парадигмы, на что впервые в мировой науке обратил внимание А. Е. Левинтов [20] (он же расшифровал эти различия). (Заметим, что именно русский язык нацеливает на поиск и объяснение различий между «районом» и «регионом»). Район – это результат процедуры районирования, регион — географический индивид; часть районов, особенно «узловые районы», являются также и регионами. В современном российском административно-территориальном делении регионами называют субъекты РФ, а районами — внутриобластные и внутригородские единицы. В конце 20-х – начале 30-х гг. в СССР была реализована попытка создания регионов в рамках экономических районов (Центрально-Черноземная область и др.).

Борьба местной интеллигенции за сохранение старых регионов сатирически показана в повестях А. П. Платонова «Город Градов» и «Че-Че-О» (впервые опубликованы, соответственно, в 1927 и 1928 гг.). «Выплыло событие об исчезновении Градовской губернии. Центр вдруг перестал присылать циркуляры. ... В Москве Бормотов узнал, что Градов хотят передать в область и в областной же город передали поэтому все градовские кредиты. А областной город отказался от Градова. Город не пролетарский, - говорят, — на черт он нам сдался! Так и повис Градов без государственного причалу. После своего возвращения Бормотов собрал на своей квартире старожилов и хотел объявить в Градовской губернии автономную национальную республику, потому что в губернии жили пятьсот татар и штук сто евреев. Не республика мне была нужна, - объяснял Бормотов, — я не нацменьшой, а непрерывное государственное начало и сохранение преемственности в делопроизводстве» [25, с. 25]... «Через три месяца для всего государственного населения Градова настали боевые дни. Центр решил четыре губернии, как раз и Градовскую, слить в одну область. И заспорили четыре губернских города, кому приличествует быть областным. Особенно лютовал в этом деле Градов. ... Соседние города, – претенденты на областной престол, — не отставали от градовцев в должном усердии. Но Градов истреблял всех перед молчаливой Москвой. ... Бормотов Степна Ермилович подошел к делу исподволь. Он предложил создать такой облисполком, чтобы он собирался на сессии по очереди во всех бывших губгородах и нигде не имел постоянного местопребывания и вечного здания» [25, с. 37—38]. Обратим внимание на то, что указанные повести А.П. Платонова автобиографичны. В описание Градова (Тамбова) А. П. Платов, будучи уроженцем Воронежа (в текст повести — «Ворожеев»), привнес иронию внешнего наблюдателя; позиция местного жителя была бы иной.

Для нашего обсуждения важен вопрос — совпадают ли в принципе научные результаты, достигаемые в настоящее время исследовательскими средствами *разных наук*, в том случае, если *познавательная цель и изучаемые объекты в этих науках совпадают* (например, при изучении регионов или поселений с позиций общественной географии, социологии, региональной экономики и т.д.), однако полностью сохраняются методологические различия этих наук и характерный для исследователей в каждой из этих наук стиль мышления? В. Леонтьев [21] обсуждает этот вопрос в рамках редукционизма, приводя примеры экономики, (культурной) антропологии и географии.

В. Леонтьев не считает отдельные науки об обществе дополняющими друг друга в смысле *разделения труда* (видимо потому, что речь идёт о достаточно близких, в понимании В. Леонтьева, друг к другу науках, как бы заполняющих очень близкие экологические ниши); отдельные науки — это разный взгляд на одни и те же вещи (или на

тесно связанные между собой части единого целого), но разный лишь постольку, поскольку отдельные науки об обществе развиваются самостоятельно и имеют свой инструментарий. (Соответственно, другой случай взаимодействия разных наук, когда при часто сходных целях исследования они различаются идеями, идеологией и методологией, как например, этнография-культурная антропология, или рассматривают различные стороны одного явления, как например, социология и экономика, В. Леонтьев фактически не рассматривает).

По мнению В. Леонтьева, «отдельные факторы в своей основе несоизмеримы и каждый из них ведёт себя в соответствии с собственным «законом движения» [21, с. 29]. Однако общество рассматривается им как целостность, приводящая в определённое соответствие действие отдельных факторов (с их законами движения и способами концептуального отображения). Тогда действие отдельных факторов можно сравнить по их воздействию на целое – уровень вероятности событий, полученный на основе аналитического аппарата разных наук, сопоставим, «поскольку рассматриваются альтернативные пути развития одно и того же процесса» [21, с. 30]. В связи с этим предполагается существование элемента частичной взаимозаменяемости разных наук, в смысле возможности сравнения и интерпретации получаемых ими результатов.

Сравнение получаемых в каждой из наук результатов позволяет исключить часть вариантов развития и признать некоторые из теорий (которые соответствуют забракованным вариантам) ошибочными. По мнению автора, здесь В. Леонтьева можно понимать в том смысле, что смежные науки представляют собой, по сути, единую науку, при этом различия между отдельными науками становятся тождественными различиям между научными школами внутри одной науки. (Любопытно, что концепция В. Леонтьева совпадает с позицией полемической статьи известного методолога науки Г. Д. Левина [19], — в отличие от концепций Куна, Поппера и др.).

Однако такая *позиция В. Леонтьева предполагает сопоставимость «степени точности» смежных наук и «скоординированность» их в рамках целого*. Реально это не всегда так. Часто один и тот же объект (объект «в целом») изучают различающиеся так или иначе между собой науки, и в связи с этими различиями они изучают не совсем одно и то же (хотя нередко и пытаются охватить один и тот же круг явлений). Если в смысле В. Леонтьева можно и нужно сравнивать результаты медицины и биологии, хотя они и нуждаются в дополнении, то результаты социологии и экономики могут противоречить друг другу, поскольку обычно исходят из разной модели сущности человека и по-разному трактуют отношение дедукции и индукции: как правило, - с учетом множественности научных школ — можно говорить о приоритете индукции в социологии и дедукции в экономике. Социальное целое вряд ли может быть познано только в рамках

редукционизма, лишь в рамках которого может существовать единообразие и однозначная сравнимость результатов разных смежных наук. И это говорит о правомерности существования *разнокачественных* наук, что не учитывает в данном случае В. Леонтьев. Однако, с нашей точки зрения, отсюда не следует вывод о безусловной несопоставимости (несоизмеримости) этих наук (критикуемый в общем виде Г. Д. Левиным [19]). Поэтому сравнивать результаты *этих* наук надо иначе, чем это предлагает В. Леонтьев, в частности, привлекая критерии эксперимента, практики, дополнительных наблюдений и т.д. Однако сопоставимость будет возникать в рамках некоей более обширной системы, при этом может идти речь лишь о сопоставимости нежёсткой, при которой лучше говорить не об ошибочности теорий каких-то наук, а о разной степени их эффективности в разных ситуациях.

Наиболее общие понятия, критерии и закономерности при изучении региона в принципе должны быть едиными для всех наук, изучающих регион (что не исключает возможность элементов плюрализма). Однако каждая из наук, изучающих регион, и в том случае, если она (эта наука) стремится к познанию региона в рамках единых понятий, критериев и закономерностей (такая ситуация возникает не всегда), неизбежно будет делать это по-своему — даже в случае попыток овладения идеями и аппаратом смежных наук. Отсюда следуют как сопоставимость, так и несопоставимость результатов исследований, а также очень важный вопрос о лидерстве в конструировании общих представлений о регионе.

Список литературы и источников.

1. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3. — М.: Прогресс, 1992. — 632 с.
2. Бунге В. Теоретическая география. — М.: Прогресс, 1967. — 278 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1990. — С. 416—494.
4. Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 2. — С. 91—105.
5. Геттнер А. География, её история, сущность и методы. Под ред. Н. Н. Баранского. — Л. - М.: Госиздат, 1930. — 416 с.
6. Глинчикова А.Г. Выступление. Трансформации в современной цивилизации. Постиндустриальное и постэкономическое общество. Материалы Круглого стола // Вопр. философии. 2000. № 1. — С. 26—32.
7. Гранберг А.Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. — М.: Экономика, 1973. — 304 с.

8. Гуриев С. Индустриальный феодализм // Эксперт. 2001. № 14. — С. 56.
9. Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // Вопр. философии. 2003. № 3. — С. 3—12.
10. Даллмар.Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм – партикуляризм» // Вопр. философии. 2003. №.3. — С. 13—223.
11. Завалишин А.Ю., Рязанцев И.П. Территориальное поведение: опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования. 2005. № 10. — С. 83—92.
12. Зиновьев А. А. Логика науки. — М.: Мысль, 1971. — 279 с.
- 13.Зубов А. Б., Салмин А. М., Тайван Л. Л. Есть ли будущее у политологии Востока? // Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования. Вып.1. — М., Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1991. — С. 8—23.
14. Иноземцев В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. 2000. № 12. — С. 3—13.
15. Кирдина С. Г. Современные социологические теории: актуальное противостояние?! // Социологические исследования. 2008, № 8. С. 18—28.
16. Колпаков В. А. Эволюция экономической теории от А. Смита до неосмитианства // Вопр. философии. 2006. № 11. — С. 73—84.
- 17.Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России//Социологические исследования. 2005. № 3. — С. 13—23.
18. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. — М.: Новый хронограф, 2010. — 237 с.
19. Левин Г. Д. Современный релятивизм // Вопросы философии. 2008. № 8. — С. 73—82.
20. Левинтов А. Е. Районная и региональная парадигмы: субъективизация географических представлений // Трансформация региональных структур в период перехода к рынку. Под ред. Ю.Г. Липеца, М.: ИГ РАН, 1994. — С. 16—19.
21. Леонтьев В. К вопросу о плюралистической интерпретации истории и проблеме междисциплинарного сотрудничества // Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1990. — С. 27—36.
22. Любарский Г. Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. — М.: Изд. КМК, 2000. — 449 с.
23. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Под. ред. В.Н. Садовского и В.А. Ядова. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 174 с.
24. Парето В. Компендиум по общей социологии. Пер. с итал. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. — 511 с.

25. Платонов А. П. Город Градов. Повесть // Платонов А. Ювенильное море. Повести. Рассказы. Публикации. Пьеса. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. из-во, 1988. — С. 7—40.
26. Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. — М., Наука, 2004. — 258 с.
27. Родоман Б. Б. Узловые районы // Теоретическая география. Вопросы географии, Сб. 88. — М.: Мысль, 1971. — С. 97—118.
28. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. — М. — Л. Госиздат, 1928. — 312 с.
29. Филиппов А. Ф. Социология пространства. — СПб.: Изд-во «Владимир даль», 2008. — 285 с.
30. Шанин Т. Иное всегда дано... Записала Г. Бельская // Знание — сила. 1990. № 9. — С. 12—17.
31. Щедровицкий П. Г. Сбежать из мёртвой зоны // Аргументы и факты. 2005. № 6.
32. Ядов В. А. Россия в мировом пространстве // Социологические исследования, 1996. № 3. — С. 27 — 30.

А.Е. Левинтов

УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ. КРИТИКА СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ НАУЧНОЙ БАЗЫ

В основе советской экономики, безусловно, лежит марксизм: «Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства» [1]. Человек в этой схеме может претендовать разве что на место среди «прочих элементов производства». Именно этим обстоятельством может быть объяснена вся история и суть советской экономики.

Необходимость в централизованном управлении и, как вскоре выяснилось, в планировании возникла из капитального факта национализации всей промышленности и отмены частной, включая общественную, церковную и акционерную, собственности: «Рабочее государство национализировало капиталистические тресты, пополнив их

отдельными предприятиями той же отрасли промышленности, и по типу таких трестов объединило предприятия нетрестированных при капитализме отраслей промышленности. Это превратило промышленность в ряд могущественных вертикальных объединений, хозяйственно изолированных друг от друга и только на верхушке связанных Высшим Советом Народного Хозяйства» [2]. Преодолеть советские тресты было решено за счет районирования, которое (об этом так до конца не догадались до сегодняшнего дня) оказалось не альтернативой и противовесом возникшим отраслевым монстрам, а жалкой и уменьшенной в масштабе пародией, созданием множества маленьких совдепий, кроить и перекраивать которые стало любимой забавой высшего руководства страны и Госплана.

Если бы подобного рода государственная монополизация произошла в Германии, США или любой другой развитой западноевропейской стране, где благодаря высокому охвату промышленности монополиями и качественному уровню самих монополий с трудом, но экономика бы выдержала этот удар, то в России монополизация еще «ходила на помочах», а уровень концентрации промышленного производства, в силу исторических и природно-климатических причин, был самый высокий в мире. Именно об этой опасности предупреждал в конце XIX в. Ф. Энгельс, говоривший, что Россия менее всех в Европе готова к переходу в новую формацию.

Еще не существующее большевистское государство стало монопольно обладать всей промышленностью страны — и это привело к катастрофе. Всё последующее, включая сегодняшние дни, есть раскаты и отголоски продолжающейся экономической тектоники, властного глумления над экономикой и ценами, «жалкий лепет оправдания» учеными этой вакханалии.

По разрушительной силе катастрофа национализации с госмонополизацией и созданием впервые в мировой практике отраслевых промышленных министерств (трестов, наркоматов) превзошла даже явно криминальную «приватизацию» 90-х годов.

При этом надо заметить, что советские тресты были организованы не по технологическим признакам, а по единству выпускаемого продукта: «Главсахар», «Главсало», «Главдрова». В этом смысле нынешний «Газпром» организационно и, по сути, ничем не отличается от ставшей анекдотичной «Главспички». «Методы централизма... которые явились результатом первой эпохи экспроприации буржуазной промышленности и которые неизбежно привели к разобщенности предприятий на местах... имели своим последствием те чудовищные формы волокиты, которые наносят непоправимый ущерб нашему хозяйству. Организационная задача состоит в том, чтобы, сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов» [2, с. 481].

Главная ошибка советской экономики

Сразу надо сказать, что вертикально водруженные отрасли — нечто совершенно новое в мировой экономике. Преодолеть этот отраслевой подход так и не удалось до сих пор.

Изначально попытки преодоления отраслевой структуры и гегемонии, созданной самими же большевиками, строились из проектной идеи комплексов, рассматриваемых, прежде всего, как примат функции. Сущность экономического районирования была сведена к выявлению народнохозяйственной проблемы, далее — специализации района с учетом его природных и экономических условий. «На основе комплексности осуществляется и развивается объективный процесс социалистического районообразования. Социалистический способ производства отличается от капиталистического возможностью и необходимостью установления гармоничного единства между отраслевым и районным (территориальным) разделением труда» [3, с. 16]. Упование на объективное складывание комплексности как бы само по себе, на естественно складывающуюся гармонию отраслевого и территориального, стало первой «теоретической» уловкой самообмана. В этой функциональности, с необходимостью приводящей к специализации, возникающей раньше, чем собственно комплексность, и кроется изначальная ошибка всего проекта – отраслевые интересы всегда оказываются первыми и довлеющими. Прими тогдашние экономисты доктрину примата интересов территории — и никакой плановой и отраслеориентированной экономики в СССР не возникло бы. Но такой подход был чреват обособлением и автономизацией мест, федеративностью государственного устройства – допустить такое власть для себя не могла, всякие поползновения защиты территориальных интересов были объявлены местничеством, а сторонники местничества подавлялись самыми решительными мерами, вплоть до репрессий и физического уничтожения. Эти фундаментальные допущения естественного в искусственно-техническом, проектном подходе сохраняются в полной мере до сих пор и наукой (региональной экономикой и экономической географией) вовсе не рефлектируются.

Искусственная конструкция советской экономики делала ее чрезвычайно уязвимой, но демпфировать чрезмерный централизм силами районирования как средством управления не удавалось. И тому была капитальная причина.

Европейские города формировали страны и государства (Афины, Рим, Марсель, Барселона и другие примеры), Россия как государство сама строила и создавала города: Свяжск Ивана Грозного, сибирские и американские остроги-города, Засечная линия городов, Петербург, многочисленные города Екатерины II, города Павла I, Николая I, советские города. В 1897 году в России было 377 городов, за годы советской власти

погибло 157, появилось новых 610, итого сейчас в стране 830 городов, из которых 616 (75%) признаны депрессивными [4, с. 17]. Города Европы формировали вокруг себя хозяйственное и культурное пространство, зоны тяготения и провинции — российские города в основной своей массе чужды, агрессивны и враждебны своему окружению, они вытягивают из окружающего их пространства естественные и людские ресурсы, инородны, так как неестественны и призваны обеспечивать интересы не данной местности, а имперские.

Если городское и любое другое территориальное управление на Западе понимается как менеджмент, то есть деятельность, прежде всего, гуманитарная, то в России господствует кибернетический (кибернетика, камера и губерния имеют один корень) подход, который исходит из техницистического взгляда, люди при таком подходе точно такие же объекты управления, как материалы, машины и т.п.

Именно поэтому, несмотря и даже благодаря многочисленным войнам, европейские границы любого таксономического ранга исторически выстраданы, совпадают с природными и кажутся совершенно естественными, в России же — произвольны в силу произвола, породившего их.

Важно отметить, что до революции административное, экономическое, промышленное, аграрное районирование не совпадали. Не совпадали с административными границами также митрополии и учебные округа, коих в России было 17, по числу университетов, возглавлявших их. А еще были, как и в Европе, исторические ареалы: Поморье, Заонежье, Пошехонье, Придонье, Заволжье, Приуралье, Зауралье, Прибайкалье, Забайкалье и другие, теперь уже забытые или редко вспоминаемые. Множество фокусов жизнедеятельности и несовпадение границ были залогом разворачивания самостоятельности, независимости и провинциальности тех или иных мест и территорий.

Уже тогда было понятно: любое специальное районирование подчиняется как целям (исследовательским и образовательным), так и естественно складывающимся закономерностям, административное районирование отражает не столько цели «кибернетического управления», сколько страхи и вполне разумные опасения неуправляемости огромных пустопорожних территорий. Централизованное управление — и в этом нет ничего смешного — требует представления всей страны на одном листе бумаги, а губернии, советские области и постсоветские «субъекты и регионы» никак не уместятся на одной странице из-за своей многочисленности.

Советское экономическое районирование из инструмента и метода научного познания, весьма креативного и плодотворного, превратилось в орудие управления. Это районирование с самого начала только прикрывалось своей экономичностью. Оно было

совершенно административным по своей сути, а экономика играла всего лишь декоративную роль в условиях розыгрыша лозунга об отмирании государства при коммунизме. Впрочем, и сама советская экономика была не совсем экономикой с понятийной точки зрения – она была подмята идеологией, политикой, административно и властно и, как и всякий результат насилия, имела весьма жалкий и противоестественный вид. Как неоднократно подчеркивал Л. В. Смирнягин, административные (а иных и нет) границы в СССР видны из космоса как полосы полнейшего запустения и бесхозяйственности.

Только за десять лет советской власти районирование видоизменилось до неузнаваемости:

1917 год	начало 20-х	канун 1-ой пятилетки
101 губерния	65 губерний	260 округов 4000 районов
812 уездов	413 уездов	
16700 волостей	105 округов	
	1612 районов	
	5000 волостей	

Понятно, что никакими экономическими потрясениями или бумами это не могло быть вызвано, вообще, рационального объяснения такому районированию не было и до сих пор не придумано: «Районирование не есть прием децентрализации, а наоборот, один из важных методов концентрации сил, внимания, воли, руководства и организации в советском строительстве» [5].

В 1957 году Госплан с подачи ЦК КПСС вводит сетку совнархозов: 105 при 142 ССР без областного деления, АССР, краев, областей и АО (без автономных округов) при одновременной ликвидации 25 отраслевых министерств. Позже было произведено укрупнение этих совнархозов, а в 1965 году они были распущены. Были вновь введены отраслевые министерства. Основание роспуска совнархозов было дано на XXIII съезде КПСС: «Территориальная система управления промышленностью привела к тому, что руководство отраслями промышленности оказалось раздробленным по многочисленным экономическим районам; нарушалось единство технической политики, научно-исследовательские организации оказались оторванными от производства, что тормозило разработку и внедрение новой техники» [6, с. 54].

Госплан и его научные подразделения (СОПС и др.) в 60-е-80-е годы пользовались 18-членной сеткой районов (+Молдавия), подозрительно совпадающая с сеткой военных округов. В конце концов, экономическая сетка районов превратилась в 19-членную. При всей разноголосице этой чересполосицы и вакханалии искусства кройки районов все

географы и региональные экономисты уверяли себя и окружающих в унисон: экономические районы и их ТПК имеют объективный характер.

Плановой экономики нет уже более 20 лет (становление советской экономики заняло менее десяти лет, половина из которых пришлось на Гражданскую войну), но идея экономического районирования и ТПК как промышленной начинки этих районов всё еще жива. Отечественная региональная экономика и экономическая география не в силах отказаться ни от теории ТПК, ни от экономического районирования как средства управления вопреки очевидному несовпадению рыночной и плановой экономик: этот отказ означает, что

— либо региональная экономика и экономическая география существуют без теоретико-методологической основы и по этой причине науками не являются

— либо экономика России имеет лишь рыночные декорации, но по сути своей осталась в парадигме централизованной плановой экономики.

Оба вывода – смертельны и невыносимы. Гораздо проще находиться в блуде и самообмане «переходного периода». До сих пор никого из ученых не шокирует тот факт, что к «объективно существующим» экономическим районам и ТПК применяются такие сугубо технические, целевые средства как планирование и проектирование.

Советское планирование сосуществовало с проектированием, хотя по мнению М.Г. Мееровича, проектная деятельность в СССР была запрещена специальным постановлением ЦК ВКП(б) в 30-е годы на том основании, что эта деятельность – прерогатива партии [7]. Это означало, что деятельность многочисленных проектных организаций сводилась либо в прототипическому проектированию (проектированию по шаблонам и лекалам, производимым аппаратом ЦК), либо нормативному проектированию согласно СНИПам и другим нормативным документам, либо к конструированию из уже имеющихся «кубиков» (так были построены, в частности, градостроительство и районная планировка), либо, наконец, к бумажному «прожектированию» объектов и объемов светлого коммунистического завтра. Тем не менее, согласно Е. Е. Лейзеровичу, имелись принципиальные отличия между планированием и проектированием: *«Промышленное строительство в СССР прочно опиралось на государственное проектирование, которое, в отличие от государственного планирования (план – закон), допускало: а) возможность наличия вариантов решений; б) необязательность реализации всех предлагаемых решений, возможность частичной реализации отдельных решений; в) необязательную жёсткую привязанность реализации проектных решений к конкретным срокам; г) возможность поэтапной реализации проектных решений»*

«Одноразовая» экономика и «одноразовый» человек.

Справедливости ради, надо заметить, что реально планирование и проектирование были неотличимы: такие объекты, как БАМ, КАМАЗ, АвтоВАЗ и многие другие переходили из пятилетки в пятилетку, сами планы ползуче корректировались – и всегда в сторону уменьшения – в ходе их выполнения, что привело к практике 70-80-х годов многовариантности планов и плановых заданий.

При всей так называемой «плановости и долгосрочной перспективности», «научной обоснованности» и т.п. «народного хозяйства» СССР потрясает **одноразовость** всей этой экономики (и именно так в конце концов и случилось!).

БАМ был построен одним поколением и для одного поколения людей: здесь не было и не предусматривалось никакого воспроизводства, например, профессиональных учебных заведений, домов престарелых; сеть роддомов, детских учреждений и школ была предельно разрежена.

Эта одноразовость во многом — наследие идеологии ГУЛАГа, где никакое воспроизводство принципиально невозможно: человек живет своим сроком, после которого (или чаще в ходе которого) либо умирает либо выходит на свободу и в любом случае покидает место своего размещения.

Одноразовость не предполагает перестройки, тем более — демонтажа. Д. Л. Арманд в своей книге «Нам и внукам» предлагал демонтировать волжский каскад гидроэлектростанций, и его доводы были весьма убедительны, но плотины, станции и все гидротехнические сооружения построены так, что их ликвидация технически невозможна.

Одноразовость коснулась не только промышленных, транспортных и энергетических объектов, но и городов, поселений, а, стало быть, и самих людей. Психология одноразового человека, как мы наблюдаем в своей стране, совершенно антиэкологична, бесчеловечна, воинственна, суицидальна и беспощадна к себе, другим людям и окружающему миру. Чем пренебрежительней отношение к человеку, «винтику социалистического способа производства» (Сталин), тем явственнее гигантомания и демонстрация могущества/всемогущества

До революции Россия, будучи пятой промышленной державой мира (после Германии, Англии, Франции и США), была уверенным мировым лидером по концентрации промышленного производства. Это — следствие того, что в стране слишком мало мест и городов, пригодных для экономически эффективного промышленного производства. Кроме того, чрезмерная концентрация промышленного производства призвана была компенсировать техническое и технологическое несовершенство этих производств.

В советское время тенденция гигантомании усилилась, приобрела новые, дополнительные мотивы. Важнейшим было наивное стремление за счет гигантов доказать себе и миру свое промышленное преимущество и превосходство. Вторым — пролетаризация страны и внедрение пролетарской этики, достигаемой за счет того, что человек, включенный в деятельность, должен потерять масштабы и размеры ее, свою сомасштабность (этот механизм описан в новелле Франца Кафки «Как строилась китайская стена»). Третьим — мощь строительного комплекса, требовавшего все более и более величественных и дорогостоящих строек, по эскалации объемов строительно-монтажных работ.

Гигантомания порождала проекты, по большей части, мертвые, но и в мертвом виде — живучие. К ним относятся, по мнению Чистобаева, проект переброски вод северных рек на юг, реанимированный после недолгого затишья Лужковым, трасса Салехард — Игарка («Мертвая дорога») как фрагмент трассы по Полярному кругу от Карелии до Берингова пролива.

Переброска северных рек мотивировалась падением уровня Каспия. Теперь это вековое колебание вернулось к норме, и смысл переброски окончательно потерян: обводнять степи Казахстана? А он просит об этом?

«Мертвая дорога» стоила несколько миллионов жизней — в самые страшные годы войны. Ленгипротранс, эвакуированный в Томск, спроектировал дорогу Салехард — Новый Порт на Ямале (у Сталина, говорят, была сумасшедшая идея проложить железную дорогу до Северного полюса). Дважды, в 1942 и 1943 годах отправлялся огромный конвой с десятками тысяч эзков на эту трассу. Не вернулся никто.

Актом всемогущества СССР и лично Сталина над миром и природой был Сталинский план преобразования природы, включавший в себя невиданные по длине и полноводности каналы, включая Каракумский, заполярные сады стланниковых яблонь, лесозащитные полосы от суховеев шириной до 300 километров и длиной в 2-3 тысячи километров. Много позже выяснилось, что лес высотой до 50-ти метров не в состоянии задерживать воздушные массы высотой до 9–11 километров.

В свое время мне пришлось экспертировать проект канала длиной в 1800 километров и с перепадом высот до 1200 метров, который был призван сократить Восточное плечо Северного морского пути. Если не считать того, что навигация на этом канале занимала бы всего два месяца, автор проекта видел его главным преимуществом занятие на принудительных работах более одного миллиона человек.

Всемогущество подчеркивалось технически: для рытья каналов, а также на открытых горнорудных разработках применялись шагающие экскаваторы (производство «Уралмаша») весом в сотни тысяч тонн. Крупнейший рекордный экскаватор, когда-либо

созданный в СССР/РФ — ЭШ-100/100 (длина стрелы — 100 м, емкость ковша — 100 кубометров, скорость перемещения — 60-80 метров в час). С 1976 г. находился в эксплуатации на разрезе Назаровский, что в Сибири. ЭШ-100/100 эксплуатировался 15 лет, а потом был разворован на металлолом. Тем не менее, в этой гонке металлодинозавров СССР проиграл США. Самый большой в мире шагающий экскаватор «Биг Маски» размером с 22-этажный дом и с ковшом ёмкостью 168 м³ был построен американской компанией «Бьюсайрус Эри» и в течение почти 30 лет работал на угольном разрезе, переместив за свою жизнь объём горной массы, вдвое превышающий объём земляных работ при строительстве Панамского канала.

Гигантомания делала, с военной точки зрения, промышленность страны очень уязвимой, что, собственно, и доказала война 1941-45 годов, когда нам самим пришлось взрывать и уничтожать собственные промпредприятия дабы они не достались противнику: не будь такой концентрации, предприятия можно было бы эвакуировать в значительно большей степени.

Зато критерий «максимальный народнохозяйственный эффект при минимизации народнохозяйственных издержек» позволял варварски относиться и к природе и к людям.

При проектировании крупных промышленных предприятий селитьба рассматривалась главным образом как «спальные цеха» этих предприятий: в целях экономии капитальных затрат жильё обычно было самого низкого качества, а социокультурная инфраструктура либо по уровню комфорта была ещё ниже жилья, либо вообще отсутствовала и потом десятилетиями доращивалась до скудных нормативных показателей; а в целях экономии текущих затрат на трудовые маятниковые поездки селитьба размещалась как можно ближе к производству. Это было настолько распространено, что противоположные примеры найти почти невозможно. При этом горше всего было положение строителей «голубых городов» и «великих трасс»: люди годами жили в палатках и балках. Желдорвойска на БАМе жили в огромных пятидесятиместных палатках: за пределами палатки минус 50° и ниже, по другую сторону брезента — минус 20° и только вокруг печурки в центре палатки — комфортные плюсовые температуры — за место у печки шла смертельная борьба, как и за место у края. Всё это были отголоски империи ГУЛАГА, где зэки были строителями, а, по окончании стройки, превращались в расконвоированных ссыльных рабочих ими же построенных предприятий.

Наука, обслуживающая идеологию.

Для советской экономической науки и практики было характерно размещение под идеологические принципы, несовместимые с заимствованными теоретическими основаниями

Пожалуй, это наиболее принципиальный дефект советской экономики. Идеологические принципы советской экономики носили необычные и непривычные для «нормальной» экономики черты: социальные (выравнивание уровней жизни в различных регионах, выравнивание уровня благосостояния всех слоев общества и т.п.), военно-стратегические (обороноспособность, дублирование, неуязвимость и т.п., яркий пример — БАМ) и государственные (государство — единственный инициатор всех проектов, создания городов и т.п.). Однако для решения размещенческих задач использовались и продолжают использоваться теоретические и иные средства, выработанные в условиях «нормальной» экономики. Это касается и теории штандортов А. Вебера, редуцированной до теории ПТК (ТПК) и энерго-производственных циклов Н.Н. Колосовского, и теории диффузий нововведений (Адамо), и размещенческих идей А. Леша, и расчетов «затраты-выпуск» В. Леонтьева, и теории потенциалов (Бунге), и идей городской микрогеографии Хаггерстранда, и хорологических идей Хаггета и Чорли, и индексов локализации Айзарда («Методы регионального анализа»), и коэффициентов специализации, и территориального консалтинга по увеличению конкурентоспособности М. Портера. Почему-то предполагалось и предполагается, что всё это наследие и заимствование может и будет работать в экономике, построенной в совершенно чуждых для рыночной экономики условиях. Любопытно, что в русском переводе книги Уолтера Айзарда (на титуле он назван В. Изардом) «Methods of Regional Analysis» [8], глава, посвященная кейнсианству, была удалена (правда, забыли перенумеровать страницы). В предисловии А. Е. Пробст пояснил, что «советским читателям вряд ли будет интересна эта информация», расхваливая официальную марксистскую идеологию и методологию экономической науки в СССР. И это — не экзотика, а типичное советское отношение к западной экономической науке: методы — да, методология — чуждая.

Это привело к ряду неожиданных результатов.

Прежде всего, к понятийной катастрофе: у нас сложились совершенно нелепые представления и понятия о прибыли, доходе, индустрии (как полной синонимии с промышленностью), предприятии (при уголовной ответственности за предпринимательскую деятельность до конца 80-х годов), деньгах, инвестициях, кооперации и т.д. Практически весь понятийный аппарат оказался порушенным.

При проблематизации принимаемых размещенческих решений — цели размещения имели неэкономический или даже антиэкономический характер, а средства —

выработанные в экономической среде никто не проводил: страшно. Зато функция науки как партийной подстилки выполнялась неукоснительно. Дело доходило до анекдотов:

На защите докторской диссертации Маслова по Северному Кавказу И. В. Комар поймал диссертанта на том, что тот несколько раз менял свою позицию по поводу свеклосеяния в этом районе — и каждое колебание было после очередного партийного решения по данному вопросу.

Это породило, в конце концов, основной метод планирования и размещения — «сору-paste», бесконечное переписывание проектов и их обоснований, то, что получило название «ползучего планирования», долгостроя и перехода одних и тех же проектов из пятилетки в пятилетку. К таким объектам бесконечного планирования можно отнести уже упомянутые нами БАМ (реально закончен строительством только в 2003 году, спустя 31 год после начала), «Мертвая дорога» Салехард-Игарка (строится уже 70 лет), дорога на Новый Порт (начало строительства 1942 год, завершение — 2011), порт Индига в Баренцовом море, железные дороги Средсиб, Балкомур, АЯМ, медное месторождение Удокан, нефтегазовые месторождения Якутии и т.д. до бесконечности.

Инструмент самообмана.

Для отечественной экономической географии и региональной экономики характерным стало пристрастие к натуральным показателям. Экономическая неграмотность и «головокружение от успехов» книги «Развитие капитализма в России», где на базе примитивного статистического анализа делается попытка серьезных социально-экономических обобщений, привели к тому, что все первые плановые разработки в СССР, начиная с ранних 20-х годов, делались исключительно на натуральных показателях. Практика натуральных показателей сохранилась на всем протяжении советской экономики и даже за ее нынешними пределами.

В это трудно поверить, но межотраслевой баланс и межрайонный обмен также исчислялись в грузовом измерении, точно также и все показатели специализации, рассчитывались по натуральным показателям.

Точно также трудозатраты измерялись, грубо говоря, в «лопато-часах» и объемах земляных работ, без особой дифференциации сложности труда и квалификации занятых [9, с. 228—231]. Натуральные показатели оказались очень удобным инструментом обмана.

В качестве примера. В дореволюционной России урожайность измерялась в показателе «сам-числительное», как соотношение собранного к посеянному или посаженному. Для Вологодской области урожай зерновых колебались от сам-три до сам-семь, что, при норме высева 2.7 ц/га составляло в современных измерениях 8-19 ц/га. Переход на расчет в ц/га привел к весьма печальным результатам. Каждый третий год в

Вологодской области был неурожайным, каждый седьмой — катастрофически неурожайным, а все планы исходили из непрерывного роста урожайности. Чтобы скрыть невыполнение плана в особо критические годы, умышленно занижали посевные площади. В результате за полвека существования колхозов пахотный клин в Вологодской области уменьшился в три раза, а пригодные к пахоте земли признавались лугами, пастбищами или негодьями.

То же самое, гораздо быстрее происходило на целинных и залежных землях Казахстана, где в конце 50-х годов (первые годы подъема целины) урожайность держалась на уровне 5.1 ц/га (менее «сам-два»), а, несмотря на интенсивную распашку, площадь пашни росла очень медленно. В конце концов, это кончилось тем, что, уничтожение весьма тощего плодородного слоя привело к черным песчаным бурям, а вся кампания провалилась.

Доминанта натуральных показателей привела к полному пренебрежению качеством производимой продукции и, что еще тяжелее, обесмысливанию производства и хозяйства. Изучая отчетность Советского Дунайского пароходства за последовательный ряд лет, я обнаружил, что отчет по перевозкам ГИФ (грузы иностранных фрахтователей) в рублевом исчислении имеет регулярно позитивный баланс, а в долларовом — негативный. Ответ работников СДП был потрясающе наивен:

– но ведь это совершенно неважно: главное — тонно-мильная продукция!

Этот парадокс (доходность в рублях, но убыточность в инвалюте) был характерен для всех экспорто- и импортоориентированных отраслей и предприятий. Это немного экстравагантно, но только немного: СССР покупал в Америке зерно, чтобы на вырученные средства (покупалось фуражное зерно, а продавалось на внутреннем рынке как продовольственное) продавать нефть на Кубу.

Недоверие ко всем стоимостным показателям была оправданна еще и потому, что а) цены носили насильственный, декретивный характер и чаще всего отражали политическую ситуацию, а не экономическую, б) стоимостные показатели не могли быть сводимы к единой валюте (наличные и безналичные рубли, инвалютные рубли, СКВ, клиринговые валюты, чеки Внешпосылторга, боны моряков и рыбаков в заграничии и т.п. — всё это не имело прямой кодификации по отношению друг к другу) в) наличие в стране как минимум пяти категорий ценообразования (розничные цены, оптовые цены, особенно в сельском хозяйстве были выше розничных, существовали еще цены «по себестоимости», «партийные цены» и «загранцены»).

Даже критерии эффективности в области размещения промышленности и производительности труда носили более чем условный характер. Согласно А. Пробсту, пользоваться стоимостными показателями здесь нельзя, так как «существующие цены на

разные продукты настолько значительно отклоняются от их стоимости, что они не могут дать точного представления ни о соотношении стоимости различных продуктов, ни о динамике их изменения» [10, с. 27].

В ряде случаев ценовая политика еще как-то могла быть объяснена. Например, практически на всю продукцию сельского хозяйства оптовые цены всегда были ниже себестоимости (издержек) производства, при этом сельхозтехника, химикаты и прочие, необходимые сельскому хозяйству продукты имели заведомо завышенный характер. Это было установлено еще В. Лениным и было призвано держать сельское хозяйство постоянно, планомерно убыточным, а самих крестьян держать в постоянном унижении государственного дотирования сельского хозяйства. В результате колхозам и совхозам, несмотря на государственный нажим на «партийные» (зерновые) культуры, было крайне невыгодно заниматься своей основной деятельностью. С 1964 года и до конца советской власти, СССР импортировал зерно, начиная с 600 тыс. тонн в год до 60 млн. тонн. Если в 1967 году, в разгар косыгинских реформ и на исходе хрущевских, на закупку зерна по импорту было затрачено 50.2 тонны золота, то уже через пять лет — 458.2 тонн [11].

К рекордно абсурдистским оптовым ценам можно отнести также то, что легковые автомобили «Волга» стоили всего 900 рублей, а карьерные самосвалы «БелАЗ» с емкостью кузова 25 кубометров менее 9 тысяч рублей. К этим же рекордам следует отнести оптовую цену на креветки, сдаваемые судами мурманского тралфлота (отваренные, расфасованные и упакованные в килограммовые брикеты) по 2.20 за тонну при розничной цене в Мурманске, Москве и других местах 2.20 за килограмм.

Но и показатели себестоимости также были вне всякой критики, особенно в строительстве, лесной, угольной и других отраслях промышленности, где использовался бесплатный труд эков, военнопленных, трудармий, стройбата, инженерных и железнодорожных войск. Ко всему этому следует добавить, что стоимостные показатели в отраслевой и государственной статистике либо отсутствовали, либо были засекречены, либо, в лучшем случае, скудны и недостоверны.

Не слишком ли поздно махать кулаками и критиковать давно ушедшую советскую эпоху? — Каюсь, очень поздно. Но не безнадежно поздно, потому что гораздо безнадежней сама ситуация: ни советская экономика, ни ее «наука» никуда не делись, мы живем в этом и будем жить, пока:

- не произведем критическую рефлексию и декомпозицию
- не задумаемся о том, что со всем этим делать.

Список литературы и источников:

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Antiduering/antid-3-03.html> (дата обращения 21.01.2012)
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Седьмое издание. — М: Госполитиздат, 1953. — С. 408—481.
3. Четыркин В.М. О районообразующих признаках в советском экономическом районировании // Вопросы географии. Сб. 41: Экономическая география. — М., 1957. — 303 с.
4. Левинтов А. Е. Городское кладбище // Городское управление. № 1. 2011.
5. Районирование СССР. 1917-1925. — М.-Л.: Плановое хозяйство, 1926.
6. XXIII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 года. Стенографический отчет. В 2-х томах. Том 1 — М.: Политиздат, 1966. — 640 с.; Т. 2. — М.: Политиздат, 1966. — 672 с.
7. Меерович М. Г. Государственная организация архитектурно-градостроительной деятельности в СССР (вопросы политической истории советского градостроительства) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569758&fl=5&sl=1> (дата обращения 22.01.2012)
8. Изард У. Методы регионального анализа. — М.: Прогресс, 1966.
9. Ленин В. И. набросок к плану научно-технических работ. ПСС, 5 изд. Т. 36.
10. Пробст А. Е. Проблемы размещения социалистической промышленности. — М., Экономика, 1982.
11. Архивы Политбюро ЦК КПСС были открыты и опубликованы историками А. Коротковым и А. Степановым.

ДИСКУССИЯ

О. Б. Гуцуляк

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ АРХЕТИП УКРАИНЫ И РОССИИ

Понятие «Православие» (греч. «Ортодоксия») генетически связано с ведическим *Рта-Дакша*, авестийским *Артха-Дасена* (эквивалент др.-рус. *Ряд-Десница*), то есть направлением «вправо» (против часовой стрелки), движением солнца с востока на запад («посолонь»; попытка И. Кунцевича ввести крестные шествия «осолонь» вылилась в православный резистанс XV-XVI вв.). Это — путь Традиции внуков Солнца-Дажьбога на территории *Украины*, славянские корни названия которой (*Ук-* и *Рай-*) тождественны санскритским корням самоназвания Индии Бхарата — «воспитанная», «культурная», «традиция». Путь Традиции на земле Традиции порождает у идущего им чувство убежденности о достижении желаемого результата, мобилизует эмоционально-психологический эффект, вызванный выполнением *ритуала «по Солнцу»*, впервые введенного небесным Богом-Предком (повторение пути первопредка-тотема), а именно — воссоздание естественной субстанции без установки на её изменение. А современное жалкое состояние человечества (смертность, «испорченность», «железный век», «калийюга») воспринимается как логическое следствие прошлого, игнорирование этого пути, и, соответственно, как новая возможность исправиться, преодолеть «ностальгию за идеалом», за Эдемом, «золотым веком».

Интересен взгляд, согласно которому доминантен *общеславянский архетип «Рай-Сад-Царство»*, этакого солнечного «*Заветного царства*» примордиальной (изначальной) Традиции (по нашему мнению, *украинская писанка, «яйцо-райцо»* являются символом, иконой этого «*потерянного райского царства*» славян, сконденсированного пространства и сконденсированного богатства, разновидность «мандалы», которая, как известно, не только диск, но любая икона с центральным образом, Луной и Солнцем).

Некоторые ученые считают, что «рай человечества эпохи палеолита» был именно на территории Украины и что именно тектонический разлом земной коры в Украинском кристаллическом щите обусловил особенное геомагнитное и иное геофизическое влияние на формирующихся наших предков, что незатопляемые на протяжении сотен миллионов лет со времен Силлурийского периода Подолье и Житомирщина есть мистическим местом планеты, аналогично ландшафту австралийского континента, неизменного со времени Юрского периода. Интересно, что само название Подолье может быть сохранило название

известного из древнеиндийский преданий райского царства богов-асуров Паталы («Покрова», «Крыша») со столицей Бхогавати (то есть на реке Буг), в котором — дворец царя Васуки (не путать с буддийской Поталой — «Пристанью», дворцом далай-ламы в Лхасе).

Якобы Россия реализовала архетип «Заветного царства» в дальнейшем в форме политического «Странствующего Царства»: Русь ведь катиться, её царство — даль и ширь, горизонталь [1, с. 226], пространство, одновременно, как дорога, соединяя восток с западом, мир живых и мир мёртвых с помощью «хозяина на дороге» (жреца-царя) [2, с. 59, 65, 67]. На каждом новом этапе политической истории Россия «отрекается от старого мира» и «опустошает национальные пантеоны» [3, с. 77], «преображается» (по мнению С. Франка, В. Эрн, Б. Вышеславцева), «богоборствует» (именно для русского модернизма, по Л. Сталюергу, руководящим стал солярно-космический миф о борьбе культурного героя с Солнцем, что символизирует победу над временем).

Одним из выразителей этой традиции стала «слободизация» России: «слободское» непременно обозначает временное, в любой момент готовое к изгнанию, снесению и перемещению, то, что обустроивается кое-как, чтоб день прожить, принципиально чуждое укоренению [4, с.86]. «... крестьянские поселки, — пишет В. Ключевский, — по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественника с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, не нынче-завтра собирающихся бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые. В этом сказались продолжительная переселенческая бродячестъ прежних времен и хронические пожары — обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке» [5, с. 69–70]. Т. Шевченко эту слободизацию» определил так: «... В великороссийском человеке есть врожденная антипатия к зелени, к этой живой блестящей ризе улыбающейся матери природы. Великороссийская деревня — это, как выразился Гоголь, наваленные кучи серых бревен с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! Нигде прутика зеленого не увидишь, а по сторонам непроходимые леса зеленеют. А деревня, как будто нарочно, вырубилась на большую дорогу из-под тени этого непроходимого сада, растянулась в два ряда около большой дороги, выстроила постоянные двory, а на отлете часовню и кабачок, и ей больше ничего не нужно. Непонятная антипатия к прелестям природы» (1857).

Вторым выразителем есть «юродство и кликушество»: «... в России народ не только чтит, но почему-то любит своих духовных уродов. Будто чует, что бессмысленные вопли не совсем так уже ни на что не нужны и жалкое существование бездомного бродяги не так

уже отвратительно. И в самом деле — придет час, и ... каждый из нас бросит накопленные сокровища и пойдет, как идут босые странники или как, по словам апостола, пошел Авраам, сам не зная, куда идет» [6, с. 350–351]. То есть, Россия до сих пор пребывает в плену той схемы мифологического универсума, который не столько создан, сколько перманентно создается: его бытие определяет постоянно действующая в пограничной ситуации генетического контакта хаоса и ойкумены позиция крушения-творения, а приоритеты «... шокирующе совпадают с приведенными Э. Фроммом признаками некрофильной ориентации» [7, с. 1]. В свое время, пытаясь вскрыть семиотическую подоплёку данного русского архетипа, Ю. М. Лотман определил, что для русской культуры характерны бинарные структуры и что только коренное изменение в отношениях Восточной и Западной Европы, происходящее на наших глазах, даст, якобы, возможность перейти на общеевропейскую «тернарную систему» (сохраняются определенные ценности предшествующего периода, перемещая их из периферии в центр системы, и осуществляется попытка приспособить идеал к реальности) и отказаться от идеала «разрушать старый мир до основания, а затем» на его развалинах строить новый (т.е. осуществить на практике неосуществимый идеал) [8, с. 257 – 270].

В украинцев наоборот, общеславянский архетип «Сада-Рая-Царства» реализован в форме «особого места» (locus amoenus, Heimat), «НАШЕГО периметра пространства» (Украина), в котором чувствуется в своей приватности единство целого (например, межэтническое «мы — казаки»), а в целом — своя приватность (неповторные «я» — сначала как русич, литвин, молдаван, лях, черкес, абазин, татарин, затем — как наделенный определенной характерной особенностью, закреплённой в смешном «прозвище-фамилии»). Интересным есть то, что в год гибели Запорожской Сечи (1775) на ином конце индоевропейского цивилизационного пространства рождается государство — США — на этой же идее сосуществования («братолюбия», «филадельфии») эгоцентрических «я» в границах совершенного Закона (Конституции), уважающего эгоизм, но ограничивающего свободу только в крайних случаях угрозы эгоизмам равноправных «я» и эгоизму корпоративно-государственному.

Украина (ср. с санскр. ukhraiia «холм, курган») предстает как своеобразный медиум между человеком и универсумом, «вертикаль», по сравнению с *Россией* — «горизонталью» (уместно здесь вспомнить любимый тезис А. Дугина о вертикальной связи разных онтологических, иерархических пластов, присущих истинно-нордическому, и о горизонтальном уровне пародирования и имитации, присущего гондваническому; тут А. Дугин парадоксально оказывается оппонентом горизонтального евразийства). Это пространство, где, следуя М. Элиаде, религиозный человек реализует свое желание «жить во священном», быть в объективной реальности, не дать парализовать себя нескончаемой

относительностью субъективных опытов, в действительном, а не иллюзорном мире [9, с. 26]. «... Ибо мистика является приключением, приключением вертикальным: устремляясь ввысь, она овладевает иной формой пространства» [10, с. 224].

Человек в Украине реализует себя не просто как «Человек Пространства», сформированный и обусловленный специфическим качеством пространства — рельефом, ландшафтом, как это лишь видится А. Дугину [11, с. 13], а как человек «сакрального пространства», «священного круга», «центра мира», где встречаются Небо и Земля, где в человеке осуществляется эта встреча, через него проходит касание всех миров и всех связей — прошлого, нынешнего и будущего.

Вот как это описал Ф. Достоевский, внук волынского униатского священника Андрея Достоевского: «...Белые башни и золотые главы собора сверкали в яхонтовом небе... Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час», — говорил он потом с твердой верой в слова свои...» («Братья Карамазовы»); «... Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченной крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от неё сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через три минуты как-нибудь сольётся с ними» («Идиот»).

Да и *идея геополитического изоляционизма России*, оказывается в сущности последним всплеском, *последним вздохом славянского духа «ввысь и к небу»*, но так и нереализованного из-за *порабощения имманентным горизонтальным проектом «Империя»*: она «...подчеркнута высшим взлетом русской национальной архитектуры — шатровым зодчеством. Традиционный византийский крестово-купольный храм изображает символически Церковь как корабль, как ковчег спасения, открытый для всякой твари и устремленно плывущий на Восток. В русском шатровом храме, как в образцовом Вознесенском, построенном в Коломенском именно при Василии III, никакой открытости нет, никакой твари внутрь не приглашается, он никуда не плывет. Он — стоит. Его единственный вектор — вертикаль вверх, к небу, это не корабль, а *столп*, при благоприятном духовном ходе превращающийся в лестницу. Своеобразная антитеза Граду Китежу — уход, но только не вниз, под воду, а наверх, в небо. Коломенское Вознесение — это монумент вдохновенному экстатическому отчаянию Филофея — два падоша, третий стоит, четвертому не быти, значит нужно стоять одним и до конца. Здесь

изоляциянистская утопия достигает крайнего богословского и аскетического напряжения, становится сама по себе духовным заданием и добродетелью...» [12].

Не удивительно, что *комплекс самой украинской нации* можно определить именно как «*комплекс иерогамии*» — «желание священного брака», жажда «у-Закониться», «у-Краяться» в Традиции. То есть найти компромисс в противоречии между нереалистичной, казалось бы, сущностью великой объединяющей Правды и императивной потребностью, неукоснительной нуждой в ней [13, с. 244]. Именно эта жажда проявилась в поисках суверена Украиной как в политической плоскости (Москва, Варшава, Стокгольм, Берлин, Вашингтон), так и культурной (Москва, «психологическая Европа», Нью-Йорк). Отсюда же поиски «украинскости» в самых различных Традициях: в тризубах Атлантиды, иероглифах Шумера и Китая, чубах-«оселедцях» на фресках египетских пирамид, в лексемах этрусского и пелазгийского языков, а также обнаружение параллелей арийским символам и буддистским позам на украинских вышивках и изображениях казака Мамаю (благо, и опыт предыдущий есть — поиски украинско-казацкой идентичности в роксоланах-сарматах и хазарах [14, с. 136, 166—168]). Компендиум таких исканий осуществила журналист ТВО «Ника» Мирослава Збожна в телефильме «Иррациональные миры сновидений».

Но до сих пор эти поиски встречены украинской общественностью в массе своей без того энтузиазма, который сопровождал в Германии первых двух десятилетий XX века аналогичные «открытия» индогерманских (арийских) следов и который, в конце концов, сыграл свою роль в приведении к власти нацистов с их учреждением «Академия родового наследия» («Аненербе»).

Обусловлено это неприятие именно тем, что *общество не желает пребывать в жёстких континуально-логических всеобщих обязательствах* (в том числе «праарийских», «общеславянских», «общерусских», «советских» и даже «соборно-украинских»). Оно, скорее всего, готово принять и осмыслить в себе все тенденции мирового духовно-культурного развития (эволюционировать и обогащаться по принципу народной сказки «Кто-кто в домике живет?» — то есть развиваться и дополняться новым, не отказываясь от старого) — и западноевропейскую философию, и православный исихазм, и афроамериканские ритмы, и латиноамериканские сериалы, и индийскую религиозную практику, и юнгианскую соционику, и ультраправый национализм (как украинский, так и в форме «рашизма»), и космополитические тенденции информационной эры и т.д. Этим она «... возносит себя к значению Эдема Свободы» [15, с. 6], ведь познание, ищущее твёрдости, убежденности, нерушимости очевидного и неукоснительности «необходимого» (ананкэ) оказываются синонимами насилия. Именно поэтому *предки украинцев отбросили рассудительно-рационалистическую религию*

(иудаизм, ислам, католичество) с её «непрямым», «Книжным» общением с Божественным (трансценденцией), с её методом уничтожения всех, кто думает и чувствует и хочет иначе, чем «мы». Русичи избрали достижение единства между людьми в «экзистенциальной коммуникации» — соборности мистико-энтузиастического православия (ортодоксии), именно в нем «народ выявил себя естественно» (Н. Костомаров).

Но семиотический рок Украины определяется тем, что ей, «как запредельной остальному миру реальности», необходим более чем один язык (минимально два) для отражения этой «запредельной реальности» и чтобы пространство реальности охватывалось не одним языком в отдельности, а только их совокупностью, как бы накладываясь друг на друга, по разному отражая одно и то же, создавая качественно новое, построенное на противоречии между внешностью и сущностью [8, с. 9 – 10]. Этим Украина, скорее всего, хранит преданность первоначально индоевропейской культуры, где царствуют одновременно два языка — «язык богов» и «язык людей» (вернее, один «двуипостасный» язык, «гетерогенное одноязычие»), обслуживая разные сферы культуры.

Список литературы и источников.

1. Гачев Г. Д. Европейские образы Пространства и Времени // Культура, человек, картина мира / Отв. ред. А. И. Арнольдов, Б. А. Кругликов. — М.: Наука, 1987. — С. 198—227.
2. Бердяев Н. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. — М.: Мысль, 1990. — 207 с.
3. Василенко Н. А. «Очарованный странник» против «экономического человека» // Русский узел: Идеи и прогнозы журнала «Москва» / Сост. С. Селиванова. — М.: Москва, 1999. — С. 70—79.
4. Ахиезер А. С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. — С. 78—89.
5. Ключевский В. О. Сочинения: в 8 тт. — М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. — 427 с.
6. Шестов Л. Афины и Иерусалим. — М.: АСТ: Фолио, 2001. — 394 с.
7. Шоркін О. Д. Схеми універсумів: Методологічний проект зв'язності культур : автореф. дис. ... докт. філос. наук. — К.: Вид-во КДУ, 1999. — 32 с.
8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М.: Гнозис; ИГ «Прогресс», 1992. — 272 с.
9. Элиаде М. Священное и мирское / Перев. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 144 с.
10. Сиоран Э. М. Испытание существованием / Пер. с фр. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — 431 с.

11. Дугин А. Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1997. — 608 с.
12. Холмогоров Е. Сказание о граде Китеже. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://c-society.ru/wind.php?ID=449172> (дата обращения 13.02.2012)
13. Тamarченко Е. Идея Правды в «Тихом Доне» // Новый мир. 1990. № 6. С. 237—248.
14. Мала енциклопедія етнодержавознавства / Від. ред., керівн. автор. колект. Ю. І. Римаренко. — К.: Генеза; Довіра, 1996. — 942 с.
15. Єшкілев В. Л. Герменевтика російської ойкумени // Точка зору: громадська газета. Івано-Франківськ, 1997. № 1. С. 4—6.

ТРИБУНА

Д.А. Карманова

КРИЗИС РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ АСПЕКТИЗАЦИИ.

Наиболее характерной и общепризнанной особенностью современности на рубеже тысячелетий следует признать кризис образования, который приобрел общемировые масштабы и связан с изменением его социальной роли. XX век был отмечен огромными достижениями в сфере образования, которые легли в основу как колоссальных социальных преобразований, так и научно-технического прогресса, характерных для этого века. Однако бурное расширение сферы образования и изменение ее статуса сопровождалось обострением проблем, которые позволили некоторым исследователям сделать и обосновать вывод о мировом кризисе образования. Проблемы образования оказались в центре общественного внимания.

Теоретическое осознание кризиса системы образования началось в конце 60-х – начале 70-х годов XX века, после выхода в свет книги английского ученого Ф. Кумбса «Кризис образования в современном мире». Автор констатировал наличие мирового кризиса образования, обозначив это состояние как «изменение», «приспособление», «разрыв»[1]. Ф. Кумбс самую суть мирового кризиса образования видел в разрыве между сложившимися системами образования и быстро меняющимися условиями жизни общества. Мировой кризис образования, помимо девальвации традиционных социальных ценностей и поисков нового мировоззрения, характеризуется все более возрастающим различием в уровне и качестве образования между богатыми и бедными странами, а также внутри стран между социальными слоями [2].

Каковы же причины кризисного состояния системы образования? Ф. Кумбс выделяет четыре специфические причины возникновения данного разрыва, а именно неспособность существующих школ и университетов удовлетворить в необходимых масштабах резко возросшую потребность народных масс в образовании, острый недостаток средств, инертность общества, обременяемого установившимися традициями, религиозными обычаями, соображениями престижа и материальными стимулами, мешает

рациональному использованию образования и образованных кадров в интересах национального развития [6]. Кроме того, многие исследователи отмечают, что развернувшаяся в последние десятилетия информационная революция еще более обострила проблемы образования [7].

Сегодня на первый план вышли умение работать с информацией (добывать, обрабатывать, использовать), а также способность реагировать и эффективно использовать стремительно возникающие и развивающиеся инновации. При этом традиционная система образования, основанная на принципах просвещения, направленная на трансляцию знаний, сохранение и воспроизводство духовного опыта, социализацию личности, определяемая состоянием общества и отвечающая «социальному заказу», становится неэффективной в условиях возрастающей информационной динамики, глобализации и модернизации общества.

Мировой кризис системы образования наложил свой отпечаток и на российское общество. В последнее десятилетие XX века кризисное состояние российского образования стало наиболее ощутимым. Именно тогда руководством страны была осознана опасность отставания отечественной школы от мирового уровня и необходимость серьезных перемен в области образования. Усугубили ситуацию социальные трансформации начала 90-х гг. прошлого столетия.

В постсоветский период в сфере образования происходят существенные перемены. Наиболее заметные из них – переход к вариативной системе образования, диверсификация образовательных учреждений, появление рынка учебной литературы, легитимизация рынка образовательных услуг, информатизация системы образования, рост числа высших учебных заведений (прежде всего за счет формирования сети негосударственных образовательных учреждений), сокращение объемов бюджетного финансирования государственных учебных заведений при одновременном расширении масштабов теневой экономики в сфере образования [7].

Очевидно, «разрыв» в системе образования существует уже давно и вместо ожидаемого перелома в его течении и наступления устойчивого благополучного состояния все более приобретает хронический характер. Возможно, сама по себе продолжительность кризиса, начавшегося, согласно Ф. Кумбсу, с конца сороковых годов XX века и длящегося по сей день без видимых улучшений, позволяет сказать, что то, что принято называть кризисом образования, в действительности является новым состоянием образования, то есть не переходным процессом, а именно – новым устойчивым состоянием.

И действительно, среди отечественных исследователей нет однозначной точки зрения, существует ли кризис российской системы образования или это нечто иное.

Достаточно подробное изложение различных точек зрения по данному вопросу представлено в работе Е. В. Бодровой и С. Б. Никитиной «Кризис системы образования, Поиск новой парадигмы образования на рубеже XX – XXI веков» [5]. Несмотря на множественность позиций по рассматриваемому вопросу, автор склонен все-таки считать существующее положение российского образования именно кризисом, сопровождающимся наличием «ошибок» в работе всей образовательной системы, которые не позволяют ей эффективно выполнять свои функции. И далее мы предлагаем более подробно остановиться на тех проблемных точках, которые, по мнению автора, существуют в современном российском образовании. Объект рассмотрения ограничим системой высшего образования как важнейшего элемента подготовки высококвалифицированных специалистов для национальной экономики.

1. Нарушение преемственности между средним и высшим звеном системы образования. Введение новых правил приема абитуриентов только по результатам ЕГЭ фактически отстранило преподавателей вузов от процесса набора молодых людей для дальнейшего обучения. По данным ряда социологических исследований (www.fom.ru, www.wciom.ru, www.levada.ru) две трети родителей и вузовских преподавателей считают уровень подготовки абитуриентов в средней школе неудовлетворительным. Вузы вынуждены организовывать специальные курсы для дополнительной подготовки абитуриентов к обучению в вузе, учить их не только основам профильных дисциплин, но и развивать навыки критического мышления, самообучения, работы с информацией. Совершенно понятно, что единая система экзаменов, основанная на независимой проверке, выравнивает возможности выпускников с точки зрения поступления в престижные вузы. Однако на том уровне реализации, на котором находится сейчас эта система, ее оставлять нельзя.

2. Снижение качества образования в высшей школе. Слабое внедрение новых образовательных технологий в образовательный процесс. Основной формой занятий остаются лекции, аудиторная нагрузка раздута, набор элективных курсов минимален или полностью отсутствует. «Наша система вузовского образования, по большей мере, ориентируется на запоминание и усвоение огромного количества готовых материалов и решений. Европейская и американская системы — на обучение самостоятельному поиску необходимой информации, ее обобщение и анализ, и, наконец, на поиск собственных решений», — считает вице-президент Российской ассоциации бизнес-образования, профессор С. Мясоедов [8]. Сегодня продолжают действовать формы и методы обучения середины прошлого века. В результате все чаще слышатся жалобы выпускников вузов о том, что у них недостаточно навыков практической работы.

В вузах нет современных библиотек — таких, где были бы открытый доступ к книгам, система электронного поиска, доступ к международным изданиям и библиотекам онлайн. Что тут говорить, если и в областных научных библиотеках из-за недостатка финансирования продолжает устаревать фонд учебной литературы. Порой там можно найти учебники и учебные пособия для высшей школы только пятилетней давности и старше.

Другая проблема — недостаточное развитие механизмов использования возможностей сети Интернет как источника содержания высшего образования. Сегодня в эпоху высоких технологий высшая школа просто не может игнорировать Интернет, используя его и как источник первичной информации, и как средство удаленного взаимодействия, и как способ осуществления научно-исследовательской деятельности. С одной стороны, далеко не каждый вуз имеет технические возможности обеспечения доступа каждого студента и преподавателя к глобальной информационной сети, а с другой — не каждый студент и преподаватель имеет навыки работы в ней. Здесь, видимо, речь должна идти о необходимости дополнительного обучения обоих субъектов образования в этой сфере.

3. Недостаточное финансирование системы высшего образования. По оценке некоторых специалистов сегодня в России на образование приходится 2,9% ВВП, тогда как в развитых странах — 4-5%. В пересчете на абсолютные цифры это означает, что по западным стандартам российское образование ежегодно недополучает примерно 250 млрд. рублей, или около 8,5 млрд. долларов [8]. Однако сама по себе финансовая поддержка образования не приведет к резкому повышению его качества. В нашем образовании мало профессиональных менеджеров, умеющих эффективно расходовать деньги.

4. Преподавательские кадры. Здесь можно выделить целый комплекс проблем. Во-первых, старение педагогического состава российских вузов, что в конечном итоге может привести к закрытию кафедр, научных школ, целых направлений подготовки специалистов. Все реже выпускники и кандидаты наук после защиты дипломов остаются работать в учебных заведениях. Во-вторых, неразвитость системы повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров. Отсутствует организованная, систематическая кадровая работа по направлению преподавателей в учебные центры повышения квалификации. В-третьих, крайне низкий уровень оплаты труда профессорско-преподавательского состава. В связи с этим возникает необходимость поиска дополнительных источников заработка (расширенное совместительство и репетиторство) для обеспечения достойного уровня жизни. И вполне естественно, что это негативно сказывается и на возможности ведения научно-исследовательской

деятельности, и на качестве преподавательской работы. Кроме того, сегодня происходит пересмотр норм профессиональной этики, что проявляется в расширении масштабов коррупции в сфере образования. И, наконец, как следствие всех негативных тенденций – падение престижа профессии преподавателя высшей школы.

5. Изменение жизненных ориентаций и отношения к ценности высшего образования современных студентов. Сегодня молодые люди ориентированы скорее на то, чтобы им «дали» знания, а не на самостоятельный их поиск и самообучение. Нет ни времени нет, ни желания. Многие студенты работают, некоторые вынуждены, некоторые — для накопления опыта профессиональной деятельности. Так или иначе, происходит девальвация значения высшего образования, оно утрачивает элитарный характер. Наличием двух дипломов о высшем образовании сейчас никого не удивишь. Расширились и упростились возможности для его получения (в том числе этому способствует развитая сеть негосударственных учебных учреждений и увеличение количества коммерческих мест в государственных вузах). Однако это вовсе не означает, что каждый диплом о высшем образовании подкреплен высокой профессиональной компетенцией выпускника.

6. Проблема соответствия номенклатуры дипломов и требований рынка труда. Сегодня все чаще поднимается вопрос о том, что высшее образование готовит специалистов не по тем специальностям, которые действительно требуются российской экономике. Очевидно, что само представление о специализации устарело. Постоянно появляются новые специальности. По оценкам специалистов содержание востребованных специальностей меняется каждые 5 лет. Система высшего образования просто не в состоянии вовремя реагировать на эти изменения. Как результат выпускник выходит из стен вуза с устаревшими знаниями и вынужден обучаться уже в процессе трудовой деятельности. Кроме того, как показывает выборочный анализ статистики карьер, успех в той или иной сфере деятельности практически не зависит от специальности, обозначенной в вузовском дипломе [4, с. 7].

7. Проблема взаимодействия вуза со своими выпускниками и сферой их трудовой деятельности. К сожалению, многие российские вузы не стремятся устанавливать прочные деловые связи со своими выпускниками, которые могут быть ценным источником информации о реальных процессах и тенденциях, происходящих в профильной отрасли экономики. Работодатель и выпускник практически не привлекаются к разработке и реализации программ совершенствования качества подготовки специалистов.

И это далеко не все проблемы современной системы российского высшего образования. Председатель Международной комиссии по образованию в XXI веке Ж. Делор полагает, что «человеческое воображение должно опережать различные

технологические достижения» и должно наметить путь движения к «обществу образования» [3]. Сегодня крайне необходимо формирование новой парадигмы образования, предполагающей ориентацию на развитие личности, ее творческих способностей, введение гибких и проектных форм обучения, увеличение доли в объеме часов на индивидуальные формы подготовки, обеспечение индивидуальных траекторий обучения студентов [2].

Современная система высшего образования должна быть более гибкой, динамичной и обеспечивать быструю адаптацию к изменяющимся социально-экономическим условиям. Необходимо опережающее развитие образования по отношению к обществу. Однако при всей очевидности необходимости реформирования образования к нему надо подходить весьма осторожно. Результаты образовательной политики, внедрения инноваций часто сказываются только через 10–15 лет. Порой они непредсказуемы, и при отсутствии грамотного планирования и постоянного контроля могут повлечь системные проблемы.

Список литературы и источников.

1. Аллак Ж. Вклад в будущее: приоритет образования. — М.: Педагогика — Пресс, 1993. — С. 45—60.
2. Бодрова Е. В., Никитина С. Б. Кризис системы образования, поиск новой парадигмы образования на рубеже XX – XXI веков // Официальный сайт Московского Гуманитарного Университета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Bodrova&Nikitina.pdf> (дата обращения: 10.02.2012).
3. Делор Ж. Образование: сокрытое сокровище. Основные положения Доклада Международной комиссии по образованию для XXI века // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book201.pdf> (дата обращения: 17.02.1012).
4. Иванов С. Ю., Иванов А. С. Основные тенденции и перспективы развития системы высшего образования в России // *Almamater*. 2009. № 2. — С. 5—9.
5. Ильин Г. П. Кризис как устойчивое состояние современного образования // Образование после образования (от педагогической парадигмы к образовательной) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rus.aktobe/kz/beb/g6_05_02.htm (дата обращения: 9.02.2012).
6. Лебедев О. Е. Системный кризис образования как объект анализа // Материалы круглого стола «Образование: системный кризис и проблемы развития» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/chten/2005god/1831/1994/?bpage=1> (дата обращения: 9.02.2012).

7. Мазур Ю. Ю. Проблема образования в условиях антропологического кризиса // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. Вып. 6: Гуманитарные науки. — С. 68—73.
8. Урнов М. Россия в XXI веке: вызовы и возможные ответы (взгляд либерала) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-375451.html> (дата обращения: 20.02.2012).

М.В. Пулькин

СИСТЕМА «ВАКОВСКИХ» ПУБЛИКАЦИЙ КАК ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

*В сущности, мне противны все морали, которые гласят:
“Не делай этого! Отрекись! Преодолей себя!” – напротив, я расположен к таким моралям, которые побуждают меня вечно что-то делать и с утра до вечера и ночью грезить и не думать ни о чем другом, как только о том, чтобы сделать это хорошо, настолько хорошо, как один я и в состоянии сделать!*
Фридрих Ницше

Специфика переживаемой нами сегодня ситуации заключается в том, что проблема публикации в «ВАКовском» издании становится одним из важнейших показателей успешной работы как научного работника (преимущественно Академии наук), так и учреждения, в котором он состоит. Сегодня периодически звучат сенсационные объявления о том, что ВАКовский список полностью отменен. Но столь же часто можно услышать и суровые предупреждения о стремительном росте его значения для разных сфер научной жизни. На сайте ВАКа он представлен во всей своей устрашающей красе, демонстрирующей невиданное изобилие печатных изданий. Можно сказать, что русская склонность к максимализму проявилась здесь в полной мере. Наметился и активно пробивает себе дорогу, становится определяющим новый подход к оценке успешности деятельности гуманитария. Согласно новым критериям, появление книг, в том числе и фундаментальных работ, скоропалительно объявлено второстепенным успехом по сравнению со сравнительно небольшой статьей, опубликованной в издании, носящем гордое имя «ВАКовского».

Этот фактор научной жизни больше нельзя игнорировать. Несмотря на широкое и интенсивное кулуарное обсуждение этой новой для научного сообщества проблемы, она

еще не удостоилась тщательного исследования. Возможно, здесь свою роль сыграли сложные эмоции, связанные с явным процессом разрушения устоявшихся за десятилетия норм. Между тем к анализу, спокойному и беспристрастному, следует приступить как можно скорее. Ведь это и серьезная практическая проблема, связанная с выживанием научных организаций, и важный теоретический вопрос из области, называемой сегодня антропологией научной жизни. *Цель данной работы состоит в том, чтобы заложить фундамент для изучения этого нового явления российской научной жизни.*

В данном исследовании я могу опереться на свой существенный опыт взаимодействия с научными журналами. Мне удалось *бесплатно* опубликовать свои статьи в таких авторитетных и уважаемых в академической среде изданиях как «Антропологический форум» (2 статьи), «Российская история» (1), «Традиционная культура» (4), «Религиоведение» (2), «Вестник Свято-Тихоновского университета» (1), «Культурно-историческая психология» (1), «Одиссей» (1), «Клио» (4), «Труды Тверского университета» (3), «Исторический архив» (1) «Новый исторический вестник» (1) «Вестник Российской христианской гуманитарной академии» (1) и в других научных изданиях, включенных в пресловутый *список*. Кроме того, я вхожу в состав редколлегии журнала «Современные исследования социальных проблем», издающегося в Красноярске и также обозначенного в Списке.

В незабвенные 1990-е гг. в ходу среди гуманитариев была шутка о том, что теперь историк похож на неуловимого ковбоя Джо. Он неуловим не потому, что слишком быстро скачет на своем мустанге по прериям, а потому что никто и не пытается его поймать. Мне в связи с сегодняшним временем в голову приходят другие аналогии, тоже анекдотического свойства. Сегодняшние гуманитарии похожи на дам, стоящих вдоль обочины дороги и тщетно пытающихся привлечь внимание гордо проносящихся мимо пассажиров. Усилия дам оказываются напрасными, ведь потенциальные клиенты быстро, на глазах меняют свою ориентацию. Прелести изящного стиля их больше не интересуют, для них приоритетными становятся вопросы высоких технологий, и до «лириков» им больше нет никакого дела.

Дамы на обочине: проблемы классификации

Приступающему к написанию статей и даже самонадеянно собирающемуся их опубликовать приходится первоначально отказаться от предубеждения, существующего среди коллег, о том, что время публикации статьи обратно пропорционально количеству коньяка, выпитому в тесной компании с главным редактором издания (варианты: съеденная красная икра, бурные ночи страсти и т.п.). К сожалению, это помогает далеко

не всегда. Могу сказать про себя: такой опыт полностью отсутствует. Более того, мало-мальски знакомые люди в качестве сотрудников редакции предъявляют исключительно суровые требования. Как говорится, «ничего личного, только бизнес». Мы также оставим в стороне многочисленные издания, осаждающие нас своей навязчивой рекламой низких цен за публикацию.

Можно сформулировать первую простую классификацию журналов. Это деление их на провинциальные и столичные. Такое деление имеет место, и отрицать его наличие стало бы нелепостью. Но все же она представляется мне призрачной. Здесь необходимы существенные оговорки, пояснения и комментарии. Подавляющее большинство журналов сконцентрированы в Москве, где для их успешной деятельности имеются необходимые финансовые и интеллектуальные ресурсы. Нередко журнал издают отдельные кафедры, небольшие научные структуры, коллективы единомышленников внутри известных учреждений. Например, сотрудники редакции альманаха «Одиссей» (далеко не все работники Института всеобщей истории) с гордостью называют себя «одиссеевцами». Журналы, в том числе и только что упомянутый, часто и охотно приглашают провинциальных авторов. Эти приглашения звучат в Интернете и изредка бывают похожи на отчаянные вопли. Возникает такая ситуация, при которой столичные журналы превращаются в пристанище для лучших авторов из провинции. Иногда эти призывы связаны с горячим желанием получить определенную сумму денег для дальнейшего развития журнала: публикация рассматривается в тесной связи с наличием у автора подписки. Но рецензирование при этом все равно осуществляется и откровенно слабые статьи безоговорочно отвергаются. По законам симметрии некоторые провинциальные журналы становятся тихой обителью для столичных лузеров. Эта закономерность будет постепенно преодолеваться. У нас на глазах формируется *глобальная деревня*, в которой, как и в обычной деревне, сокрытие какой-либо информации станет невозможным, а каждый отдельный индивид будет чувствовать на себе внимание множества посторонних лиц в любой момент своей жизни.

Другая классификация журналов, на мой взгляд, является истинной и связана с таким болезненным вопросом как оплата публикаций. Здесь есть, сформировались и существуют и будут сохраняться в обозримом будущем три группы изданий. Одни из них это провинциальные супердоступные красотки в простых дешевых одежках-обложках, а то и совсем без них, выставленные напоказ в электронном варианте, согласные оказать соискателю ученой степени любые услуги за умеренную плату. Иногда здесь же встречаются элитные столичные журналы, которые взимают за те же нехитрые и древние как мир удовольствия более высокую плату, сопоставимую с месячной зарплатой научного сотрудника. По сути дела, это новый несложный и доходный бизнес, созданный

и активно набирающий обороты у нас на глазах. Иногда они проявляют недюжинную хитрость: первоначально вопрос об оплате не ставится, и обнадеженный автор направляет свои тексты в издание, откликаясь на многочисленные замечания и соблюдая строгие правила оформления статей. И лишь затем возникает вопрос о деньгах. В разгар любовных утех красотка вдруг заговорила об оплате. Мне оставалось лишь уйти, но говорят, что это вредно для здоровья. Совсем другие, вторая группа изданий, — гордые дамы, которые едва ли согласятся снизить до скромного провинциального исследователя. Как правило, они ориентированы на столичных авторов, относящихся к узкому кругу столичной научной богемы и явно обладающих сверхчеловеческими способностями, просто не существующими за пределами МКАД. Довольно часто на сайтах этих журналов отсутствуют правила для авторов, что служит недвусмысленным, ясно читаемым намеком: «Чужие здесь не ходят!» «Оставь надежду навсегда, несчастный заМКАДыш!» и т.п.

Речь в моей статье пойдет о совсем других журналах — скромных труженицах науки, благодаря постоянным усилиям которых сохраняется как круг авторов, так и ощущение востребованности исторических исследований. Именно они не только создают новые статусы отдельных персон и поддерживают устоявшиеся авторитеты, но и делают доступными широкой аудитории новейшие результаты исследований. В конце концов, *создается такая атмосфера, при которой место постоянного пребывания исследователя и его институциональная принадлежность не имеют принципиального значения.* Если есть безлимитный интернет и минимальные навыки работы в сети, все проблемы становится легко решаемыми. Заметим, что владение интернет-технологиями на невысоком уровне требуется постоянно. Здесь возникают серьезные диспропорции между поколениями ученых. Воистину, если бы старость могла овладеть компьютером и если бы молодость знала то, что освоено и наработано старшим поколением! Столько же нелегко решить психологические проблемы. Первый совет может быть простым: необходимо решиться, позволить себе отправить работу в редакцию столичного журнала. *Кто сказал, что невозможно дотянуться до звезды?* Нет, опыт показывает, что очень даже возможно. Но необходимо соблюсти некоторые простые рекомендации.

Нескромное обаяние редакции

Очень важно учитывать специфику конкретного журнала. Даже самая замечательная статья может оказаться невостребованной и отвергнутой в том случае, если она не соответствует принятым в конкретной редакции стилям, приоритетам, особенностям подачи материала и разным другим особенностям конкретного издания,

которые становятся очевидными только после внимательного изучения содержимого ряда номеров. Редакции журналов представляют собой небольшие коллективы единомышленников, весьма патристически настроенные по отношению к своему изданию и скептически, до полного презрения — ко всем прочим. Они считают себя вправе создавать собственные правила, по которым следует действовать всем, желающим оказаться в числе авторов. Иногда это довольно неожиданные требования. Например, известный ВАКовский журнал «Культурно-историческая психология» продолжает традиции выдающегося советского психолога Выготского. Замечательные статьи, представленные в этот журнал, могут оказаться отвергнутыми по одной простой причине: при отсутствии ссылок на труды этого плодовитого автора, произведения которого, честно сказать, будет очень полезно почитать каждому образованному человеку. Некоторые журналы требуют фотографии авторов, но в дальнейшем не публикуют их портреты на своих страницах.

Все это в совокупности создает *особые* условия для научного творчества. В научных журналах постепенно открывается простор для иррациональных способов познания действительности. Это означает эмоциональный стиль изложения, ориентацию в большей степени на обыденный опыт, чем на проверенные теории. Для так называемых «добротных» статей, содержащих «точные» указания расстояний, числа жителей и тонн грузов, остается всё меньше места и перспектив. Мне пришлось удивляться тому, насколько быстро и легко соглашались самые разные журналы публиковать мои статьи самосожжениях старообрядцев. Я совершенно не ожидал такого развития событий. Думается, добротные статьи по аграрной истории, в буквальном смысле слова выстраданные авторами, не пользуются такой же популярностью. В дальнейшем эти мои статьи породили некоторое количество ссылок, которыми я теперь могу гордиться как важным показателем научных успехов и востребованности моих трудов читателем. Но есть одно предостережение против увлечения популярным стилем повествования. Парадоксальным образом горячие темы и жареные факты в статьях, претендующих на успех в научном сообществе, должны сочетаться с активным использованием современного научного новояза, мало понятного обывателю, но вызывающего у него чувство почтения, сходное с ощущениями дикаря, участвующего в магическом обряде под завывания шамана. В данном случае это дань приличиям (хочется сказать, одному из немногих оставшихся приличий), существующим в научной среде.

В особенности это касается журналов, издаваемых различными православными учебными заведениями. Их немало, они отличаются особой ангажированностью, четким требованием следовать заданным курсом под угрозой полного разрыва отношений. На каком-то этапе мне пришлось подчиниться. Безусловно, если бы я еще немного

продолжил общение с ними, то моя канонизация стала бы лишь вопросом времени. Есть и другие существенные проблемы, которые возникают при обращении к «ВАКовским» изданиям. Это вопросы методологии. *Честно признаться, они всегда являлись неким подобием кукушонка в гнезде историка.* Теперь к ним придется обратиться в полной мере. И это начало происходить, но и сам поворот стал весьма парадоксальным и неоднозначным явлением. Научное сообщество уже начало реагировать на этот разворот в отношениях с журналами. Причем реакция оказалась двойкой. С одной стороны, ширятся ряды ученых, которые радостно восприняли эти изменения как призыв отказаться от работы в пыльных и некомфортных архивах и перейти к чисто умозрительным «открытиям» новых проблем, описание которых так легко осуществлять сидя дома у монитора. Такие статьи легко узнать по изобильным неуместным цитатам из зарубежных социологических и психологических трудов. В трудах по истории церкви зарубежных классиков легко заменяют цитаты из Евангелия. С другой стороны, сохраняется значительная часть научного сообщества, для которого изменения прошли незамеченными. Они продолжают напряженную работу в архивах, но результаты их изысканий все чаще остаются невостребованными. Вообще можно сказать, что историкам, равно как и многим другим гуманитариям, сегодня приходится осваивать те сферы познания и те науки, которые прежде никогда не являлись областью их профессиональных интересов. В особенности это касается социологии, психологии, культурологии. Множество журналов активно предлагают авторам публиковать статьи на стыке этих наук, поощряют интеграцию различных областей знания. Достичь такого объединения разных наук в одной несчастной голове остается необыкновенно сложной задачей, требующей упорного самообразования. Но если ВАКовские публикации действительно необходимы, то иного пути просто нет.

Период после первой публикации является столь же существенным и ответственным, как и время перед этим радостным событием. Среди редакторов изданий существуют разные представления о взаимоотношениях с теми, кто уже удостоился высокой чести и был представлен на страницах их издания. Крайне редко встречаются легкомысленные журналы, напоминающие особ, ориентированных на беспорядочные связи с максимально широким кругом озабоченных своей научной карьерой персон, извергающих научные теории при всяком удобном случае. В подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с редакциями, ценящими верность и с благодарностью принимающими новые статьи от тех, кто уже «отметился» на страницах их изданий. Иногда они даже поздравляют с праздниками, приглашают на конференции, включают в состав редколлегий, просят присылать отзывы о вышедших номерах журналов и т.п. Понятно, что такие отношения необходимо ценить. Для себя я выбрал иной сценарий

поведения: максимально число разных журналов. Однако такую рекомендацию я не могу дать своему читателю.

Грядущие изменения, или Мелодии волшебной дудки

Итак, мы наблюдаем феерическую картину. Толпа гуманитариев, зачарованная мелодией «E-library», с давно и напрочь *огугленными* (от слова google!) мозгами, как в известной сказке о Крысолове, движется в одном направлении. Напомним, о чем идет речь. По средневековым легендам, в небольшом немецком городке, в лето господне 1284, в день святых Иоанна и Павла, появился некий молодец лет 30, прекрасно одетый, так что очевидцы событий любовались им. С собой он имел серебряную дудку странного вида. И все дети, услышав ту дудку, числом около 130, последовали за ним вон из города, ушли и исчезли так, что никто не смог впоследствии узнать, уцелел ли хоть один из них. Современники задавались непростым вопросом: он безжалостно погубил их или, может быть, увел в лучший мир? Эта легенда вспоминается в связи с происходящими в науке явлениями. Примечательно, что научное сообщество явным образом, если не считать пары-тройки скандальных обсуждений на интернет-форумах, не высказывает протеста и лишь покорно строит предположения о том, когда же эта новая напасть исчезнет по велению свыше. А пока научная публика, как зачарованная, движется в одном направлении. Возникает неизбежный вопрос: в какую сторону будут развиваться события?

Попытаемся ответить. Она шагает, подобно зачарованным персонажам легенды, навстречу Смерти. Речь идет о новом печальном явлении, которое сегодня метко названо «смертью Автора». Любая высказанная в печати достойная и важная мысль немедленно становится широкодоступной узкому кругу заинтересованных лиц, неоднократно перерабатывается ими, вновь запускается в оборот, а затем подвергается новым метаморфозам. Таким образом, начинает в полную силу действовать коллективный разум Интернета, но об авторских правах в такой ситуации приходится напрочь забыть. Заметим, что это составная часть огромной проблемы защиты прав автора в научной и не только в научной сфере. С одной стороны, творцы всевозможных произведений и даже создатели всевозможной техники вполне обоснованно утверждают, что их права не защищены в должной мере, что лишает их стимула к продолжению изобретательства. С другой стороны, пиратство в интернете стало своего рода жизненным кредо для множества соотечественников и основательно представлено на глобальном уровне.

Например, в некоторых странах (преимущественно небогатых) существуют и пользуются вполне понятной широкой поддержкой населения партии электронных «пиратов»,

приносящих колоссальные убытки индустрии развлечений, но затрагивающих во время своих стремительных набегов и науку. Их главным требованием является сохранение преступного по своей сути статус-кво в сфере авторских прав. В научной гуманитарной сфере есть своя специфика. Например, в интернете и по электронной почте щедро распространяются призывы представить тексты для бесплатной публикации в виде монографий. В реальности такие книги издаются в одном-двух экземплярах, выдаваемых автору, а тексты выставляются для продажи в Интернете. В целом мы наблюдаем постепенно усиливающиеся и расширяющиеся потоки информации, обрушивающейся на индивида. Ее создатели и распространители предельно обезличены. Им нет дела до научной этики: обвинения в плагиате или распространении непроверенных данных для них пустой звук.

Итак, наигрывая на своей высокотехнологичной дудочке, Крысолов уводит нас в загадочные пространства Интернета. Общая тенденция уже очевидна: ситуация будет развиваться вполне логическим образом. Сначала сайты журналов, затем полнотекстовые версии статей, находящиеся в открытом доступе, а затем и полное исчезновение бумажных версий научных изданий. Этот процесс уже начался. В ближайшее время будет открыта дорога для ничем не ограниченной публикации работ, а создание трудов на бумаге будет восприниматься как что-то далекое и странное. Сегодня мы таким же образом с почтением и скрытой усмешкой рассматриваем древние берестяные грамоты. В конце концов проблема издания монографий просто исчезнет: все они, годами лежащие на полках, быстро найдут себе место на бескрайних и пока слабо освоенных Наукой просторах виртуального мира. Кроме того, в совсем недалеком будущем современные компьютерные программы будут доработаны таким образом, что исчезнет и необходимость использовать клавиатуру. Текст будет распознаваться и вводиться при помощи голосовых команд, что, конечно, резко увеличит производительность научного труда, но едва ли улучшит его качество.

Благодаря публикациям в «ВАКовских» изданиях усиливается и обретает новые черты еще одна негативная тенденция нашего времени. Речь идет о разобщении поколений, создавшемся в 1990-е гг. Система «ВАКовских» публикаций самым явным образом призвана усилить этот процесс и довести его до полного абсурда. Начнем с того, что по требованию ВАКа журналы не имеют права взимать плату с аспирантов. Это весьма нередко делается редакциями незаконным образом, на свой страх и риск. Для имеющих ученые степени представителей старшего поколения такого рода запреты не действуют и им иногда приходится платить за себя и «того парня». Но это лишь часть проблемы. Другая сторона — цитирование. Это еще одна выдумка, позаимствованная с Запада. Здесь есть два существенных момента. Во-первых, это изобретение явно не для

русского научного обихода. Здесь нужны совершенно иные деловые качества, сноровка и усидчивость, не присущие большинству соотечественников. Но и это не самая главная проблема. Поговорим о более существенных изменениях.

Восстание цифр, или Все-таки размер имеет значение

Давний спор о том, имеет ли значение размер или все дело в умелом применении, пора заканчивать. Сегодня принято считать, что современным миром управляют цифры. С этим утверждением трудно поспорить: любой представитель современного общества со всех сторон опутан явными и тайными цифровыми значениями, определяющими все важнейшие стороны его личной и общественной жизни и порождающими ассоциации с апокалипсическими пророчествами. Это всевозможные pin-коды, пароли, ИНН и номер страхового полиса. *В научной сфере произошло своеобразное восстание цифр.* Вместо удобного для индивида, потребителя услуг, способа управления электронными устройствами восставшие цифры определяют статус человека, научного учреждения, они словно карают и милуют по своему усмотрению. Иначе говоря, в системе учета публикаций этот элемент существования современного индивида доведен до своего логического завершения, то есть полного и неоспоримого абсурда.

Публикации в «ВАКовских» журналах создают почву для еще одного нового и пока не осмысленного антропологами явления: оценки результатов научной деятельности в количественных показателях. Здесь *число* журнальных публикаций занимает приоритетное место при оценке учреждения или отдельного индивида, вовлеченного судьбой в научное сообщество. Честно говоря, это одно из нелепейших изобретений нашего непредсказуемого времени. С таким же успехом можно отождествлять мужественность с размерами пениса. Это дает некоторые точные количественные критерии для сравнений, однако странно, унизительно и в конечном итоге всё же нецелесообразно. Кроме того, так возникает почва для манипуляций и нездоровой конкуренции. Заметим, что в такой обстановке количественные показатели (цитирование в том числе) должны стать объектом отстаивания со стороны руководства научных учреждений, тщательного контроля, взаимной поддержки. Негативных проявлений избежать не удастся. Вероятнее всего, вскоре сформируется коварный рынок цитирований, действующий по принципу: «Не заплатишь — не сошлюсь!». Надо постараться, чтобы он (порядок цитирования) приобрел облик, хотя бы отчасти напоминающий цивилизованные нормы поведения.

Но не стоит увлекаться обличением этого нового явления. Оно заставляет задуматься о том, как с ним ужиться и даже попытаться извлечь из него некоторую

пользу. Неспроста в определенных ситуациях остряки рекомендуют расслабиться и получать удовольствие. Сегодня уже появились публикации, авторы которых пытаются выявить тех исследователей, которые наиболее востребованы, чаще всех цитируются и, проще говоря, превратились во властителей дум современной гуманитарной науки. Здесь отмечаются интересные закономерности. Наиболее часто цитируются, заметно влияют на состояние российской науки так называемые провинциальные авторы, в числе которых первое место занимают ученые из Новосибирска. Решение проблемы цитирования скоро появится и будет, скорее всего, весьма разнообразным. Во-первых, сегодня часто приходится слышать, что к числу наиболее цитируемых будут отнесены наиболее абсурдные публикации, содержащие не только непроверенные, но и противоречащие здравому смыслу суждения. Понятно, что число критиков такого рода исследований окажется весьма значительным, что положительно скажется на количестве цитирований. Есть и другой путь, он значительно более трудоемкий, под силу не каждому, но он позволяет избежать ущерба для репутации с одновременным достижением искомой цели. Это несколько тем, которые исследователь может и должен разрабатывать одновременно. Понятно, что исследования по одной проблеме привлекут внимание ограниченного круга специалистов. Исследования, осуществленные одним автором по разным темам, станут объектом внимания разных групп ученых и породят больше цитирований. В конечном итоге количественные показатели *могут* повыситься, но у самого автора в такой ситуации возникает ощущение жонглера, одновременно подбрасывающего и ловящего множество *яиц*. Кстати, поговорим о них.

Яйца и Курицы: проблемы взаимоотношений

В настоящее время стремительно формируется общество, которое культурологи именуют «цивилизацией молодых». Ее суть заключается в том, что лучше адаптируются в жизни, чувствуют себя более уверенно те, кому сейчас 30-40 лет. Авторитет старшего поколения оказался сильно поколеблен происходящими изменениями. К нашей теме эта трагическая ситуация имеет самое прямое отношение. ВАКовский список в целом оказался мощным фактором, способствующим разобщению индивидов. В частности и в особенности это разобщение затронуло различные поколения ученых. Это тем более трагически выглядит в силу характерных черт развития российской науки на рубеже тысячелетий. В 1990-е гг. приток в научные учреждения оказался минимальным в силу низкой оплаты труда и по причине сомнений, существующих в значительной части общества в связи с перспективами выживания академической науки. Затем, в нулевые годы, наступил относительно долгий период относительного экономического

благополучия, который, как показывают современные события, угрожает закончиться. Возникла такая ситуация, при которой в научных учреждениях работают пенсионеры изрядного возраста, пришедшие в них еще в советское время и ставшие теперь незаменимыми работниками, и, с другой стороны, неопытная молодежь. При этом мы можем с горечью наблюдать, как вполне понятное добросовестное желание старших обучить младшее поколение уму-разуму, так и нежелание приходящих им на смену специалистов считаться с этим опытом. Но при этом все они должны адаптироваться к новым условиям господства Списка и используют для этого свои собственные пути выживания в новых условиях.

Здесь есть повод для раздумий. По-прежнему остается значительной и незыблемой в своем поведении та часть ученых (в основном старшего поколения), которая считает, что ничего особенного не происходит, и продолжает вести научную деятельность таким образом, как она сложилась в советское время. В этом поведении нет ничего дурного: советская наука запомнилась миру как одна из наиболее передовых. Но вот именно для публикаций в ВАКовских журналах такой стиль поведения равносителен самоустранению (чтобы не использовать более резкое слово). Другая прослойка состоит из учеников старшего поколения, которые относятся к своим наставникам критически (иногда, по молодости, даже излишне). Между тем разница между первыми и вторыми заключается в лексике. Там, где старшие привыкли изъясняться с использованием привычного им словаря, молодежь переходит на отвратительный научный новояз. Такие попытки отнюдь не лишены смысла. Она позволят мимикрировать и стать своими («как бы, типа свои») в столичных научных сообществах, что иногда очень существенно облегчает путь к ВАКовским публикациям. Третья группа ученых крайне невелика и присутствует преимущественно в столичных городах. Они регулярно общаются с зарубежными коллегами, формируют столичную научную среду и состоят в редколлегиях журналов (а также сами в них печатаются, в том числе и в тех, которые остаются недоступными простым смертным).

Вместо заключения: мои рекомендации

Первая и самая главная рекомендация очень проста: не живите в мире, которого нет. Девятнадцатый век, как и XX, к большому сожалению, прошли, наступил XXI. Из этого печального обстоятельства приходится сделать ряд неизбежных выводов. *Вторая* рекомендация заключается во внимательном чтении того издания, в которое направляется статья. Каждое из них имеет свою специфику, игнорирование которой сделает все ваши усилия абсолютно бессмысленными. *В-третьих*, очень важна мотивация. Хорошо, если

это высокие побуждения: сделать известными публике малоизученные факты и скрытые от глаз непосвященных проблемы. Если такого рода аргументы для вас не имеют значения, то очень полезно задуматься о сохранении учреждения, где вы ныне работаете и получении премий за успехи в научной деятельности. *В-четвертых*, очень важен постоянный поиск и коллекционирование сведений о журналах, в которых можно, а значит необходимо поместить статьи. Это должен быть постоянный процесс, поскольку требования журналов все время меняются, появляются новые издания, старые перестают быть доступными (иногда приходится слышать вопрос: «Ведь вы у нас уже печатались?»).

ЭССЕИСТИКА

Г.С. Смирнов

ДЕКАБРИСТЫ 21 ВЕКА: КРИЗИС БИНАРНОГО БОНАПАРТИЗМА В РОССИИ

В декабре 1825 года на Сенатскую площадь вышли полки, порожденные «духом 12 года», военный поход в Европу многому научил российское общество, и оно было готово сделать рывок для нового этапа пропетровских преобразований страны. Однако, метаистория распорядилась иначе — Россию подморозили, чтобы через век энергия «задавленных и рассерженных» оказалась подобной ростку, пробивающему асфальт.

Опыт исторического развития России показывает, что нельзя управлять людской энергией, постоянно придавливая камнями крышку кастрюли с кипящей водой. Новые российские бояре и дворяне, к сожалению, плохо помнят русскую историю, может быть, и не учили ее, а только слышали обрывки исторических анекдотов. Богатство и слава лишают значительную часть эго-элиты российского правящего класса здравого смысла, тем более что они утилитарно учли опыт прошлого — свои деньги они хранят в зарубежных банках, а их дети (главное вложение капитала) учатся в элитных зарубежных университетах. Никогда Россией не управляла элита, даже будучи инородной, которая *не связывает* свои интересы со страной, которой правит. Сейчас, фактически, имеет место именно такое положение.

Весьма характерно, что всероссийский поход крупных и мелких челноков в Европу через двадцать лет закончился тем же, чем закончился он после похода российских войск в наполеоновскую Европу — выходом на площадь, на сей раз на Болотную, а не на Сенатскую. Что обозначает для современной России *движение декабристов* и не грозит ли после его подавления стране новая николаевская эпоха? Наступает ли кризис современного цезаризма в России?

Известно, что аналогии всегда хромают, но они очень часто позволяют достаточно точно передать главную мысль: на Болотную площадь вышел не «офисный планктон», на нее вышли солдаты нового информационного общества, хотя конечно вывели их люди, с большими чинами и званиями. В современной медвежьей России мелкие и средние интеллигентские зверушки не имеют никакого голоса, даже если в журналах тиражом в

100 экз. на серой бумаге озвучивают свои нетленные мысли: в провинциальном обществе информационное торможение значительно более сильно, нежели на московском и питерском серверах современной глобальной жизни. На Болотной площади квакали лягушки, которые высказывали свое недовольство, боясь за свою собственную судьбу в обществе, где беспрецедентно нарастает всеобщая социальная ненависть народа к власти, где растет возмущение разнообразными формами «мигалок» и «подмигиваний». Нынешнее российское общество, похоже, больше живет при феодальном строе — не только исполняя барщину, но и выплачивая немалый оброк. Олигархический коммунизм, который устроили для себя бывшие партocrats, очевидно закономерное продолжение пресловутого «развитого социализма», при котором «на блаженном острове коммунизма» положено было жить особо избранным.

Кулацкий (в прямом и переносном смысле) капитализм Ельцина, богатея, постепенно превратился в антинародный олигархический империализм, и тем самым обнаружил всеобщий *кризис современного (бинарного) бонапартизма* в России. Нельзя сидеть одновременно в богатом золоченом кресле богача-госолигарха и на нестроганной табуретке бедняка-плебса, нельзя играть одновременно в двое ворот — такой вывод, как думается, следует из матчей в фут-бол на Бол-от-ной площади, которые больше похожи на «стояние на Угре». Перед будущей российской властью, которая по своей природе всегда носит бонапартистский характер (ибо всегда обречена лавировать между Сциллой и Харибдой) встает сложная теоретическая и практическая проблема — совершенствования бонапартизма в условиях разоренной, разворванной и разорванной России. В чем истоки будущего коэволюционного бонапартизма в России? Прежде всего, в переносе акцента с армии на народ. К сожалению, нынешняя власть все сделала для того, чтобы оттолкнуть от себя торговый и интеллектуальный пролетариат, которому, как оказалось, уже «нечего терять кроме своих собственных цепей». В обществе нарождающейся компьютерно-информационной власти социальных сетей невозможной оказывается прежняя лицемерно-притворная ложь закрытой бюрократии: блеск функционирования единоклассниковской партии убедительно показал нищету ее народного доверия. В России проявила себя очень конструктивно и *лояльно* новая *информационная демократия*, с которой уже не смогут не считаться даже самые высокие представители власти. Не будет преувеличением сказать, что эта новая форма демократии носит ярко выраженный советский характер, советской не в том ироническом смысле, который обычно используется в придворно-либеральной печати, а в точном значении этого слова — совместном советовании значительной части людей по поводу того как жить дальше не в «этой», а в «своей» стране.

Советская информационная демократия для России (с ее большими просторами и многообразием способов сосуществования) может оказаться весьма продуктивной формой народно-виртуальной власти, на которую может реально опираться новый российский бонапартизм, пока в России не завершится переходный период к рационально-ноосферному обществу, в котором общее благо и личное благо найдут наконец-то свое гармоническое сосуществование.

Февраль 2012 Иваново-Вознесенск

Д.В. Маслов

REINVENTING THE CITY

ИЛИ ИВАНОВО - МОЛОДЕЖНАЯ СТОЛИЦА ЕВРОПЫ

Что такое МСЕ?

Молодежная столица Европы (European Youth Capital, далее МСЕ) — это статус, который присуждается европейскому городу по результатам открытого конкурса сроком на один год, в течение которого город получает шанс продемонстрировать свою приверженность современной молодежной культуре, лучшие практики по развитию социальной, экономической, политической активности молодежи. Европейская столица реализует новые идеи, инновационные проекты с участием молодежи и становится ролевой моделью для дальнейшего развития других европейских городов [1].

В течение двенадцати месяцев город воплощает в жизнь обширную молодежную программу с привлечением лучших специалистов международного уровня, становится центром по созданию и реализации новых идей во всех сферах городской жизни.

Одной из главных целей конкурса «Молодежная столица Европы» является усиление взаимодействия местных сообществ с европейскими институтами через развитие молодежной инициативы, как в локальных проектах, так и в мероприятиях европейского уровня.

Борьба европейских городов за право стать столицей для европейской молодежи способствует появлению новых идей и инновационных проектов, связанных с активным

участием молодых людей в жизни общества. Город-кандидат стремится стать образцом для подражания и дальнейшего развития других европейских муниципалитетов.

Статус Молодежной столицы Европы дает возможность местным молодежным сообществам ощутить свою причастность к принятию решений в масштабе страны и Европы, приобрести новые знания, навыки и международный опыт. Город-кандидат развивает международное сотрудничество и привлекает партнеров/инвесторов для развития своей инфраструктуры.

Свежие идеи молодежи, возникшие в процесс подготовки заявки, помогают руководству города взглянуть на местные проблемы под другим углом и получить современные подходы к решению проблем муниципалитета, региона, страны, Европы.

Первой Молодежной столицей Европы в 2009 году стал голландский Роттердам, в 2010 году столицей был выбран итальянский Турин, в 2011-м — бельгийский Антверпен, в 2012-м — португальская Брага. Столица 2013 года — словенский Марибор, в 2014 году статус МСЕ перейдет к греческим Салоникам.

Вот наиболее значимые, на наш взгляд, преимущества, которые получает город, ставший Молодежной столицей Европы:

1. **Общеввропейский масштаб:** статус столицы позволяет показать свои достижения в сфере молодежной политики всем странам Европы. Общественное признание сопровождается широким освещением молодежных мероприятий в европейских СМИ, что позитивно отражается на репутации и имидже города и развитии различных сфер, например туризма.

2. **Региональное воздействие:** идеи, проекты, программы, появившиеся в ходе заявочной кампании, подготовительного периода и непосредственно года, в течение которого город будет иметь статус молодежной столицы, будут стимулировать молодежную жизнь муниципалитета и соседних регионов.

3. **Инвестиционный климат:** процесс поиска партнеров, доноров, дополнительных источников финансирования для реализации различных проектов, не только в молодежной сфере, становится значительно легче.

Как это происходит?

Организатором конкурса выступает Европейский молодежный форум (European Youth Forum) — это независимая демократическая платформа, управляемая молодежью, представляющая 99 национальных и интернациональных советов молодежи всей Европы [2]. Форум занимается развитием способностей молодежи, укреплением ее активной жизненной позиции, улучшением условий жизни, защищает интересы молодых

европейцев, взаимодействуя с Советом Европы, Европейской комиссией, Организацией Объединенных Наций. Российскую Федерацию в Европейском молодежном форуме представляет Национальный Совет молодежных и детских объединений России. Для городов, желающих побороться за статус молодежной столицы Европы, обозначены следующие условия:

1. Город-кандидат должен представлять одно из государств — членов Совета Европы.

2. Заявка должна быть инициирована и подана от имени высшего руководства города и поддержана представительной властью города.

3. Заявитель обязан продемонстрировать высокую мотивацию, желание активно заниматься молодежной политикой и реализовывать молодежные проекты.

4. Выдвигаемая на конкурс программа должна включать в себя хотя бы по одному мероприятию в каждой из следующих сфер:

- активное участие молодежи в жизни общества;
- развитие молодежной культуры;
- возможности неформального обучения / или диалог поколений;
- новые или инновационные подходы к трудоустройству молодежи;
- мультикультурализм или интеграция;
- международное сотрудничество молодежи.

5. При разработке программы года европейской столицы следует указать предполагаемый вклад города-кандидата в развитие европейских ценностей, уделив особое внимание выгодам для страны и региона заявителя в случае получения им права стать Молодежной столицей Европы.

6. Необходимо продемонстрировать активное вовлечение молодежи в планирование и проведение мероприятий, поощрять инициирование собственных проектов в рамках конкурса.

Конкурс на получение статуса МСЕ проводится в несколько этапов. Сначала объявляется заявочная кампания. Обычно это происходит в ноябре. Затем в период до мая она проходит. В течение мая-июня формируется так называемый short-list финалистов конкурса. Затем проходит финальный тур (июнь – октябрь), в октябре жюри конкурса принимает решение, а в ноябре объявляются победители.

Почему не получилось?

В 2011 году городу Иваново впервые за многие годы удалось громко заявить о себе на международной арене, претендуя на право стать Молодежной столицей Европы (МСЕ)

2014 года. Оставив позади серьезных конкурентов, в числе которых российская Пермь и испанская Барселона, город в финальном голосовании уступил греческим Салоникам, для которых это была уже третья попытка завоевать титул. Проведя работу над ошибками, греческие Салоники представили, по мнению Президента Европейского Молодежного Форума П. Матяшека «самую сильную программу, полную творческих идей и разработанную, несомненно, молодыми людьми» [3]. Тем не менее по словам того же Матяшека Салоникам «необходимо основательно подготовиться и сделать упор на поддержку молодежи и молодежных организаций» [3], чего по всей вероятности еще сделано не было. Подобная формулировка наводит на мысли о том, что присвоение статуса МСЕ на 2014 год оказалось слегка политизированным. Такие объективные факторы как финансовый кризис в Греции и нарастающее социальное противоречие в этой стране, низкая поддержка молодежных инициатив – все это должно было привести к иному исходу конкурса. Однако с перевесом всего в один голос Салоники одержали победу, оставив позади Иваново. Вероятность того, что на финал конкурса повлиял и европейский статус Греции в 2014 году, достаточно велика. Дело в том, в 2014 году политический центр Европы плавно переместится на побережье Адриатического моря, с 1 января по 30 июня председательствовать в Евросоюзе будет Греция, а с 1 июля по 31 декабря Италия. А, возможно, молодежное сообщество ЕС пока не готово к смене европейского вектора конкурса на евразийский. Именно поэтому заявочная команда из Иваново ставит перед собой цель сформировать у молодежи европейских стран новое позитивное представление о Российской Федерации, как об открытом, свободном государстве с современными городами, образованными, культурными людьми, приверженными европейским демократическим и социальным ценностям, обладающими высоким

Идеология проекта

Борьба за право стать Молодежной столицей Европы 2014 года – своего рода «олимпийская» кампания для Иваново. Значительные успехи в развитии молодежной политики города Иваново необходимо закрепить на национальном и международном уровне, чтобы сформировать новый имидж города и региона, как прогрессивного инновационного молодежного центра России.

Идея участия Иваново в борьбе за титул «Молодежная столица Европы 2014» возникла непосредственно в молодежной среде, молодые люди Ивановской области сами готовили заявку и проводили кампанию при всей необходимой, прежде всего документационной, поддержке со стороны региональных и муниципальных властей.

Активная позиция ивановской молодежи, желание участвовать в жизни города и вносить вклад в развитие региона, свежий позитивный взгляд на наше богатое историческое и культурное наследие, а также творческий подход при подготовке программы Молодежной столицы Европы 2014 года помогли получить заявке города Иванова высокую оценку жюри Европейского молодежного форума.

Заявочная кампания «Иваново – МСЕ 2014» проходила под девизом «RU 4 U» (Россия для тебя) и, отвечая на современные вызовы для европейской молодежи, делала акцент на роль молодежи в развитии современных городов: Youth 4 Reinventing the City (Молодежь преобразует город).

Победа в конкурсе МСЕ предполагает, что мобилизационной идеей для всех жителей Иванова и области на ближайшие годы станет преобразование города из исторически сложившегося индустриального «текстильного цеха» страны в молодежную столицу России и Европы, современный многофункциональный центр инновационной деятельности, город возможностей для молодых людей в национальном и мировом масштабе.

Однако, участвуя в подобных мероприятиях малые города Европы, всегда преследуют весьма прагматическую цель – получение дополнительного финансирования социально-значимых проектов. Безусловно, подобную цель преследует в перспективе и Иваново. Дело здесь не только в бренде, но в финансовой поддержке со стороны федерального центра. По словам губернатора региона М. Меня, на период заявочной кампании городу нужна только организационная поддержка, но в перспективе Иваново надеется получить и дополнительное финансирование [4]. Вице-премьер В. Сурков в разговоре с губернатором М. Менем отметил, что он поручил «четырем министерствам — Минспорттуризма, Минэкономразвития, Минфину и МИДу. Однако до подведения итогов конкурса Иваново федеральных денег не получит» [4].

Статус Молодежной столицы Европы позволил бы городу Иваново стать ролевой моделью для российских и европейских городов, готовых использовать энергию молодых для преобразования своих местных сообществ, отвечая на следующие вызовы:

- переосмысление роль молодежи в процессах развития общества в глобальном и локальном масштабе, в том числе при построении «умной» экономики;
- создание действенных механизмов участия молодых людей в создании значимых ценностей для города;
- формирование социальной, институциональной и правовой инфраструктуры для участия молодых в управлении местными сообществами;
- вклад молодежи в реализацию стратегий социально-экономического развития городов и участие в урбанистическом планировании территорий.

Оргкомитетом «Иваново-МСЕ 2014» была подготовлена подробная заявка, которая включала в себя и программу проведения года. Программа «Иваново – МСЕ 2014» формировалась на основе тесного диалога с молодежью и с учетом приоритетных направлений Совета Европы по развитию молодежной политики до 2012 года, стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года и стратегии развития городского округа Иваново до 2020 года.

Предлагаемые мероприятия явились результатом обсуждения молодежной общественности (неправительственными молодежными объединениями и организациями, молодежными совещательными органами, государственными и муниципальными молодежными структурами города и региона) идеи участия Иванова в конкурсе «МСЕ 2014». По каждому из приоритетных направлений молодежной политики Европы в заявке были предложены мероприятия, основанные на лучших практиках ивановской области.

Что дальше?

Статус финалиста «Молодежной столицы Европы» — это серьезный уровень европейского доверия, который явился катализатором социальной и экономической активности в регионе, послужил толчком для развития молодежных инициатив и международных отношений. Город доказал, в первую очередь внутри страны, что может успешно выступать на международной арене, самостоятельно искать и развивать возможности международного сотрудничества, предлагать свой успешный опыт, применять лучшие практики других стран в сферах молодежной политики, культуры, образования и науки, спорта и туризма.

Проект МСЕ вынес на повестку дня нескольких последующих лет две взаимосвязанные темы: ребрендинг и международные отношения.

1. Ребрендинг. Формирование нового бренда города и региона

Бренд города или региона «является важнейшим инструментом реализации стратегии развития региона, позволяющим обеспечить вовлеченность основных целевых аудиторий в процесс внедрения целевых программ развития. Сегодня теоретики маркетинга туризма часто рассматривают определенные населенные пункты как товар, который с тем или иным успехом предлагается потребителю» [5, с. 55 – 54]. Иваново, один из немногих российских городов, который может похвастаться внушительным количеством брендов: город невест, текстильная столица, Родина первого Совета. Но сегодня город перестал «продаваться», бренды практически не работают, зачастую тянут назад. По мнению С. Анхолта, авторитетного специалиста в области территориального брендинга, «многие территории оказываются в невыгодном положении, потому, что их имидж является

устаревшим, незаслуженным, неверно сфокусированным или стереотипно воспринимаемым» [6, с. 289]. Иваново в этом плане не исключение. Городу, да и региону необходимо переосмыслить имеющиеся бренды, разработать механизмы их капитализации, понять, каким можно увидеть Иваново будущего.

Полагаем, что успешные города будущего – это не индустриальные центры с тяжелым промышленным производством и плохой экологией, а интеллектуальные центры с умной экономикой и высоким качеством жизни. Проект «Молодежная столица Европы» позволит сфокусировать внимание и России, и Европы на том, что Иваново – это молодежный и студенческий центр, а значит город с богатым интеллектуальным потенциалом, город, где воспроизводится человеческий капитал, город возможностей, где рождаются и развиваются новые смелые идеи и проекты. По концентрации талантливой молодежи город традиционно на ведущих позициях в России, необходимо более активно использовать этот ресурс на благо региона. Новым брендом Иванова может стать «город молодых, успешных людей». Иваново будущего — это город, из которого не стремятся уехать, а город, в который хотят приезжать, жить и работать.

Если говорить в целом об Ивановской области, то брендинг территорий должно стать основой развития туристического потенциала региона. Причем разнообразие его культурного и исторического наследия не требует создания новых брендов, а позволяет капитализировать уже имеющиеся. Здесь важно искать нестандартные и эффективные пути. Так, в программе мероприятий МСЕ был предложен проект «Золотое кольцо 2.0», в рамках которого для ведущих блогеров России и Европы организуется этнографическая экспедиция по Ивановской области. Участники, используя социальные сети, будут открывать для многотысячной аудитории своих подписчиков красоты Ивановского края. Простой и малозатратный проект с видимым результатом и осязаемым эффектом.

Следует отметить, что любой проект по развитию брендов города и региона должен рассматриваться в формате бизнес-модели. Бренд должен быть рентабельным, иначе просто нет смысла его развивать. В этом плане концептуальная особенность бренда Иваново — молодежная столица Европы может быть отнесена по типологии Е. М. Петровой к так называемым «городам на продажу» [7, с. 70]. В рамках такого брендового позиционирования происходит не только «продажа» территории потребителям – туристам, инвесторам, собственным жителям, но и создаются условия, при которых «не города гоняются за успешными компаниями, а компании борются за право работать в удобных городах» [8].

2. Активизация международного сотрудничества Ивановской области

Участие города Иванова в конкурсе «Молодежная столица Европы» в очередной раз показывает, что признание за рубежом — это один из наиболее эффективных путей получить признание в России.

Статус финалиста МСЕ — это, несомненно, высокий уровень европейского признания, это та «одежка», по которой Европа «сегодня встречает» Иваново и рассматривает в качестве серьезного партнера. По своей сути, проект «Молодежная столица Европы» должен подтолкнуть регион к перезагрузке международных отношений. Последние годы международное направление в структуре областного правительства практически отсутствует, функции по международным связям переданы представительству в Москве. Вместе с тем, уже сегодня назрела необходимость инвентаризировать зарубежные контакты, которые есть у предприятий и организаций Иванова и области. Предприниматели, спортсмены, деятели культуры, ученые, студенты, депутаты, государственные служащие, взаимодействуя с иностранными партнерами, автоматически становятся региона за рубежом. Каждый международный контакт можно использовать на благо Ивановской области, каждый международный проект повышает интерес к региону, как и за пределами и внутри страны.

В рамках подготовки программы МСЕ возникла идея создания в Иванове российского, а может, и международного молодежного форума, как постоянно действующего ресурсного конференц-центра, многофункционального кампуса для молодых людей из России и со всего мира. Молодежный форум мог бы стать открытой площадкой для обсуждения, решения актуальных проблем, обучения, подготовки и реализации совместных проектов.

Системное развитие международного сотрудничества Иванова и Ивановской области может вестись по следующим направлениям:

- участие в проектах под эгидой ООН, Всемирного банка и других глобальных институтов,
- развитие международных туристических продуктов и брендов Ивановской области,
- содействие международной мобильности и обменам в сфере образования и науки,
- организация сетевого взаимодействия с зарубежными регионами для поиска и обмена лучшими практиками в экономической, социальной и других сферах,
- поиск и привлечение иностранных партнеров для реализации инновационных, в том числе инвестиционных, проектов на территории города и области.

В заключение, следует отметить, что Иваново стал, по сути, одним из флагманов молодежной политики в России. Городу важно не упустить и грамотно использовать появившиеся возможности для устойчивого социально-экономического развития города и региона.

На данном этапе руководство Иванова и Ивановской области совместно с молодежью приняло решение бороться за право стать Молодежной столицей Европы 2015 года. Инициативу города и региона поддержали премьер-министр и президент Российской Федерации, а это должно помочь в продолжении победной линии России на международной арене: 2013 – Универсиада в Казани; 2014 – Олимпийские игры в Сочи; 2015 – Молодежная столица Европы в Иванове.

Список литературы и источников

1. About the EYS. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.youthforum.org/CAPITAL/index.php?option=com_content&view=article&id=63&Itemid=68 (дата обращения 30.01.2012)
2. European Youth Forum. [Электронный ресурс]. — Режим <http://www.youthforum.org/> (дата обращения 31.01.2012)
3. European Youth Capital 2014: Thessaloniki awarded! [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.youthforum.org/index.php?option=com_content&view=article&id=1140%3Aeuropean-youth-capital-2014-thessaloniki-awarded-&catid=25%3Anews&Itemid=100&lang=en (дата обращения 31.01.2012)
4. Сурков поможет Иваново стать молодежной столицей Европы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/513409> (дата обращения 01.02.2012)
5. Климанов С. В. Брендинг и его влияние на региональное развитие // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 1. С. 52—57.
6. Бренды и брендинг. — М: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. — 348 с.
7. Петрова Е. М. Маркетинговые инструменты в управлении социально-экономическим развитием // Terra economicus. 2010. Т. 8. № 4, часть 3.
8. Флорида Р. Креативный класс. — М.: Классика—XXI век, 2005. — 432 с.

АНОНСЫ, РЕЦЕНЗИИ

НЕИЗРЕЧЕННОЕ СЛОВО

(Неизреченное слово: (мемориальный сборник, посвященный профессору Александру Николаевичу ПОРТНОВУ). — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012)

В апреле 2012 года в издательстве «Ивановский государственный университет» выйдет в свет мемориальный сборник статей «Неизречённое слово», посвященный профессору Александру Николаевичу Портнову. Составители предоставили возможность познакомиться с предисловием к этому изданию.

Книга, которую Вы, дорогой читатель, держите в руках, посвящена профессору Александру Николаевичу Портнову — ученому-философу, в течение двух десятилетий в значительной степени определявшему логику и стратегию развития философской жизни ивановского региона. Профессор А. Н. Портнов (1947—2010) являлся заведующим кафедрой философии Ивановского государственного университета (1991—2010), членом Ученого совета ИвГУ, Председателем докторского диссертационного совета по философским наукам (1999—2010), Председателем Ивановского отделения Российского философского общества (2004—2010), кроме этого был членом диссертационного совета по филологическим наукам, преподавал в ИГХТУ, ИГЭУ, в других ивановских вузах.

К. Н. П. Антонову в аспирантуру А. Н. Портнов пришел выпускником факультета романо-германской филологии, сам выбрал главное направление своих исследовательских интересов — философию языка и сознания. Его кандидатская диссертация «Роль языка в познании и осознании действительности» (Горький, 1980) переросла в исследования, завершившиеся написанием докторской диссертации «Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX—XX веков: методологический анализ основных направлений исследования» (Иваново, 1997).

Позднее А. Н. Портнов обратился к антропологической философии, главным образом — к немецкой. Переводы с немецкого трудов А. Гелена, М. Бубера, М. Хайдеггера, опубликованные в журнале «Личность. Культура. Общество», еще более укрепили высокий научный авторитет профессора А. Н. Портнова в отечественном и зарубежном философском сообществе, который сложился после выхода монографии

«Язык и сознание: основные парадигмы изучения проблемы в философии XIX—XX вв.» (Иваново, 1994).

Профессор А. Н. Портнов подготовил для ивановских и других российских вузов значительное количество докторов и кандидатов философских наук. Для него как научного руководителя были характерны, с одной стороны, внимание к интересам своих подопечных, а с другой, — строгость в выполнении ими требований этоса философской науки.

Как заведующий кафедрой — почти два десятилетия — А. Н. Портнов проявлял качества, дающие возможность своим сотрудникам плодотворно работать над образовательными и научными проблемами. Такой подход создавал на кафедре атмосферу, способствующую профессиональному росту каждого преподавателя. Кафедра не имела возможности приобретать достаточное количество новой литературы, но на столе заведующего всегда лежали стопки новых книг и ксероксы статей, по которым можно было ориентироваться в основных направлениях развития той сферы науки, которой он занимался. Стремление к знакомству с творчеством отечественных и зарубежных ученых-энциклопедистов для А. Н. Портнова было приоритетным.

Самой замечательной чертой Портнова-ученого была интеллектуальная щедрость, он умел в долгих беседах со своими подопечными протестировать и интеллектуальные возможности, и человеческие качества, и найти адекватные способы научного руководства, подсказать пути возможных решений. По этой причине результативность в подготовке научных кадров была достаточно высокой. Вообще, антропологическая и личностная направленность в коммуникации была для А. Н. Портнова доминирующей, он мог часами разговаривать по телефону, одновременно находясь в интернете и делаясь какими-то интересными сюжетами.

Думается, что, работая на стыках философии языка и сознания, семиотики и лингвистики, философской антропологии и этологии, А. Н. Портнов открывал для себя новую область знаний, которую можно было бы назвать *«антропологическая семиотика»*. Личностная антропологическая семиотика проявлялась в невероятной наблюдательности, он подмечал мельчайшие особенности в поведении или высказываниях собеседника, что делало его похожим на врача или следователя. Эти профессиональные качества, как и лингвистические наклонности, достались Александру Николаевичу от отца (известного в области прокурора), а он в свою очередь передал их по наследству сыновьям — оба стали юристами...

В юности А. Н. Портнов занимался спортом — тяжелой атлетикой, что позволяло ему выполнять огромный объем работы и одновременно задавало состязательность в

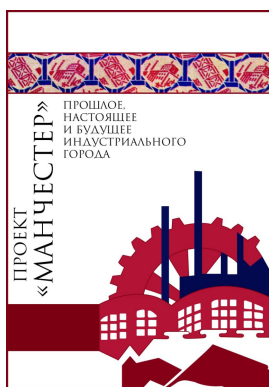
достижении определенных на перспективу целей, будь то получение грантов или достижение высоких результатов рейтинга кафедры.

В интеллектуальной (ноосферной) истории университета заведующие кафедрами выполняют особую миссию, их трудами формируется преемственность, без которой не существует жизнь научной школы и научной традиции. Профессор А. Н. Портнов вывел деятельность ивановской философской школы, у истоков которой стоял его учитель Н. П. Антонов, на новый уровень. К сожалению, многие задумки А. Н. Портнова в области философских исследований оказались нереализованными, но его «неизреченное слово» и сейчас заставляет думать над трудными вопросами его аспирантов и докторантов.

В сборник, посвященный памяти Александра Николаевича Портнова, вошли все научные статьи и воспоминания, которые поступили в редколлегию. Каждый из авторов внес свою лепту в создание коллективного образа ученого и человека.

ПРОЕКТ «МАНЧЕСТЕР»

(Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города: Сборник статей / Под ред. М.Ю. Тимофеева. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2012)

В мае 2012 года в издательстве «Ивановский государственный университет» выходит сборник статей «Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города» под редакцией М.Ю. Тимофеева. Представляем вам предисловие к этому изданию.

Идея обсуждения учёными разных специальностей проблем индустриального города возникла весной 2009 года. Профессор университета города Тампере А. Розенхольм, принимавшая участие в научной конференции в Иваново, предположила, что текстильное прошлое финского и русского Манчестеров – тема, достойная внимания исследователей в области урбанистики, истории, краеведения, географии, культурологии, социологии, психологии и литературоведения.

В мае 2011 года совместными усилиями кафедры философии Ивановского государственного университета и гуманитарного факультета Ивановского

государственного химико-технологического университета удалось провести международный научный семинар «Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города». Былая текстильная специализация Манчестеров разных стран (польский Лодзь, финский Тампере, немецкий Хемниц и российский Иваново-Вознесенск) могла бы стать самодостаточной для размышлений о судьбе моноиндустриальных городов. Однако во время подготовки семинара, отталкиваясь от близкого организаторам образа Манчестера, была заявлена широкая тематика, включающая проблемы трансформации индустриального ландшафта, семиотики урбанистических брендов, исторического анализа отечественной модели индустриализации как коммунистического проекта и исследования индустриальных пространств как объекта искусства. К участию в семинаре удалось привлечь внимание историков, краеведов, географов, культурологов, философов, психологов и литературоведов. К сожалению, не все принявшие участие в работе семинара смогли написать тексты на основе своих докладов. Но даже в достаточно камерном виде сборник затрагивает широкий спектр тем, связанных с осмыслением трансформаций городской среды и урбанистических пространств.

Сборник открывают статьи, посвященные истории фабричных городов. А. В. Степанов проанализировал сценарии возвышения трех российских текстильных центров (Лодзи, Таммерфорса/Тампере и Иваново-Вознесенска) в конце 19 – начале 20 веков. Кроме явного сходства автор обращает внимание и на существенную разницу в концепции городского развития, которая включала строительство современного жилья, школ, систем водоснабжения, торговых предприятий, общественного транспорта и т.п. В статье дана попытка объяснения того, почему в этих сферах городской жизни Иваново-Вознесенск заметно отставал от Тампере и Лодзи.

В статье с почти песенным названием «За фабричной заставой: Тампере как Манчестер» И. Л. Савкина не только рассказывает о формировании финского центра текстильной промышленности, об индустриальной и революционной истории города и его месте в финской культуре, но и о тех преобразованиях в городской среде, которые произошли после кризиса в текстильной отрасли. Кроме этого креативный потенциал города показан на примере современного использования бренда «Манчестер»/«Мансе». Бренды города Иванова как русского и красного Манчестера анализируются в статье М. Ю. Тимофеева с позиции возможного их использования в рамках формирования городской идентичности. Автор рассматривает потенциал этих брендов и применительно к развитию индустриального туризма в городе и регионе, сопоставляя Иваново с Лодзью и Тампере, где накоплен большой опыт сохранения и эксплуатации промышленного наследия.

Взаимодействие городского пространства с окружающей природной средой для развития индивидуального и коллективного разума – тема статьи Г. С. Смирнова, посвященной ноосферной урбанистике. С точки зрения философа ноосферная среда иваново-вознесенского пространства сложилась вокруг двух видов промышленно-культурного пространства – промышленного Вознесенского посада и усадебного села Иваново. Складывавшийся десятилетиями баланс, иронично названный автором «Манчестер Юнайтед», в советское и особенно в постсоветское время был нарушен, о чем свидетельствует дисгармоничный облик современного городского ландшафта.

Темы антропологического диссонанса и аномальности ивановского пространства в Верхневолжском регионе стали предметом рассмотрения авторов двух следующих статей сборника. М. Б. Клейман с позиций психолога попытался разобраться в уникальности социокультурных метаморфоз, произошедших за столетнюю историю существования города Иванова (Иваново-Вознесенска). Он отмечает, что урбанистические процессы протекали в городе совершенно иным образом, чем в старых губернских центрах. Особое внимание уделено анализу формирования социально-психологического климата Иванова и критериев успешности личности, зафиксированных в установках горожан.

В полемической статье об «ивановских колхозниках» историки С. М. Усманов и В. Л. Чернопёров поднимают проблему формирования городской идентичности в ивановском регионе и его административном центре. Уникальность Иваново-Вознесенска, по мнению авторов, заключается в том, что процесс урбанизации проходил в нем в ускоренном режиме. Индустриальный подъем опередил формирование городской мещанской среды. В молодом городе не было потомственного купечества и дворянства, которые во Владимире, Костроме и Ярославле выполняли роль морального авторитета, стержня. Стекавшиеся на заработки в Иваново-Вознесенск люмпенизированные крестьянские массы не имели ни образцов для подражания, ни условий для адаптации к новым условиям жизни. Это обстоятельство, по мнению авторов, до настоящего времени формирует габитус ивановского человека.

Две статьи сборника посвящены анализу визуального аспекта репрезентаций текстильного города и региона. Свое обращение к рассмотрению образа промышленного города в палехской лаковой миниатюре 1920-1930-х годов Л. А. Кривцова сопровождает репликой о том, что даже традиционное искусство того времени нельзя представить без пафоса индустриализации и социалистической реконструкции. На основе большого материала она попыталась ответить на вопросы о том, в какой степени искусство Палеха было включено в систему художественной интерпретации этих событий и как повлияло близкое соседство Иваново-Вознесенска — третьей пролетарской столицы на живопись палешан.

Следующая статья сборника посвящена анализу воздействия на горожан различных форм изобразительного искусства в этот исторический период. Кроме художественных образов, транслируемых в местной периодической печати Иваново-Вознесенска/Иванова, А. С. Петрова исследует и специфический для региона вид искусства – агитационные ткани.

За время существования Иваново-Вознесенска/Иванова в нем выросло несколько поколений поэтов, с разной степенью таланта воспроизводивших индустриальный миф города. Это А. Ноздрин, Е. Вихрев, А. Благов, Д. Семеновский, А. Баркова. В своей статье Л. А. Таганов обращает внимание на то, что «красный миф» о русском Манчестере постепенно все в большей и большей степени приобретает характер идеологического клише в творчестве местных авторов. Немногим удалось создать небанальный образ текстильного края, создать собственный миф.

Промышленная среда Донбасса нашла отражение в малоизвестной российскому читателю литературной и, в частности, поэтической мифологии. Образ шахтерского края как ключевого форманта украинской метагеографии и геоидеологии в творчестве В. Сосюры рассматривается в статье В. П. Хархун. Эволюция этого образа («Донбасс индивидуального прошлого», «революционный», «промышленный», «военный» Донбасс) связывается с образом «героя места» и локусами индустриального пейзажа.

Анализируя индустриализацию как коммунистический проект, известный историк архитектуры М. Г. Меерович выделяет тринадцать ключевых аспектов этого процесса в советской истории («коллективная мудрость», «коммуна», «новый человек», «новая экономическая политика», «воля вместо экономики», «концепция социалистического расселения», «военное благополучие», «пролетарские ядра», «коллективизация», «жизнедеятельность», «принудительные миграции», «от станка до пиджака» и «соцгород»). Автор констатирует, что общегосударственные программы размещения социалистической промышленности, концепция социалистического расселения, идея соцгорода продолжают существовать и сегодня. Однако опыт из этого уникального социально-культурного эксперимента в ходе современного промышленного реформирования хозяйства не извлекается.

Два последних текста, включенных в сборник написаны уральскими авторами. Предлагаемые ими кейс-стади в очередной раз показывают близость символических практик освоения места в разных индустриальных локусах. Личная погруженность авторов в материал исследований придает им особую привлекательность. Для Первоуральска — города, о котором идет речь в статье О. В. Шабуровой, одной из таких символических доминант является образ трубников, в соседней Ревде — образ «цветников» — тружеников цветной металлургии. В настоящее время метаморфозы

металлургической мифологии (черной/грязной и белой/чистой) сделали возможным использование для ее репрезентации гламурных приемов в духе самых продвинутых рекламных технологий. Меткие замечания автора дают понять, что гламурные послы мало соотносятся с реальностью среды индустриального города.

Обострение в последние годы концептуального интереса к индустриальности Екатеринбурга стало предметом внимания Е. С. Кочуховой. Ее анализ «уральскости», отталкиваясь от образа края (вос)созданного в совместном проекте Л. Парфенова и А. Иванова «Хребет России», сосредотачивается на попытке художественного осмысления индустриального наследия в рамках прошедшей в 2010 году первой индустриальной биеннале современного искусства. История Свердловска XX века задает логику восприятия пространства Екатеринбурга — ударные стройки Советской власти, заводское пространство, человек-строитель, горожанин-рабочий, город-завод, завод по производству советского человека, завод по производству смыслов.

География объектов анализа городской индустриальной среды, представленная в сборнике, заметно шире Манчестеров всех стран. Полагаю, что это не следует считать недостатком книги, как и междисциплинарный характер представленных в ней текстов. Современные проблемы Иванова, как города, узнавшего за свою сравнительно короткую историю многие взлеты и падения, могут быть интересны многим. В свою очередь, знакомство с процессами, протекающими в городах с существенно иной индустриальной специализацией, полезно властям и интеллектуалам как российского Манчестера, так и других городов. Осмысление проблем постиндустриального города в широком контексте позволяет увидеть тупики и перспективы развития.

М.Ю. Тимофеев

Лодзь, декабрь 2011 г

СОБЫТИЯ, ХРОНИКА

А. В. Зобнин

II НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕЦЕНАТЫ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

16 февраля 2012 года Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д. Г. Бурылина отметил 160-летие со дня рождения своего основателя Почётного гражданина города Иваново, мецената и промышленника.

Дмитрий Геннадьевич Бурылин (1852-1924) — личность богатая и неординарная, он тонко чувствовал искусство, сам писал стихи, долгое время работал над книгой по истории Иваново-Вознесенска, много путешествовал, приобретая для любимого детища своего — музея, ценные экспонаты.

Он внес значительный вклад в дело культурного подъема в крае. Его собрание еще при его жизни во многом определяло культурную жизнь Иваново-Вознесенска, а позднее стало катализатором создания целой сети музеев и музейных экспозиций, сделавших Иваново одной из самых богатых в этом отношении территорий России.

Дмитрий Геннадьевич принадлежал к тому благородному типу коллекционеров, которые не закрывали свои коллекции от посторонних глаз, а наоборот, были счастливы, когда их могли видеть как можно больше людей и не только на престижных зарубежных выставках, но и дома, в родном городе. По духовному завещанию Д. Г. Бурылина его коллекции передавались городу. В настоящее время Ивановский государственный историко-краеведческий музей представляет собой одно из лучших собраний музейных коллекций России.

В рамках юбилейных мероприятий на кладбище Балино состоялась поминальная лития и возложение цветов на могилу Д. Г. Бурылина. В этой церемонии приняли участие Глава городского округа Иваново В. М. Сверчков, начальник Департамента культуры и культурного наследия Ивановской области С. А. Шмелёва, представители Комитета по культуре администрации г. Иваново, потомки Дмитрия Геннадьевича, сотрудники Ивановского государственного историко-краеведческого музея.

В этот же день Белом зале Музея промышленности и искусства состоялось открытие II Научно-практической конференции «Меценаты русской провинции: история и современность», в работе которой приняли участие научные сотрудники музеев

Ивановской области, Ковровского историко-мемориального музея, Государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль», преподаватели ивановских вузов, историки-краеведы.

Значимым событием для всех участников конференции стала презентация нового музейного издания «Визитница Д. Г. Бурылина. Каталог». Эта книга — один из первых и наиболее представительных в современной России каталогов визитных карточек рубежа XIX – XX веков. Данное издание кратко отражает историю визитной карточки как неперемного элемента этикета и включает в себя оригинальные тексты и изображения визитных карточек круга делового, культурного общения, а также представителей семейства Д. Г. Бурылина (1852–1924), хранящихся в собрании музея. Визитные карточки из настоящей коллекции являются ценным источником информации о личности и деятельности известного мецената. В презентации приняла участие известный московский историк-музеевед, лауреат премии «За вклад в развитие делового этикета в России» (2011) Э. Б. Басманова.

Конференцию открыли пленарные доклады кандидата исторических наук, директора Ивановского государственного историко-краеведческого музея А. В. Зобнина с темой «Д. Г. Бурылин. К 160-летию со дня рождения» и профессора ИвГУ, доктора философских наук Г. С. Смирнова — «Музейная культура везде-вечности: синтез ноосферного сознания Д. Г. Бурылина».

В рамках работы одной из двух секций «Меценатство и благотворительность» прозвучали 17 докладов, в которых была затронута меценатская и благотворительная деятельность фабрикантов, купцов Иваново-Вознесенска, Шуи, Вичуги, Заволжска, Кинешмы, других городов и сёл края, изучение традиций благотворительности и меценатства русской провинции, история развития социально-культурной сферы края. Для музейной секции было подготовлено 13 докладов, которые были посвящены изучению музейных фондовых собраний, атрибуции музейных предметов, новым формам музейной работы.

В этот день в дар музею была передана серебряная медаль «Дмитрий Геннадьевич Бурылин», созданная специально к юбилею основателя музея потомственным гравёром И. А. Целевичем.

К юбилею мецената в Белом зале Музея промышленности и искусства открылась выставка «Д. Г. Бурылин — служение добру», на которой представлены документы и фотографии, отражающие его благотворительную и меценатскую деятельность.

В этот день также состоялась благотворительная акция «День открытых дверей», когда все желающие смогли бесплатно посетить экспозиции Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина.

АННОТАЦИИ

Тимофеев М. Ю. Бес/з коммунизма: кризис идеологии в современной России (анализ семиотического дискурса)

Рассматривается специфика влияния процесса декоммунизации на трансформацию семиосферы коммунизма в последние годы существования СССР и в современной России. Обосновывается тезис, что случай России в значительной степени отличается от радикального разрыва с коммунистическим дискурсом в семиотических практиках, сформировавшихся в большинстве стран бывшего советского блока и прибалтийских республиках.

Надскакула О. Пути и беспутья религиозной терпимости

*Цель этой статьи — показать, как религиозная принадлежность влияет на создание оппозиции «Мы – Они», восприятия «другого», «чужого». Автор концентрируется на концепции религиозной терпимости. Как известно, религия используется как инструмент ведения определённой политики, что обостряет международные конфликты. Многие упомянутые в работе авторы (философы и мыслители) указывают, что нам требуется способность принятия «другого» и уважение его отличий. Следует понимать, что очень трудно быстро достичь религиозной терпимости (как *deus ex machina*) — особенно среди вероисповеданий, отношения которых связаны с историей взаимных конфликтов и споров. Но кажется, что формирование религиозной терпимости в современном мире неизбежно, и надо приложить усилия, чтобы мирное сосуществование многих религий стало реальностью в ближайшей перспективе.*

Крылова М.Н. Современная языковая личность и религия (на материале сравнительных конструкций)

В языке отражается культурная ситуация, сложившаяся в обществе, в том числе отношение современной языковой личности к религии. Анализ сравнительных конструкций, их образной составляющей показал, что современная языковая личность при создании сравнений апеллирует к образам, связанным с религией, хотя делает это и намного реже, чем ранее, на рубеже XIX-XX веков. Однако в духовном мире носителя языка соединяются, часто парадоксально, различные религиозные идеи: христианство, другие религии, язычество, суеверия. Говорящий апеллирует не к сути образа, не к его внутреннему значению, не к духовной составляющей, а к его внешним атрибутам. Для

современной языковой личности религиозные образы – способ привлечь внимание реципиента, быть модным, создать яркую характеристику персонажа, даже шутку.

Таганова Н. Л. Лирика казни (В. Набоков: «Приглашение на казнь» в контексте лирики 1920-х годов)

В данной статье на материале лирических произведений, образующих с «Приглашением на казнь» определенное смысловое единство, рассматривается проявление и функционирование мотива казни, смерти, причем акцент делается на намеченных автором гностических рецепциях интересующего нас мотива, которые в дальнейшем окажутся доминирующими в набоковском романе. В результате исследования делается вывод о том, что мотив казни, ставший одним из принципиально значимых в парадигме исследования набоковского творчества, был намечен и во многом оформлен еще в лирических произведениях Набокова, которые можно считать своеобразным прологом к его прозе.

Крылов М. П. Взаимодействие смежных наук при изучении региона: эффективность и сочетаемость методологий и теоретических допущений

В статье проанализированы предпосылки междисциплинарного изучения регионов. Рассмотрены сильные и слабые стороны теории и методологии социологии и общественной географии, как они представлены в современном российском контексте. Обсуждается проблема дополнительности результатов разных наук, изучающих регионы.

Левинтов А. Е. Уроки экономической истории. Критика советской экономики и её научной базы

В статье рассматриваются основные принципы советской плановой экономики и её научной базы. Автор уделяет особое внимание проблемам жизнедеятельности человека в условиях такой экономической модели. Критикуя главный принцип советской экономики – «человек – элемент производства», автор задумывается над вопросами: какова цена величия Советского Союза и его модели управления? Какая наука обслуживала советскую идеологию? К каким последствиям все это привело?

Карманова Д. А. Кризис российского высшего образования: к проблеме аспектизации

Статья посвящена кризису современной системы российского образования. Кризис этот, по мнению автора, имеет двойственный характер. С одной стороны, российское образование находится под влиянием негативных тенденций развития мировой системы образования, с другой – имеет свои внутренние проблемные точки, связанные со спецификой социально-экономических условий современного российского общества и накопленным историческим опытом в этой сфере. Речь идет о системном кризисе российского высшего образования, когда его цели не совпадают с результатами. Проблем много, и среди них выделяются такие, как нарушение преемственности среднего и высшего звеньев образования, недостаток финансирования этой сферы, старение и падение уровня подготовки педагогических кадров, снижение качества высшего образования, низкий уровень внедрения новых образовательных технологий и информатизации процесса обучения в вузе, несоответствие квалификации выпускника учебного заведения требованиям рынка труда. Наличие этих проблем указывает на необходимость создания новой парадигмы образования, ориентированного на запросы российской национальной экономики.

Пулькин М. В. Система «ВАКовских» публикаций как проблема антропологии научной жизни

В статье рассмотрены основные проблемы, связанные с оценкой успешности научной работы исходя из количественных показателей. Автор опирается при изучении данной проблемы на собственный успешный опыт взаимодействия с редакциями журналов. Основное внимание уделено классификации журналов, предлагающих авторам возможности публикаций, а также специфическим чертам деятельности самих современных исследователей. В статье указано, что существующая система далека от совершенства. В то же время она является существенным стимулом для освоения смежных гуманитарных дисциплин.

Гуцуляк О. Б. Изначальный архетип Украины и России

В статье анализируется общеславянский базисный архетип «Рай-Сад-Царство», трансформировавшийся в украинской ментальности в архетип «Обособленного места (края)», а в русской ментальности – в архетип «Странствующего Царства», обусловившие коллизии исторического и политического развития русского и украинского народов.

Смирнов Г. С. Декабристы 21 века: кризис бинарного бонапартизма в России

В авторском эссе оценивается сложившаяся в политическом процессе современной России ситуация. Философ проводит исторические аналогии, рассуждает о причинах массовых общественных акций в стране в конце 2011 года – начале 2012.

Маслов Д. В. Reinventing the City, или Иваново – Молодежная столица Европы

В 2011 году город Иваново боролся за право стать Молодежной столицей Европы 2014 и, опередив ряд европейских городов, в том числе Барселону, в финале уступил греческим Салоникам. В статье анализируются перспективы участия провинциального российского города в проекте «Молодежная столица Европы».

SUMMARIES

Mikhail Timofeev. Without communism: the ideology crisis in modern Russia (semiotic discourse)

The specific character of the influence of decommunization on the transformation of the semiosphere of communism during the last years of the USSR existence and also in modern Russia is considered. The thesis that the case of Russia is very different from the majority of the former members of the Soviet bloc, including Baltic states, where the rupture with the communist discourse in semiotic practices could be seen, is substantiated.

Olga Nadskakula. Ways and meander of religious tolerance

The purpose of this article is to show the influence of religious affiliation on making opposition "we" - "they" and the perception of "other", "alien". The author concentrates on the concept of religious tolerance. Furthermore it is easily to notice how much the religion is used as an efficient way to pursue a certain policy, which enhances international conflicts. According to the authors (philosophers, thinkers) quoted in the text, we need an ability to adopt the perspective of others and to respect their otherness. It is extremely difficult to achieve religious tolerance at once (like a deus ex machina) - especially among those faiths whose mutual relationship is associated with a history of conflicts and disputes. However, it seems that religious tolerance is the challenge of our times and efforts should be made so that it can be achieved within the shortest possible time.

Mary Krylova. Modern linguistic personality and religion (on the material of comparative constructions)

The language reflects the cultural situation in the society, including the ratio of modern linguistic personality to religion. The analysis of comparative constructions and their figurative component has shown that the modern linguistic personality when making comparisons appeals to the images associated with religion, though it does so not that often than before, at the turn of the XIX-XX centuries. However, in the spiritual world of native speakers the various religious ideas of Christianity, other religions, paganism, superstition, are connected, often paradoxically. The speaker appeals not to the essence of the image, not to its internal value, not the spiritual component, but to its external attributes. For modern linguistic

personality religious imagery is a way to attract the attention of the recipient, to be fashionable, to create a vivid picture of the character, even a joke.

Natalia Taganova. Lyrics of the Execution (Invitation to a beheading in the context of Nabokov's lyric poetry of 1920s)

Author is concerned with the motive of execution and death and its representation given in Nabokov's lyric poetry as well as in his master novel "Invitation to a beheading". Special attention is drawn to Nabokov's gnostic receptions of this motive dominating the aforementioned novel. The motive of execution and death in Nabokov's works has its origins in his early poetry, thus the latter can be viewed as a prologue to his masterful prose.

Mikhail Krylov. Interaction of related sciences in the study of the region: efficacy and compatibility of the methodologies and theoretical assumptions

The article analyzes the background of interdisciplinary study of the region. The strengths and weaknesses of the theory and methodology of sociology and social geography, as they appear in contemporary Russian context, are described. The article discusses the problem of the complementarity of the results of various sciences that study the regions.

Aleksandr Levintov. The lessons of economic history. Criticism of the Soviet economy and science base

The article discusses the basic principles of the Soviet planned economy and its scientific base. The author pays particular attention to the problems of human life in such an economic model. Criticising the main principle of the Soviet economy - "The Man is an element of production", the author thinks about the questions: what is the price of greatness of the Soviet Union and its management model? What science has served the Soviet ideology? To what effect did all this lead?

Darya Karamanova. The crisis of the Russian education system

The crisis of the modern Russian education system has a dual character. On the one hand, it is influenced by the negative trends in global education system, on the other – has its own internal problem areas associated with specific socio-economic conditions of contemporary Russian society and the historical experience gained in this field. It is a systemic crisis of Russian higher education, when its goals do not coincide with the results. There are a lot of problems, and among them are the violation of the continuity of secondary and higher education units, lack of funding for this sector, aging and decline in teacher training, reducing the quality of higher education, the low level of implementation of new educational technologies and

informatization of educational process at the university, the discrepancy of qualified graduates to the labor market. These problems indicate the need for a new paradigm for education-oriented queries for the Russian national economy.

Maksim Pulkin. The system of "VAK" publications as the problem of the Anthropology of scientific life

The article describes the main problems connected with the assessment of the success of the scientific work on the basis of quantitative indicators. In the study of this problem the author relies on his own successful experience of interacting with the editorial offices of journals. Emphasis is placed on the classification of journals, offering authors the possibility of publishing, as well as specific features of modern researchers themselves. It is stated in the article that the current system is far from being perfect. At the same time, it is an important stimulus for the development of related humanities.

Oleg Gutsulyak. The Primordial Archetype of Ukraine and Russia

The article analyzes the basic single Slavonic archetype of "Paradise-Garden-Kingdom" transformed into Ukrainian mentality in the archetype of "isolated place (region)", and in the Russian mentality - in the archetype of the "kingdom of Errant", giving rise to a conflict of historical and political development of the Russian and Ukrainian peoples.

Grigory Smirnov. The Decembrists of the 21st Century: the crisis of the binary Bonapartism in Russia

In the essay, the author assesses the political situation in Russia today. The philosopher holds historical analogies, discusses the causes of mass public events in the country in late 2011 - early 2012.

Dmitry Maslov. Reinventing the city or Ivanovo as European Youth Capital

In 2011, the city of Ivanovo, fought for the right to become the European Youth Capital of 2014. In this struggle it left behind several European cities, including Barcelona, and only in the final yielded to the Greek Thessaloniki. The article analyzes the prospects of participation of the provincial Russian city in the project "European Youth Capital"

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гуцуляк Олег Борисович (Ивано-Франковск, Украина) – кандидат философских наук, директор Центра Востока и Запада «МезоЕвразия» (<http://www.mesoeurasia.org>) заместитель директора Научной библиотеки Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника, главный эксперт Восточного бюро этнополитических исследований Центра Льва Гумилёва, член Совета директоров консалтинговой формации «Примордиал-Альянс». **e-mail:** goutsoullac@rambler.ru

Зобнин Алексей Владимирович (Иваново, Россия) – кандидат исторических наук, директор ГБУ Ивановской области «Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурдылина». **e-mail:** alexzobnin1982@gmail.com

Карманова Дарья Александровна (Иваново, Россия) – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры Менеджмента, экономического анализа и учета ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный архитектурно-строительный университет». **e-mail:** darico3000@gmail.com

Крылова Мария Николаевна (Зерноград, Россия) – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия». **e-mail:** krylovamn@inbox.ru

Крылов Михаил Петрович (Москва, Россия) – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва. **e-mail:** mpkrylov@yandex.ru

Левинтов Александр Евгеньевич (Москва, Россия) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и социальной экологии ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет». **e-mail:** a.levintov@mail.ru

Маслов Дмитрий Владимирович (Иваново, Россия) – кандидат экономических наук, директор научного центра бенчмаркинга и совершенствования Ивановского государственного энергетического университета. **e-mail:** maslow@bk.ru

Надскакула Ольга (Краков, Польша) – кандидат политических наук, ассистент кафедры политических и юридических доктрин Папского Университета Иоанна Павла II. e-mail: onad@op.pl

Пулькин Максим Викторович (Петрозаводск, Россия) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. e-mail: vmp@sampo.ru

Смирнов Григорий Станиславович (Иваново, Россия) – доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, член-корреспондент РАЕН, член-корреспондент РЭА. e-mail: ssmirnov@mail.ru

Таганова Наталья Леонидовна (Иваново, Россия) – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО «Ивановская Государственная Текстильная академия», e-mail: natle@yandex.ru

Тимофеев Михаил Юрьевич (Иваново, Россия) – доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, заместитель председателя Центра этнических и национальных исследований ИвГУ, член Союза журналистов России. Главный редактор сетевого издания «Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований». e-mail: timofeev.01@gmail.com, editor@journal-labirint.com